

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Е. В. Тюлина

«Сказание о Савитри»

Архаический миф
в древней и средневековой традиции

Москва
ИВ РАН
2019

ББК 63.3 (5Инд)

Т 982

К 200-летию
Института востоковедения РАН

Ответственный редактор:

Ю. М. Алиханова

Рецензенты:

Л. Б. Алаев

Н. В. Александрова

Тюлина Е. В.

Т 982 «Сказание о Савитри». Архаический миф в древней и средневековой традиции / отв. ред. Ю. М. Алиханова; Институт востоковедения РАН. – М.: ИВ РАН, 2019. – 168 с.

ISBN 978-5-89282-876-5

Исследование посвящено «Сказанию о Савитри», входящему в III книгу («Лесную») «Махабхараты», памятника середины I тыс. до н.э. В книге показано, как архаический миф о путешествии героини в мир мертвых ради спасения супруга трансформируется в индийской традиции и каким изменениям он подвергается в древнем и средневековом вариантах сказания. Важнейшей частью работы являются переводы «Сказания о Савитри» и его версии из «Матсья-пураны», снабженные необходимыми комментариями.

© Тюлина Е.В., 2019

© Колерская А.С., дизайн обложки, 2019

© ФГБУН ИВ РАН, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	5
----------------	---

Глава 1

Герои «Сказания о Савитри»: образы древности и средневековья.....	16
--	----

Глава 2

Лес в «Сказании о Савитри»: мифологические истоки и трансформация образа	44
---	----

Махабхарата. Аранькапарва. Сказание о Савитри

Глава 277.....	53
Глава 278.....	60
Глава 279.....	66
Глава 280.....	70
Глава 281.....	75
Глава 282.....	91
Глава 283.....	97

Матсья-пурана. Сказание о Савитри

Глава 208.....	100
Глава 209.....	103
Глава 210.....	107
Глава 211.....	110
Глава 212.....	113
Глава 213.....	117
Глава 214.....	120

Литература.....	122
<i>Указатели</i>	
Термины и реалии.....	125
Имена	127
Список сокращений	130
<i>Приложение</i>	
Махабхарата. Араньякапарва. Сказание о Савитри. Текст на санскрите.....	131
Summary.....	165

*tat savitur vareṇ(i)yam
bhargo devasya dhīmahi
dhiyo yo naḥ pracodayāt*

Мантра «Савитри», «Ригведа» III.62.10

Мы хотим встретить этот желанный
Блеск бога Савитара,
Который должен поощрять наши поэтические мысли!

Перевод Т. Я. Елизаренковой¹

ВВЕДЕНИЕ

В каждой стране существуют легенды, в которых воплощены представления о семейном долге и взаимоотношениях в семье. Залогом счастливой семейной жизни является супружеская верность, которая в народном сознании чаще всего ассоциируются именно с женским образом – образом добродетельной супруги, готовой спасти своего мужа даже ценою собственной жизни. В Индии символом идеальной жены считается героиня эпоса Савитри, имя которой стало нарицательным. Так называют идеальную жену, верную мужу, полную любви и самоотверженности.

«Сказание о Савитри» входит в состав III книги «Махабхараты» (Мбх III.277–283), памятника сер. I тыс. до н. э. Оно представляет собой самостоятельное произведение, не имеющее прямого отношения к основному повествованию «Махабхараты» и вставленное в него по типу «рассказа в рассказе» – характерному приему восточной

¹ Ригведа. Мандалы I–IV. М., 1989. С. 356.

литературной традиции. В «Махабхарате» подобные сказания относятся к таким жанрам, как *махатмья* («величальная», от *mahātman* – «великий духом») и *махабхагья* («песнь о великой участи», от *mahābhāga* – «великая участь»), прославляющие тех, кому они посвящены, или же к преданиям, называемым *итихаса* («быль»), и повествованиям о доблести и стойкости предков, именуемым *чарита*. «Сказание о Савитри» ближе всего к жанру *махабхагья*. Повествования могут называться также терминами *акхьяна* и *катха*, образованными от глаголов, означающих «говорение» (*ākhyā* и *kath*)². «Сказание о Савитри» в изданиях «Махабхараты» обозначается термином *упākхьяна* (*upākhyāna*).

В третьей книге «Махабхараты», т. н. «Араньякапарве» («Лесной книге») описывается 12-летний период, который сыновья Панду, царя Хастинапуры, и его жен Кунти и Мадри, так называемые Пандавы («потомки Панду»), провели в лесу, проиграв царство Кауравам в ритуальной игре в кости и удалившись в тринадцатилетнее изгнание. Пандавы (Юдиштхира, Бхима, Арджуна, близнецы Накула и Сахадева) и их жена Драупади были вынуждены скитаться по лесам: лесу Камьяка и другим, лесным ашрамам. В пути с ними происходили различные приключения. С событиями, в которых они участвовали, и перекликались все рассказанные истории. Они могли вкладываться в уста великого ведийского сказителя Маркандеи или же других персонажей – отшельников, придворных и даже случайных спутников.

Такие рассказы появляются в самые тяжелые моменты жизни Пандавов. Они призваны утешить их и помочь стойко перенести все выпавшие на их долю испытания.

² Невелева С. Л. Мудрец-сказитель в «Махабхарате» (к проблеме эпического текстосложения) // *Colloquia classica et indo-germanica* – IV. Отв. ред. Н. Н. Казанский. СПб. (Acta linguistica Petropolitana. Труды ИЛИ РАН. Т. IV. Ч. 1), 2008. С. 283.

В этих поучительных историях герои попадают в сложные ситуации, напоминающие те, в которых оказываются Пандавы. Так «Сказание о Савитри» соответствует тому моменту, когда противник Пандавов Джаядратха, царь страны Синдху, похитил их жену Драупади. Историю о Савитри великий мудрец Маркандея рассказал Юдхиштхире, старшему из пяти сыновей Панду, для того чтобы доказать ему, что Драупади, подобно Савитри, не только спасет саму себя, но и своих супругов, так как она добродетельная, верная жена.

Перевод и изучение «Сказания о Савитри» имеют в России богатейшую историю. Первый перевод был сделан П.Я. Петровым³, который с 1841 преподавал санскрит и читал курсы по индийской литературе и истории в Казанском университете. Надо отметить, что сравнительно широкая известность «Сказания о Савитри» в России, да не только в России, неразрывно связана с традициями преподавания санскрита, когда для изучения языка используют классические, наиболее значимые для древнеиндийской культуры тексты. Уже в XIX веке сказание было включено в учебники и хрестоматии по санскриту как обязательный учебный текст. Российские студенты до сих пор учатся читать «Савитри» по «Руководству к изучению санскрита» В.О. Миллера и О.И. Кнауэра, изданному в 1891 году и переизданному в 1999-м⁴. Фрагмент сказания (первые четыре главы) входит в «Первоначальный курс санскрита» В.А. Кочергиной⁵ и также используется для обучения.

³ Сказание о Савитрии (Из «Махабхараты»). Пер. с санскр. *П. Петрова* // Москвитянин. 1841. Ч. 6, № 12. С. 337–352.

⁴ Руководство к изучению санскрита, составленное проф. московск. университета *В. О. Миллером*, проф. киевск. университета *О.И Кнауэром*. СПб., 1891 // Санскрит. СПб., 1999. С. 172–198.

⁵ *Кочергина В. А.* Первоначальный курс санскрита. М., 1956. С. 128–137.

В 50-е годы над переводом «Махабхараты» в Ашхабаде работал врач-нейрохирург, академик АН Туркменской ССР, Б.Л. Смирнов. Он самостоятельно выучил санскрит и увлекся изучением философии, религии и культуры Индии. Изданные при его жизни переводы составили семь выпусков, в которых представлены тексты «Махабхараты», по его мнению, наиболее интересные в художественном и религиозно-философском отношении. Восьмой выпуск вышел уже после смерти ученого. Перевод «Сказания о Савитри» под названием «Супружеская верность» вошел в первый выпуск, наряду с переводом другого эпизода из III кн. «Махабхараты» – «Сказания о Нале»⁶. Эти сказания – одни из самых поэтичных и известных произведений Древней Индии. Их перевод, помимо того, что требовал от переводчика глубоких знаний в области языка и культуры Индии, ставил перед ним серьезные художественные задачи. Тем более, что первый литературный перевод «Сказания о Нале» был сделан В.А. Жуковским. Б.С. Смирнов подолгу работал над переводами (например, известно, что он сделал 17 переводов «Бхагаватгиты»). Эта работа продолжалась и после издания текстов. Так он переработал «Две поэмы» при переиздании в 1959 году⁷ и снабдил их толковым словарем. Смирнов выработал свой способ передачи эпического стиха, обычно написанного т. н. шлоками, состоящими из четырех пад (стихов) по восемь слогов, разделенных на две пары, между которыми делается пауза. Сам он пишет о своем стиле следующее: «В переводе мы стремились дать основные принципы литературного построения подлинника: смысловую законченность

⁶ Две поэмы из III книги (Сказание о Нале. Супружеская верность). Перевод с санскрита, введение и примечание Б.Л. Смирнова. Ашхабад, 1955.

⁷ Две поэмы из III книги. Сказание о Нале. Супружеская верность. Перевод с санскрита, введение и примечания Б.Л. Смирнова, Ашхабад, 1959.

шлок, смысловую симметрию стоп, общее художественное впечатление ритмической речи, но не настаивали на передаче метрико-силлабической формы. Двустипшия нашего перевода по смыслу строго соответствуют санскритским шлокам. В основу ритмики мы положили амфибрахий паузного свободного стиха»⁸.

Примерно в это же время, что и Б.Л. Смирнов, перевод «Савитри» сделала Н.В. Лобанова, профессиональный индолог, изучавшая санскрит у Ф.И. Щербатского. Тяжелейшие жизненные обстоятельства (отчисление из ЛГУ на пятом курсе, арест мужа, длительная ссылка, подорванное здоровье) не позволили ей в полной мере реализовать свой творческий и научный потенциал⁹. Даже перевод «Савитри», названный ею «Повесть о Савитри», казалось бы далекий от какой-либо политики, был издан лишь через двадцать лет после ее смерти¹⁰. По свидетельству ее дочери, В.К. Афанасьевой, она много размышляла над формой передачи текстов из «Махабхараты» средствами современного русского языка, что видно из её переписки с Б.Л. Смирновым, в которой они обсуждали вопросы перевода¹¹. Кроме того, в архиве ее дочери сохранился машинописный экземпляр ее отзыва (1950 г.) на перевод «Адипарвы» (I книги «Махабхараты»), подготовленный В.И. Кальяновым. В нем она сформулировала свои взгляды на проблему перевода. В числе прочего ее не удовлетворяла сама прозаическая форма перевода. Она считала, что «для поэтических произведений, каким

⁸ Указ. соч. С. 3.

⁹ О ее жизненном пути см.: *Афанасьева В. К., Васильков Я. В.* Древнеиндийская «Повесть о Савитри» в переводе *Н. В. Лобановой* // Петербургское востоковедение. Вып. 9, СПб., 1997. С. 87–89.

¹⁰ Повесть о Савитри. Перевод *Н. В. Лобановой*, примечания *С. Л. Невелевой*, публикация *В. К. Афанасьевой и Я. В. Василькова* // Петербургское востоковедение. Вып. 9, СПб., 1997. С. 90–114.

¹¹ *Афанасьева В. К., Васильков Я. В.* Указ. соч. С. 89.

является “Махабхарата” в целом, сохранение ритмической формы необходимо»¹². Она также пишет и об особенностях прозаической формы перевода поэтического текста. Ее мысли на этот счет настолько интересны, что приведем их полностью: «Может хорошо звучать и прозаический перевод, если он выполнен художественно, если переводчик ощущает стиль подлинника и стремится его передать. Таковую прозу перевода должно пронизывать воспоминание о стихе оригинала. Даже и в прозаическом переводе “Махабхараты” читатель должен ощущать исчезнувший стих, должен ощутить чередование стиха и прозы, что встречается в “Махабхарате”, деление текста на шлоки как ритмико-синтаксические единицы, наконец, чередование (независимо от стихотворной или прозаической формы выражения) чисто поэтического с прозаическим. Это чередование также характерно для “Махабхараты”, в которой сами индийцы видели одновременно и *ити-хасу* (сказание), и *шастру* (науку)». Она считала совершенно необходимым «воспроизведение композиционного деления на шлоки как синтаксические единицы», предостерегала от использования «длинных путанных предложений», создающих «впечатление тяжеловесности, в то время как шлока “Махабхараты” полна динамики»¹³. Сам перевод Н.В. Лобановой сделан ритмизированной прозой с сохранением разбивки на шлоки. В нем она обратилась к несколько архаичной, красивой лексике русских сказаний. Даже в водных предложениях, маркирующих начало речи действующих лиц, вместо привычных «такой-то сказал», она пишет «промолвил такой-то». Перевод получился поэтичным, ясным и вместе с тем близким к оригиналу.

¹² Указ. соч. С. 88.

¹³ Указ. соч. С. 89.

Существует также перевод «Сказания о Савитри», выполненный С.Л. Невелевой. Он входит в состав академического издания (т. н. «черной серии») перевода третьей книги «Махабхараты»¹⁴. В нем текст памятника передается прозой без разбивки на шлоки (для ориентации в тексте их номера указаны на полях группами, соответствующими логически законченному отрывку). Этому изданию предшествовала и сопутствовала огромная работа по изучению индийской мифологии, эпоса и его лексики, что нашло отражение в научных трудах¹⁵. В своем переводе С.Л. Невелева постаралась передать те особенности эпического языка, которые она считала наиболее существенными. Это строгий научный перевод, снабженный комментариями и указателями.

Есть и литературный перевод сказания, вошедший в перевод «Махабхараты» в серии Библиотека всемирной литературы, сделанный С.И. Липкиным¹⁶. К сожалению, этот талантливый поэт и переводчик, работая по подстрочнику и будучи совершенно не знакомым ни с литературой Индии, ни с ее культурой, не понял особенностей этого памятника. Он воспринял его не как классическое

¹⁴ Повесть о Савитри // Махабхарата. Книга третья. Лесная (Араньяка-парва). Пер. с санскрита, предисловие и комментарий Я.В. Василькова и С.Л. Невелевой. М., 1987. С. 554–571.

¹⁵ Невелева С.Л. Мифология древнеиндийского эпоса (пантеон). М., 1975; Она же. Махабхарата. Изучение древнеиндийского эпоса. М., 1991; Она же. Махабхарата: художественный язык древнеиндийского эпоса. Исследование. СПб., 2010; Она же. Древнеиндийская эпическая метафора (по данным «Махабхараты») // Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-88431-233-3/. С. 20; Васильков Я.В., Невелева С.Л. Ранняя история эпического сравнения (на материале VIII книги «Махабхараты») // Проблемы исторической поэтики литератур Востока. М., 1988. С. 152–175.

¹⁶ Сказание о Савитри – о жене преданной и любящей. [Перевод С. Липкина] // Махабхарата. Рамаяна. Перевод с санскрита: Библиотека всемирной литературы. Т. 2, М., 1974. С. 66–90.

эпическое произведение, а как народный примитив. При этом его текст далек от простонародного устного творчества хотя бы потому, что в нем используются рифмы, хотя и весьма примитивные. Этот перевод не дает никакого представления об оригинале, это скорее его упрощенное переложение. Однако, судя по публикациям и откликам в Интернете, именно он пользуется наибольшей популярностью, по-видимому, именно из-за простоты языка в противовес тяжелой и «подсушенной» лексики научных переводов.

Я предлагаю свой перевод «Сказания о Савитри»¹⁷. Для меня с первого знакомства с этим произведением наибольшую ценность представляли именно его художественные особенности. Передать их можно только с помощью литературного перевода, хотя существует мнение, что «устно поэтическое происхождение “Махабхараты” и, следовательно, фольклорный характер эпического стиха» приводит к тому, что «перевод индийского эпоса русским литературным стихом не может быть допущен даже в качестве труднодостижимого идеала». С моей точки зрения, хотя «устно-эпический стих по своей поэтике и эстетике в корне отличен от стиха литературного»¹⁸, однако в любом случае при переводе мы создаем новое произведение именно письменного характера. Необходимо, чтобы поэтический текст в переводе также воспринимался как поэзия. Для наших читателей таковым является произведение, написанное четко выдержанным размером. Для того чтобы, по заветам Н.В. Лобановой, избежать монотонности речи и придать тексту динамику, я стараюсь употреблять неожиданные обороты, непривычную для

¹⁷ Перевод сделан по изданию: The Mahābhārata, the great epic of India, for the first time critically edited by Vishnu S. Sukthankar. Vol. III–IV. The Aranyakaparvan (Pt. 1–2). Poona, Bhandarkar Oriental Research Institute, 1942.

¹⁸ Афанасьева В. К., Васильков Я. В. Указ. соч. С. 89.

современного читателя «старую» лексику. Кроме того, для сохранения индийского колорита в переводе используются типичные для «Махабхараты» эпитеты, вроде «лото-соокая», «широкобедрая» и пр. Непереводимые санскритские термины, такие как «дхарма», оставляются в тексте без перевода и объясняются в комментариях. Для меня совершенно недопустимым было использование рифм, которые невозможны для эпоса «Махабхараты». Однако совсем без рифмы трудно создать впечатление поэтической речи, поэтому в тексте присутствуют скрытые рифмы и слова, сходные по звучанию.

При этом каждая шлока переводится как отдельная строфа, состоящая из двух полустроф. В исключительных случаях полустрофы меняются местами или же некоторые слова оказываются перенесенными из одной полустрофы в другую, например, обращения к собеседнику. И то, и другое вызвано особенностями построения фразы в русском языке. Для сохранения ритма перевода иногда приходилось дополнительно использовать некоторые служебные части речи, такие как союзы «а» и «и». Ограничение, заданное размером, заставило меня задуматься о ёмкости создаваемого мной текста, исключая использование пояснительных слов, которых нет в оригинале и которые в научных переводах принято выделять квадратными скобками. Я стремилась дать дословный перевод текста, однако в некоторых случаях этого было недостаточно для того, чтобы передать его смысл – требовались дополнительные изобразительные средства. Благодаря длительной работе над текстом, мне удалось сделать достаточно близкий перевод этого памятника, хотя первоначально я планировала сделать два перевода – прозаический подстрочник и поэтический перевод.

Кроме того, в книге представлен перевод варианта сказания, известного из «Матсья-пураны» (МП 208–214)¹⁹. «Матсья-пурана» – обширное произведение индуизма, состоящие из 291 главы. Она входит в состав 18-ти канонических пуран, называемых махапуранами. Пураны считаются эпическими произведениями, однако помимо мифов и легенд, они включают в себя обширные описания ритуалов, научные, этические и научные трактаты. Это компилятивные произведения, состоящее из текстов разного времени и содержания. «Матсья-пурана» названа в честь Матсьи – аватары бога Вишну в виде рыбы. Несмотря на такое название, она включает в себя не только вишнуитские, но и шиваитские тексты. Помимо мифологического материала и описаний ритуалов, в нее входит трактат по вастувидье (строительству и изобразительному искусству), в основе которого лежат тексты VI–IX вв. Датировку «Матсья-пураны» чрезвычайно усложняет то, что она является компилятивным произведением. Это заставляет определять время создания каждого текста отдельно. Разброс датировок составляет 17 веков: от IV в. до н. э. – до XIII в.²⁰.

Хотя «Сказание о Савитри» «Матсья-пураны» было создано на основе древнего варианта из «Махабхараты», но оно совершенно не похоже на свой прототип. Это скорее его пересказ, отражающий совершенно иное мировоззрение и дающий возможность увидеть, насколько изменились представления о мире, лежащие в его основе. Многие отличия его формы и содержания, о которых пойдет речь в исследовании, позволяют отнести его к средневековой традиции. Если в «Махабхарате» сказание включено в «Араньякапарву» («Лесную книгу»), то в «Матсья-пуране»

¹⁹ Перевод сделан по изданию: The Matsyamahāpurāṇam. Text in Devanagari. Translation and Notes in English. Pt.2, Delhi, 1983.

²⁰ Rocher L. The Purāṇas. Wiesbaden, 1986 (A History of Indian Literature. Ed. by J. Gonda. Vol. 2. Epics and Sanskrit Religious Literature. Fasc. 3). P. 199.

оно находится среди глав, которые посвящены объяснению благоприятных и неблагоприятных признаков или качеств различных существ, божественных изображений, объектов жертвоприношения. «Сказанию о Савитри» предшествует глава, посвященная рассказу об особенностях быков, где описывается, какие у них могут быть благоприятные и неблагоприятные признаки, на какие части делится их туловище и так далее. После сказания следует глава, посвященная тому, какими качествами должен обладать царь. Само «Сказание о Савитри» рассказывается в ответ на просьбу объяснить, какие добродетели присущи благородным, преданным женам.

В этом памятнике исчезает трепетное отношение к языку и его красоте, и он сильно уступает «Махабхарате» в художественном отношении. Поэтому я предлагаю прозаический перевод этого варианта сказания.

ГЛАВА 1

Герои «Сказания о Савитри»: образы древности и средневековья

В основе «Сказания о Савитри» лежит одна из самых красивых и поэтичных легенд древней Индии, заимствованная эпосом из более ранней традиции. Савитри, главная героиня сказания, была единственной дочерью царя Ашвапати. Она родилась после того, как Ашвапати, желая обрести потомство, исполнил тяжелейший обет в честь богини Савитри. Родившаяся девочка была названа именем этой богини. Ее имя *Sāvitṛī* букв. означает «имеющая отношение к Савитару, богу Солнцу», «дочь Савитара».

Со временем царевна выросла, но никто не решался ее посватать. Пришлось ей самой искать себе мужа. После долгих поисков ее выбор пал на Сатьявана, сына царя Дьюматсены. С детства Сатьяван воспитывался в лесной обители, так как его отец, потеряв зрение и став беспомощным, лишился царства и вынужден был удалиться в изгнание. Всем был хорош Сатьяван: и красив, и умен, и мужествен. Одно лишь могло стать препятствием к свадьбе. Мудрецами было предсказано, что ему отпущен короткий срок жизни и через год он должен умереть. Но Савитри имела мужество настоять на своем выборе. Когда подошел предсказанный срок конца его жизни и царь мертвых Яма явился за душой умирающего, Сави-

три отправилась в мир мертвых вслед за ним. По дороге между ними произошел словесный поединок, в котором она победила грозного царя смерти своим красноречием, мудростью, ученостью. Она не только спасла своего мужа от смерти, но вернула его отцу и зрение, и царство.

Более поздний вариант этого сказания, как уже говорилось, мы встречаем в «Матсья-пуране». Здесь Савитри также предстает в роли добродетельной супруги, однако ее образ претерпевает разительные перемены. По сути дела, в двух памятниках воспеваются два совсем разных образа идеальной жены. В пуране появляются другие характеристики и эпитеты героев. Первоначальные же эпитеты в новом контексте получают иное значение. Наличие двух вариантов сказания позволяет сравнить прочтение одного и того же сюжета в различные эпохи. При таком сравнении становятся отчетливо видны особенности и содержания, и формы каждого из этих текстов.

Сюжеты о попадании героев в потусторонний мир и их победе над смертью встречаются у всех народов и, как правило, являются отголосками древнейших мифов. В.К. Афанасьев и Я.В. Васильков в предисловии к переводу «Сказания о Савитри» Н.В. Лобановой вслед за индийским ученым Садашивом Амбадасом Данге отмечают связь «Сказания о Савитри» с мантрой, посвященной богу Савитару (Ригведа III.62.10), носящей название *Sāvitrī*, или *Gāyatrī*. «В ведийском мифе Савитри-Гаятри (персонификация мантры) похищает с небес живую воду (*сома*=*амрита*), чтобы поддержать жизнь богов (Шатапатха-брахмана III.2.4 и др.), сама эта мантра отождествляется с дыханием (*прана*) и жизнью (Джайминия-брахмана I.99, 292). В ходе обряда инициации (*упанаяна*) посвящаемый, как считалось, умирал, и именно сообщение учителем мантры Савитри даровало

ему “новое рождение”»¹. Вышеуказанные авторы ссылаются и на более поздний вариант сказания, содержащийся в «Сканда-пуране» (VII.1.166), где прямо говорится, что повествование о Савитри и Сатъяване посвящено возвеличиванию именно мантры Савитри². Само слово *Sāvitṛī*, бывшее одновременно и названием мантры, и именами богини и героини, ассоциировалось с идеей жизни, возрождения, энергией сакрального слова (мантрой). В «Махабхарате» животворящая энергия Савитри «развертывается» в пространную историю, в эпическое сказание, сохранившее, однако, между строк свои мифологические истоки.

Несмотря на древнейшие корни, «Сказание о Савитри» приобретает черты типичного эпического текста. В текстах такого рода для описания действующих лиц используется набор характерных эпитетов. Эпитеты, относящиеся к Савитри, достаточно шаблонны, но, стоит их собрать вместе, как из них складывается яркий образ Савитри, говорящий о ее особенностях и происхождении. Показательно, что большинство эпитетов Савитри связано с сиянием, жаром, блеском. Наиболее часто встречается эпитет *śubhā* (Мбх III.278.3, 6; 280.12; 281. 12, 36, 38, 43, 68, 92, 106) – «сияющая», «ясная», «обладающая великолепием», «благоприятная» или *śobhanā* – «обладающая блеском» (Мбх III.278.23; 279.8). Именно так к ней обращается царь мертвых Яма. Эти эпитеты не только описывают внешний блеск, красоту героини, они говорят, прежде всего, о ее внутренних качествах – об обладании особой внутренней энергией. Рождение Савитри было даровано ее отцу, в награду за *тапас*, то есть за принятие

¹ Афанасьева В. К., Васильков Я. В. Указ. соч. С. 85–86. Dange S. A. Legends in the Mahabharata. Delhi, 1969. P. 226–228. Он же. Savitri and the Banyan // Dange S. A. Glimpses of Puranic Myth and Culture. Delhi, 1987. P. 60–62.

² Афанасьева В. К., Васильков Я. В. Указ.соч. С. 86.

и исполнение мучительного обета, предпринятого ради обретения потомства. Первоначальное значение слова *manas* (*tapas*) – это «жар», «горение». Напомним, что этот обет Ашвапати совершал в честь богини Савитри, дочери бога Солнца – Савитара. Ее именем и была впоследствии названа дочь. Царевна Савитри оказывается своего рода земным воплощением солнечного божества, что подчеркивается и историей ее происхождения, и ее именем. Такая героиня, являющаяся воплощением божества на земле, характерна для эпосов наиболее архаического типа, важнейшей чертой которых является сохранение в них мифологического и ритуального фона³. Богиня Савитри, обещая Ашвапати дочь, как о самом важном ее качестве и наибольшем достоинстве, говорит, что она будет «блистающей», «огненной» (*tejasvinī*, Мбх III.277.17). Называется Савитри также «сияющей подобно пламени» – *jvalantīva tejasā* (Мбх III.277.27), а также *sāvitrīmiva tejasā* – «подобной сиянию богини Савитри» (Мбх III.282.34). Царь мертвых Яма при обращении к ней (Мбх III.282.30) использует эпитет *bhāminī* – красивая молодая женщина, букв. «пылкая женщина», так как слово образовано от глаг. *bhā* – «светить». Все эти эпитеты, как правило, переводятся как «прекрасная», однако они не только описывают ее красоту, они говорят о ее солнечной сущности, внешним проявлением которой является ослепительное великолепие. Во время обсуждения данной работы Ю.М. Алиханова поделилась наблюдением, что обладание подобным блеском (*tejas*) считалось мужским качеством и называлось среди признаков героев, царей и даже подвижников, добившихся славы своими решительными действиями и красноречием. Видимо, именно это ее качество отпуги-

³ Vassilkov Ya. The Mahabharata's Typological Definition Reconsidered // Indo-Iranian Journal. Vol. 38, № 3, July 1995. P. 249–256.

вало женихов. Однако светоносность дает возможность Савитри спасти мужа из мрака, в который он погружается после смерти, и победить царя мертвых Яму.

Савитри характеризуется также эпитетами, которые уже никак нельзя отнести к ее внешним качествам: она называется *taponvitā* – «следующая тапасу» (Мбх III.281.12), что можно переводить и как «снабженная жаром», и также эпитетом *tapasvinī* – «та, что практикует тапас», «очень аскетичная», «подвижница» (Мбх III.281.7). Другой похожий ее эпитет *mahāvratā* – «исполнившая великий обет» (Мбх III.280.23), или же *yatavratā* – «верная клятве» (Мбх III.281.50). Также ее называют *pativratā* (Мбх III.281.12, 18) – «соблюдающая обет верности мужу», что обычно переводится просто как «верная жена». Надо отметить, что результатом исполнения тапаса было приобретение своего рода энергии, магической силы. Савитри приняла суровый обет за три дня до предполагаемой кончины своего мужа и не прервала его, несмотря на уговоры царя Дьюматсены. Она заявила: «Свое обещание исполню! И это решение твердо. Решение – делу основа!» (Мбх III.280.6). Выполнение этого обета полностью, до конца, дало ей силы для спасения супруга. Именно об этом говорит родителям Сатьявана один из мудрецов, объясняя, почему их сын остался живым (Мбх III.282.17).

Наличие накопленной аскетическим обетом сакральной энергии – наиважнейшее качество Савитри, позволившее ей не только спасти мужа от смерти, но и помочь всем ее близким, что в древнем варианте сказания неоднократно подчеркивается. Об этом она сама говорит так:

«Мой свекор был дважды одарен – вернул свое царство
и зренье.

По сто сыновей получили и я, и отец мой в подарок.

Нам с мужем дарованы были четыре столетия жизни.

Все это за то, что исполнен мной тяжкий обет ради мужа»

(Мбх III.282.40–41).

Таким образом, ее животворящая энергия дарует власть, здоровье, продление жизни и рода. Все это также имеет отношение к «солнечности» образа Савитри.

Что касается эпитетов, характеризующих ее внешность, то их в древнем варианте сравнительно мало. Савитри называется прекраснобедрой (*varārohā*, Мбх III.282.98; *prthuśroṇī*, Мбх III.277.26), имеющей тонкую талию (*sumadhyā*, Мбх III.282.70), с глазами формы лепестков лотоса (*padmapalāśākṣī*, Мбх III.277.27) или синелотосоокой (*rājīvalocanā*, Мбх III.277.23). Обликом она напоминает Шри⁴ (*śrīriva rūpiṇī*, Мбх III.277.29) или богиню (*devarūpiṇī*, Мбх III.277.31). Подобные эпитеты являются стандартными для описания любых героинь в эпосе: это набор формул, в которых воплотился идеал женской красоты.

Однако, если сравнить со средневековым вариантом сказания, в «Махабхарате» чаще всего употребляются именно эпитеты, связанные с блеском и светом, они как бы дополняют имя Савитри (букв. «Солнечная»). Телесная же красота воспринимается лишь как внешнее проявление внутренней силы Савитри и свидетельствует о ее безупречности. Она так и называется в тексте – «безупречная, безукоризненная» (*aninditā*, Мбх III.280.32; 281.25, 27); «имеющая все достоинства» (*sarvaguṇānvitā*, Мбх III.279.17), «достигшая совершенства покаянием и обетом» (*niyamavratasaṁsiddhā*, Мбх III.281.18). Кроме того, она – «та, что приносит счастье» (*kalyānī*, Мбх III.277.34; 281.5),

⁴ Шри (*śrī*) – букв. «счастье», «великолепие». Чаще всего так называют богиню Лакшми.

«благоприятная», (*hitā*, Мбх III.280.12), «славная» (*yaśasvinī*, Мбх III.280.29), а также – «та, что обладает великой долей» (*mahābhāgā*, Мбх III.281.18). Она – радость рода» (*kulanandini*, Мбх III.281.55), «благородная жена» (*kulāṅganā*, Мбх.III.283.16). Все эти эпитеты не являются просто данью эпическим стандартным формулам, характеризующим любую героиню, в них отражена и обобщена вся история ее жизни.

В древнем варианте внутренняя сила Савитри проявляется не только в ее безупречности и красоте, но и в ее активных действиях. Она самостоятельно, хотя и по наказу отца, отправляется на поиски мужа и находит достойного жениха, что достаточно необычно для более поздних индийских представлений о том, как должна вести себя женщина. Кого же выбрала себе в мужа Савитри? В древней традиции, предполагающей единство имени и сущности номинанта, большое значение имеют имена героя. Слово Сатьяван (*satyavān*) означает «Правдивый». Имеется даже нечто вроде объяснения этого имени: «Отец у него столь правдивый, и мать у него столь правдива», (*satyam vadatyasya pitā satyam mātā prabhāṣate*) (Мбх III.278.12), поэтому ему и дали имя «Правдивый». Правдивость, истинность (*satya*) в индийской традиции – это не только добродетель: она воспринималась как своеобразная внутренняя энергия – сила истины. Важность этого неоднократно подчеркивается. В.Н. Романов, индолог и исследователь культуры, считал, что в древней традиции словом «сатья» обозначалась не просто правдивая речь, а речь сакральная – все, что произносилось во время ритуальных действий⁵.

⁵ См.: Романов В. Н. Что значит «говорить сатью» // Шатапатха-брахмана. Книга I. Книга X (фрагмент). М., 2009. С. 17–37.

В тексте называется еще одно имя Сатьявана – Читрашва (*citrāśva*). Дается также объяснение его смысла:

«Любил малолетним коней он. Лепил лошадей он
из глины,
Коней рисовал на картинах – его и прозвали Читрашва»
(Мбх III.278.13).

Следуя такому объяснению, С.Л.Невелева переводит это имя как «Рисующий коней»⁶. Однако оно может переводиться и как «Нарисованный конь» или «Пестрый конь». Это имя упоминается в тексте только один раз и не играет такой важной роли, как имя Сатьяван.

О достоинствах Сатьявана мы узнаем из Мбх III.278. Савитри возвращается из странствий, предпринятых ради поиска жениха, и Нарада, посредник между богами и людьми, рассказывает о ее избраннике отцу. Отрывок, в котором описываются достоинства Сатьявана, напоминает песню свадебного цикла, когда вслед за вопросом о достоинствах жениха следует их детальное описание. Величание Сатьявана интересно тем, что в нем присутствует целый пантеон богов, с которыми ассоциируются положительные качества⁷. Кончает Нарада свое представление Сатьявана такими словами: «И мужествен, кроток и нежен желанья свои обуздавший. Безропотен, дружелюбен, верен, решителен он и сверкающ. Его прямота постоянна, а твердость его неизменна» (Мбх III.278.19–20). Все это описание создает портрет идеального жениха. При этом неоднократно говорится о твердости и правдивости Сатьявана как о самых его важных достоинствах. Еще одной неотъемлемой чертой Сатьявана является его

⁶ Махабхарата. Книга третья. Лесная (Араньяка-парва). Пер. с санскрита, предисловие и комментарий Я.В. Василькова и С.Л. Невелевой. М., 1987. С. 557.

⁷ См.: Мбх III.278.17–18.

обреченность, недолговечность. Характеризующим его эпитетом является «недолговечный», «имеющий короткую жизнь» (*kṣīṇāyu*, Мбх III.278.22; 281.13).

Если говорить о мифологических источниках этого образа, то эта недолговечность, вполне возможно, связана с тем, что на месте Сатьявана некогда было божество луны, персонификация «смертного» светила. Прямых подтверждений этому в сказании нет. Однако по аналогии с мифологией других стран, героями мифа вполне могли бы быть Солнце, спасающее от мрака смерти, и Луна, главным признаком которой было постоянное умирание и возрождение. Так в индийской традиции сходной парой были дочь солнечного бога Сурьи и Сома, бог Луны, эталон идеального возлюбленного.

В «Сказании о Савитри» этот миф оказывается уже полностью переосмысленным, «космическая» составляющая сюжета оказывается перенесенной в сферу человеческих отношений. Показательно, что недолговечность здесь считается невероятным недостатком. У многих народов преждевременная смерть была не просто нежелательной, но еще и нечистой. Например, у славян считалось, что умершие раньше срока превращались в так называемых «заложных покойников» и были обречены скитаться в виде привидений и вредить живым. В Индии, где было распространено представление о карме, преждевременная смерть также считалась нечистой, так как представлялось, что это было последствием ранее совершенных неблагоприятных поступков. В сказании говорится, что короткий жизненный срок Сатьявана затмевает все его достоинства. При этом отрицательная сторона скорой смерти усугублялась и тем, что он был единственным сыном Дьюматсены. Его гибель вела к прекращению рода, а тем самым – и к нарушению дхармы, религиозного и нравственного

закона, так как отсутствие потомка не давало возможности исполнять долг перед предками⁸. Ведь именно в обязанности сына входило совершение похоронных обрядов для умерших родителей и регулярных поминальных подношений.

В «Махабхарате» недолговечность Сатьявана – повод для Савитри продемонстрировать свою внутреннюю силу, способную изменить даже такую страшную судьбу. Сила ее духа проявляется уже на этапе выбора жениха. Когда отец, узнав, что Сатьяван должен через год умереть, предлагает Савитри найти себе другого мужа, она произносит:

«Однажды нам доля дается и замуж выходим однажды.
Однажды слова: «Да отдам я!». Три эти свершенья
однажды.
И коротко, долго ль живущий, достойный, лишенный
достоинств,
Однажды мной муж выбираем. Не надобно мужа другого.
Мысль в этом моя утвердилась и мысль моя вылилась
в слово!
А слово да выльется в дело! Мысль – слову и делу основа»
(Мбх III.278.25–27).

Неожиданность такого решения определяется и тем, что брак с человеком, который скоро должен умереть, обрекал Савитри на вдовство, а судьба вдов в Индии была особенно тяжелой. Мало того, Сатьяван был сыном царя Дьюматсены, который тоже испытал удар судьбы – ослеп. Его эпитетами являются слова так или иначе обозначающие слепоту: «потерявший глаза» (*vināṣṭacakṣu*, Мбх III.278.8, 281.26), «безглазый» (*cakṣurhīna*, Мбх III.279.4), «тот, чьи глаза – мудрость» (*prajñācakṣu*, Мбх III.281.91). В древней Индии любые увечья считались наказанием за грехи

⁸ «От трех долгов [перед предками] освобождается человек, увидевший лицо своего сына, а при гибели мира он с помощью сына, внука, правнука попадает в небесный мир» (ГП II.15.31).

и дурное поведение. Они воспринимались как зримое проявление плохой кармы. Калеки не только не должны были участвовать в исполнении обрядов, но даже присутствовать на них. Тем более телесные недостатки были недопустимы для царя, в функции которого входило и исполнение серьезных обязанностей жреца. Поэтому царь, потеряв зрение, лишался возможности выполнять свой долг – дхарму царя. В сказании у слепого Дьюматсены царство отбирает его сосед. Таким образом, Савитри вышла замуж за Сатьявана, который должен умереть через год, а в его семействе уже произошли два несчастья – потеря зрения и царства. В древнем варианте, видимо, есть связь между ущербностью Дьюматсены и ущербностью его сына. Кроме того, и род отца Савитри также имеет «большой недостаток» – отсутствие мужского потомства. То есть в результате замужества Савитри породнились два рода, которые должны были прерваться.

Эта безвыходная ситуация заставляет ее проявить невероятную силу характера. Она выходит замуж за «короткоживущего» жениха вопреки совету отца, затем не слушается свекра, отговаривавшего ее от тяжелого обета, а позднее, когда за ее мужем приходит царь мира мертвых Яма, она не выполняет его приказа отправляться назад и идет за ним в мир смерти с такими словами:

«Куда бы ни следовал муж мой, по воле своей иль насильно,
Туда же за ним я отправлюсь. И дхарма незыблема эта!»

(Мбх III.281.20).

Ее поведение никак не вяжется с тем образом покорной и послушной индийской женщины, который появляется в поздней литературе.

По дороге в мир мертвых между Савитри и Ямой происходит диалог, который занимает центральное место в сказании. В нем она демонстрирует все свои главные положительные качества. Самые важные из них – это красноречие, мудрость и ученость. Красноречие и мудрость в «Махабхарате» не только качества Савитри как личности, они дают ей «магическую» власть и над судьбой, и над царем мира смерти. Диалог Савитри и Ямы – это своеобразный поединок, напоминающий древние мифы, в которых жизнь героя зависит от того, правильно ли он отгадывает загадки какого-либо сверхъестественного существа.

Яма, уносящий душу Сатъявана (человечка, размером с палец), приказывает Савитри вернуться назад и совершить погребальный обряд. Но Савитри продолжает идти, обращаясь к Яме с необычной речью, цель которой – доказать Яме правомерность следования за умершим мужем и показать свою осведомленность в вопросах дхармы. Отличие этого диалога от обычной речи подчеркивается тем, что наряду с стихотворным размером, которым написано все сказание (*шлокой*), в нем употребляются и другие размеры – *триштубх* и *джагати*. Стихи, посвященные дхарме, становятся все более торжественными и сложными для понимания. Именно такая речь покоряет Яму. Он говорит: «Домой возвращайся! Доволен я речью твоею, где звучности, складности и выраженья единство». Под влиянием этой речи он предлагает ей выбрать любой дар, кроме жизни супруга (Мбх III.281.25). В качестве первого дара она просит зрение для свекра. Дальнейшие ее слова также производят сильное впечатление на грозного царя смерти, покоряют его. Он говорит ей: «Ты слово сказала, что ум возвышает и будит, что радует сердце и благо имеет основой», и опять предлагает выбрать любой дар,

кроме жизни Сатъявана (Мбх III. 281. 30). В этот раз Савитри просит вернуть царство свекру.

В диалоге Савитри и Ямы мы встречаемся с отголосками древнейших мифологических представлений о слове, связанных со специфическими представлениями о мире, когда любое название нерасторжимо связано с сущностью вещи. В таком мире пространство понимается как «совокупность отдельных объектов, носящих собственные имена»⁹. Для человека этот мир был «своим», если он знал в нем все номинации. «Отсюда сюжеты о неизбежности гибели героев, выходящих во внешний мир без знания нечеловеческой системы номинации и выживание героя, чудесным образом получившего такое знание»¹⁰. В диалоге с Ямой Савитри, следуя за ним в страну смерти, своим красноречием показывает, что ей знаком язык его мира: благодаря этому она и сама остается живой, и в конечном счете спасает супруга.

Они говорят не на потусторонние темы, а о дхарме – нравственном законе, лежащем в основе человеческого общежития. Такая тематика может быть объяснена тем, что Савитри идет в царство Ямы. А Яма, хотя в эпосе и называется богом, однако в древних текстах он, как правило, считался не богом, а царем, следившим за исполнением мирового закона (*rta*), а более поздних текстах – дхармы. Его распространенными именами становятся Царь дхармы (*dharmarāja*) или, просто, Дхарма (*dharma*). Савитри же называется в эпосе «соблюдающей дхарму» (*dharmacārīṇī*, Мбх III.281.95). Ее мудрая речь показывает, что она не новичок в мире Ямы и ее знания о дхарме совершенны. Иначе трудно объяснить, для чего ей нужно рассказывать Царю дхармы, в чем она заключается. При этом дхарма имеет отношение не только к миру мертвых, но и миру живых,

⁹ Лотман Ю. М., Успенский Б. А. Миф-имя-культура // Труды по знаковым системам VI. (Ученые записки ТГУ. Вып. 308). Тарту, 1973.

¹⁰ Указ. соч. С. 289.

так как это закон, которому они должны следовать, а Яма обязан следить за его исполнением.

Савитри обращается к Яме:

«О боже! Ты держишь в узде поколения людские.

Людей обуздав, вопреки их желанью уводишь.

Известна поэтому сущность твоя – “Усмиритель”!

Но внемли же гласу моей возвышающей речи!»¹¹

(Мбх III.281.33).

Здесь она объясняет смысл имени Ямы (*yama*), связывая его с глаголом *niyat* – «обуздывать, усмирять». Эта строфа построена на игре слов. Кроме того, в ней в разных сочетаниях повторяются все звуки, входящие в имя Ямы. Представление о том, что произнесение имен оказывает влияние на носителя этого имени, существует во многих древних культурах. Известный антрополог и философ Л. Леви-Брюль, говоря о подобном явлении в первобытных обществах, писал: «Коснуться чьего-либо имени значит коснуться самого его или существа, которое носит это имя. Это значит посягнуть на него, учинить насилие над его личностью, принудить его явиться»¹². Объясняя имя, Савитри тем самым получает власть над Ямой. Подобное отношение к слову лежит в основе традиции заговоров, в которой «имянаречение объекта есть одновременно и творение этого объекта, открывающее его внутреннюю природу»¹³. Постоянные призывы внимательно слушать также делают речь Савитри похожей на заклинания. Далее Савитри рассказывает Яме, что долг праведных – невреждение, милость, милосердие. Эти слова заставляют

¹¹ *prajāstvayemā niyamena samyātā niyamya caitā nayase na kāmāyā | ato yamatvam tava deva viśrutam nibodha cemāñ giramūritām mayā ||*

¹² Леви-Брюль Л. Первобытное мышление. М., 1930. С. 30.

¹³ См.: Топоров В. Н. О древнеиндийской заговорной традиции // Исследования по этимологии и семантике. Т. 2 (книга 2). М., 2006. С. 621.

Яму выполнить третье желание Савитри – он дарует сто сыновей ее отцу, у которого не было наследника. Следовательно, своим красноречием она спасает род отца.

Наконец следует самый ответственный момент, когда Савитри проявляет хитрость – ставит Яму в такое положение, что он вынужден вернуть жизнь Сатьявану. Она опять призывает Яму к вниманию: «Мне возле супруга не кажется дальней дорога. Все дальше и дальше мое устремляется сердце. Поэтому, о уходящий, ты вслушайся снова в производимые мной вдохновенные речи!» (Мбх III.281.39). После этого она называет второе имя Ямы – Вайвасвата и дает ему толкование, объясняя, что оно происходит от имени его отца Вивасвана, бога Солнца. Но в таком ответственном месте название одного имени мало: Савитри объясняет третье имя Ямы – Царь дхармы. При этом в ее речи опять чередуются разные стихотворные размеры. Сила этих толкований покоряет Яму, он дает себя обмануть и обещает Савитри сотню сыновей, рождение которых невозможно без Сатьявана.

То, что Савитри сначала просит у Ямы сыновей, может объясняться не только хитростью, тем более, что в диалоге все время всплывает тема о силе правды. Сохранение рода – это также само по себе сохранение установленного порядка, сохранение дхармы. Отсутствие мужского потомства гораздо страшнее, чем просто смерть Сатьявана, так как прерывалась преемственность жертвователей, а следовательно – и совершение жертвоприношений. Недаром родители Сатьявана в поисках сына причитают, обращаясь к нему:

«Ты нашего рода опора. Двух старцев ослепших ты зренье!
В тебе поминальная жертва, продление рода и память!»

(Мбх III.281.87).

В «Матсья-пуране» Савитри, объясняя мотивы просьбы о рождении сыновей, говорит: «Неизвестно, какова судьба у бездетного в [иных] мирах» (МП 212.27). Такие слова вызваны тем, что именно сыновья должны были совершать похоронные и поминальные обряды при смерти родителей, исполнять ежегодные ритуалы, посвященные предкам. Человек, на котором прерывался род или у которого умирало потомство, попадал в ад и навечно там оставался (ГП II.25.13–14). Далее Савитри обращается к Яме со стихами, невероятной силы и красоты, посвященными праведности, твердости и силе духа, которые правят не только в мире людей, но и во всей вселенной:

«Святые навечно привержены дхарме.

Они не колеблются и не слабеют.

Союз не бесплоден благого с благими.

Благой у благого не вызовет страха.

Земля утверждается подвигом добрых.

И движется солнце правдивостью добрых.

Быть добрыми – путь и потомкам, и предкам.

Погибнуть меж добрыми добрый не может...

Людей доброта никогда не напрасна.

Почет, воздаяние неистребимы.

И тот неизменен закон благородных.

Присутствие добрых дарует защиту!»

(Мбх III.281.46–47, 49).

В этих словах заключены представления Савитри о том, что в основе общежития людей лежит нерушимость правды и праведности. Это окончательно покоряет Яму – он снимает запрет просить в дар жизнь Сатьявана, тем более, что Савитри говорит о силе правды, а в случае смерти Сатьявана обещание ста сыновей оказывается ложью.

В диалоге с Ямой все просьбы Савитри были связаны с дхармой, так как несчастья, случившиеся с ее родственниками, кроме всего прочего, не давали им возможность выполнять свои обязанности. Яма, Царь дхармы, следящий за тем, чтобы закон исполнялся, в результате словесного поединка оказался вынужденным устранить все препятствующее дхарме.

Итак, в древнем сказании «женское начало» Савитри заключено в ее внутренней силе, которая проявляется в удивительной внешней красоте и в красоте ее речи, «где звучности, складности и выраженья единство». Огромное значение имеет ее «солнечная» сущность, проявляющаяся в ее лучезарности. Солнечности соответствует и ее возрождающая, «плодородная» роль: она добивается у Царя смерти продолжение двух родов – отца и свекра, возвращает свекру царство (царь считался супругом подвластной ему территории и был ответственным за ее плодородие). Примечательно, что одной из ее просьб является возвращение зрения свекру – вывод его из тьмы. И еще раз хотелось бы обратить внимание на красноречие Савитри. Здесь ее речь также играет возрождающую роль и противостоит молчанию – немоте смерти. В Индии издревле речь считалась обладающей особой творящей силой. Одним примером такого отношения к слову является известный гимн «Ригведы», посвященный богине *Вач*¹⁴ (РВ X.125). В нем говорится от имени Речи:

«Я – повелительница, собирательница сокровищ,
Сведущая, первая из достойных жертв.
Меня такую распределили боги по многим местам,
(Меня,) имеющую много пристанищ, дающую многому
войти (в жизнь).

¹⁴ *Вач* (*vāc*) – богиня Речи.

Благодаря мне ест пишу тот, кто смотрит,
Кто дышит и кто слышит сказанное.
Не отдавая себе отчета, они живут мною.
Внимай, о прославленный, глаголю тебе достойное веры»
(РВ X.125.3–4)¹⁵.

В этом гимне подчеркивается всеохватывающий, все-проникающий характер Речи. Она называется даже пра-родительницей своего отца:

«Я рождаю отца на вершине этого (мира).
Мое лоно в водах, в океане.
Оттуда расхожусь я по всем существам
И касаюсь теменем того неба.

Я ведь вею, как ветер,
Охватывая все миры:
По ту сторону неба, по ту сторону этой земли –
Такая я стала величием»

(РВ X.125.7–8)¹⁶.

Такое отношение к слову связано прежде всего с высочайшим статусом священных текстов, особенно вед, и их ролью в ритуале¹⁷. Свободное владение ими – основное содержание обучения брахмана. Поэтому Речь – это, кроме всего прочего, и воплощенные Знание и Мудрость. Такая Речь не только обладала творящей силой – она сама воплощала творящее начало. Это объясняет, почему именно красноречие, мудрость и ученость являются в древнем варианте наиглавнейшими качествами Савитри как

¹⁵ Цитировано в переводе Т. Я. Елизаренковой: Ригведа. Мандалы IX–X. М., 1999. С. 282–283.

¹⁶ Указ. соч. С. 283.

¹⁷ О космологическом значении Речи и связи ее с мифологемой жертвоприношения см.: Топоров В. Н. Санскрит и его уроки // Древняя Индия. Язык. Культура. Текст. М., 1985. С. 5–29.

супруги, дарующей рождение, тем более, что ее прообразом была персонификация мантры Савитри.

Древний вариант сказания интересен не только тем, что, благодаря ему, можно увидеть, в чем создатели «Махабхараты» видели источник силы и жизни, но и то, как они представляли себе смерть. Она описана во всех подробностях: Сатьяван сначала испытывает сильную головную боль, затем погружается в сон и к нему является царь мертвых Яма¹⁸. В «Махабхарате» есть короткое и яркое его описание. Савитри видит его одетым в желтые одежды (*pītavāsasa*), в венце (*baddhamauli*), имеющим красивое тело (*vapuṣmant*), красноглазым (*raktākṣa*), внушающим ужас (*bhayāvaha*) (Мбх III.281.8–9). У Ямы в руках петля (*pāśahasta*), являющаяся его главным иконографическим признаком. С ее помощью он извлекает из тела умершего Сатьявана его душу («размерами с перст человека») и уносит ее на юг – сторону мира мертвых (Мбх III.281.16–18). Савитри видит Яму «блистающим подобно солнцу» (*adityasamatejas*) и «темным и сияющим» (*śyāmāvadāta*) (Мбх III.281.8–9). Во втором случае в одном слове объединены два противоположных понятия – темнота, мрак, то есть полное отсутствие света (*śyāma*), и сияние, чистота, белизна, то есть полное отсутствие тьмы (*avadāta*). Вероятно, образ Ямы мог сочетать в себе два начала – свет и тьму. Однако самым распространенным эпитетом царя мертвых является «темный» (*śyāma*). В отличие от Савитри Сатьяван видит Яму имеющим ужасный вид, во мраке (Мбх III.281.69). Это может быть связано с представлением о том, что Яма грешникам и праведникам являлся в двух разных обликах (ГП II.23.22).

¹⁸ О мифологических истоках представлений о Яме и его образе в «Махабхарате» см.: Hopkins E. W. Religions of India. Boston, 1895. P. 241; Wayman A. Studies in lama and Mara // Indo-Iranian Journal. Vol. 3, № 2, June 1959. P. 112–131; Невелева С. Л. Мифология древнеиндийского эпоса (пантеон). М., 1975. С. 79–84; Тюлина Е. В. Гаруда-пурана. Человек и мир. М., 2000. С. 18–23.

А, как уже говорилось, преждевременная смерть свидетельствовала о дурной карме и затмевала все добродетели Сатьявана.

В средневековом варианте описание Ямы изменяется, что свидетельствует о совершенно ином отношении к речи, к слову. Это можно показать на примере эпитета Ямы – «темный» (*śyāma*). В «Махабхарате» этот эпитет является емким и многозначным. Он указывает на отличие Ямы от простых смертных и вызывает самые различные ассоциации с пугающими и темными образами. В «Матсья-пуране» же вместо просто «темный» (*śyāma*) используется эпитет «темный, как лепесток синего лотоса» (*nilotpalaśyāma*, МП 210.5). Из-за сравнения с нежным лепестком исчезает многозначность эпитета и, несмотря на внешнюю красоту сравнения, его значение принижается – эпитет утрачивает связь и с потусторонним миром, и с чем-то страшным и мрачным, он уже не может указывать на нечеловеческую силу. Теперь он превращается лишь в простое обозначение цвета. В пуране Яма называется также «подобным туче» (*iva toyada*), «с телом, опоясанным зигзагами молний» (*vidyullatānibanddhāṅga*) (МП 210.5–6). Но эпитет «темный» включал в себя и эти сравнения, так как одним из его значений является «подобный тучи», поскольку слово *śyāma* часто используется для описания черных грозовых туч. Если же Яма сравнивался с грозовой тучей, то, естественно, он должен быть «опоясанным молниями». Следовательно, эпитет *śyāma* был сам по себе неким мифологическим обобщением, вызывавшим целый комплекс ассоциаций.

В средневековом же варианте будто бы создается не образ мифологического Ямы – грозного царя мира мертвых, а дается описание цветной картинке с его изображением. Здесь наиболее важными становятся формальные

внешние признаки и детали наряда, воспринимающиеся как иконографические знаки: Яма одет в желтые одежды, в короне, украшен браслетами и носит множество жемчужных ожерелий на груди (МП 210.5–7). Показательно, что если в «Махабхарате» сам Яма описывался как сверкающий подобно солнцу, что вполне понятно, так как он был сыном Вивасвана, бога Солнца, и сверкание говорило о его сущности, то в «Матсья-пуране» как солнце сверкает его иконографический атрибут – корона.

Мы видим, что в текстах проявляется совершенно разное отношение к происходящему и средствам его описания. Если в древнем варианте важно было заставить слушателей эпоса прочувствовать явление Ямы как яркое событие, пережить ужас смерти и вместе с Савитри победить ее, то в более позднем варианте создается некое условное изображение для созерцания. В таком тексте читатели или слушатели не являются участниками происходящего, они имеют дело с неким отражением описываемых событий, их символом. Появившаяся иконографическая знаковость требует некоторой отстраненности и статичности. Тексту такого рода необходимы иные образительные средства, иные образы, и в средневековом варианте сказание претерпевает разительные перемены: меняются и герои, и даже сам сюжет.

При этом больше всего изменяется образ Савитри. Полностью утрачивается его связь с древнейшими мифологическими истоками, с ним начинает ассоциироваться лишь представление о том, какой должна быть идеальная женщина и жена. В средневековом варианте сказания основными эпитетами Савитри становятся именно те, что характеризуют красоту ее тела. Причем эпитеты часто следуют один за другим, «нанизываются», описывая ее как можно полнее. Например, в МП 214 употреблены следующие

эпитеты: *varavarṇinī* – букв. «имеющая красивый цвет [кожи]», *tanvaṅgī* – «тонкостанная», *varārohā* – «прекраснобедрая», *śubhā* – «красавица» (этот эпитет в окружении эпитетов, характеризующих внешнюю красоту, теряет свое первоначальное значение и также может относиться к наружности героини), *cārusarvāṅgī* – «та, у которой все члены тела прелестны», *subhrū* – «имеющая красивые брови» (МП 214.1–6). Почти все эпитеты в средневековой версии относятся к внешности Савитри. Да и само описание достаточно формально – это канонический набор эпитетов героини литературного произведения.

Концентрация таких эпитетов в тексте превращает их в некое подобие перечня. Перечни и перечисления достоинств являются неотъемлемой частью гимнов и садхан, посвященных богам: в них в числе прочего описываются внешний облик божества, его цвет и иконографические признаки, так как такое последовательное описание помогает адепту создавать перед глазами образ божества для созерцания, своего рода мысленную картинку. Все вышеприведенные эпитеты Сатьяван произносит, обращаясь к Савитри после того, как к нему вернулась жизнь, и в его устах они звучат как восхваление супруги. Если в древнем варианте сказания характеристики внешности героини не имели никакого значения в динамично разворачиваемся действии, то в средневековом варианте они становятся основой, вокруг которой строится «иконография» добродетельной супруги. Подобные эпитеты вполне соответствуют «статичности» средневекового сказания, в котором исчезают все эпизоды, в которых Савитри проявляет какую-либо активность. Если в древнем варианте Савитри сама нашла себе мужа, то здесь ее отец делает выбор, и он же решает не изменять своему слову, узнав, что Сатьяван через год умрет. Кроме вышеуказанных,

часто употребляются эпитеты, характеризующие преданность супругу. В древнем же варианте преданность проявлялась в том, что вся внутренняя сила, ум, ученость и красноречие Савитри были направлены на служение мужу и его спасение. Теперь же она понимается исключительно как покорность мужу, судьбе, старшим и т. п. Образ покорной жены совершенно не вяжется с прежней Савитри, решительной, смелой, диктующей свою волю и отцу, и мужу, и царю смерти. Такой образ полностью лишается мифологической основы: исчезает представление о солнечности, яркости, наличии внутренней энергии и о красноречии как об основных качествах, содействующих благополучию семьи, здоровью супруга, продлению рода.

Образ Сатъявана также изменяется – исчезают даже намеки на его мифологическое происхождение. При этом короткожизненность Сатъявана приобретает совершенно иной смысл: это не то, что надо любым способом изменить, а то, с чем необходимо смириться.

В средневековом варианте, в сюжете которого отсутствует всякое действие, почти все сказание сводится только к диалогу Савитри и Ямы. Здесь он важен не только для развития сюжета. Для пураны, имеющей ярко выраженную дидактическую направленность, здесь есть огромный простор для нравоучений, так как диалог посвящен обсуждению вопросов дхармы.

В древнем варианте, как мы видели, основную роль в этом диалоге играло то, что Савитри обладала особым владением словом. Теперь же этому не придается никакого значения, а сам текст демонстрирует совершенно иное отношение к слову, к речи, к стиху. Диалог Савитри и Ямы уже не выделяется особыми стихотворными размерами, придававшими речи Савитри характер заклинания (характерно, что другие размеры употребляются

лишь в речи Ямы, а не Савитри). Во всем сказании вообще теперь наблюдается довольно небрежное отношение к качеству поэзии. Хотя в основном повествование написано шлокой, но строфы уже не выражают законченную мысль, как это мы видели в «Махабхарате». То, что говорит Савитри, не отличается особой красотой. Однако она все же оказывает на Яму влияние.

Сравнение с древним вариантом позволяет увидеть и отличие этой речи, и то, почему же она продолжает оставаться сакральной. Обратимся к самому «колдовскому» месту диалога, когда Савитри называет имена Ямы. На первый взгляд оно сходно с аналогичным местом древнего варианта. В «Матсья-пуране» Савитри также дает толкование именам Ямы: она объясняет уже знакомые нам имена Яма, Царь дхармы и Вайвасвата, а потом еще четыре имени: Мритью (*mṛtyu*) – Смерть, Кала (*kāla*) – Время, Антака (*antaka*) – Уничтожающий и Сарвапранихара (*sarvaprāṇihara*) – Убивающий всех живых существ (МП 213.1–8). Причем все эти семь имен следуют одно за другим. Складывается впечатление, что действенность имен и заключается в том, что они даны все вместе, в определенном порядке, в перечислении. Концентрация их в одном месте как бы обесценивает «силу» отдельного имени, с помощью которой можно было воздействовать на Яму. При этом нет и намека на то, что Савитри хочет заставить Яму выполнить ее желание. Наоборот, после перечисления она просит у него защиты. Показательно, что произносит она эти имена уже после того, как Яма пообещал ей сотню сыновей, и теперь ей незачем оказывать на него какое-либо давление. Так как в тексте дается целых семь толкований имен и это никак не связано с развитием сюжета, то перед авторами пураны встает новая задача – организовать весь этот материал. Достигается это

тем, что во всех объяснениях используются похожие синтаксические конструкции. При этом сохраняется интонация перечисления, структура списка.

После произнесения имен Савитри продолжает его восхвалять: «О владыка богов! По твоей милости не происходит смещения каст, тебя, о бог, прославляют [как удерживающего] на постоянном пути праведных. О владыка мира! Ты защитник границ этого мира. О наилучший среди тридцати богов! Защити меня, несчастную, пришедшую под твою защиту, а также несчастных родителей царевича!» (МП 213.9–10). На это Яма отвечает, что он доволен ее прославлением и преданностью (МП 213. 11). Такая речь напоминает гимн, посвященный божеству, включающий в себя перечисление имен и эпитетов бога, формулы восхваления. То есть в «Матсья-пуране» Савитри «побеждает» Яму совершенно иным знанием – знанием некоего обряда его почитания. При этом главными элементами общения с царем мертвых становятся покорность, послушание и даже элементы некоторой приниженности – Савитри все время напоминает, как она слаба и беспомощна.

Как и в древнем варианте, диалог Савитри и Ямы посвящен вопросам дхармы. Однако изменяются и представления о том, что такое дхарма, и сам характер речи, описывающей эту дхарму. Сакральной, отличной от бытовой, она становится за счет употребления многочисленных перечислений и списков. Чтобы не перегружать текст, приведем лишь несколько таких перечислений. Например, дхарма описывается так: «жертвоприношение, подвижничество, пожертвования, умиротворение, терпимость, *брахмачарья*¹⁹, правдивость, прекрасная смерть в тиртхе, изучение [вед], служение, житие вместе с подвижниками,

¹⁹ *Брахмачарья* (*brahmacarya*) – соблюдение целомудрия, особенно на стадии ученичества.

восхваление богов, почтение к гуру и почитание брахманов, победа над чувствами ... отсутствие себялюбия» (МП 212.18–21). Одним из самых обширных перечислений является описание того, что можно получить в результате исполнения дхармы – это и украшения, и богатые одежды, и еда, и питье, венки и притирания, и удивительные женщины, и кони, и самые большие слоны. Оно занимает почти всю 212 главу, играющую в сюжете важную роль: Савитри просит у Ямы рождение ста сыновей и тем самым заставляет его вернуть жизнь мужу. То, что перечисления появляются в самом ответственном месте, говорит об их значимости для религиозного текста.

При описании дхармы часто используются устоявшиеся формулы, передающие иерархию перечисляемых объектов, например, такие: «Этот мир достигается преданностью матери, средний [мир] – преданностью отцу, Брахмалока – служением гуру» (МП 210.11); «Отец дает то, что можно измерить, брат – то, что можно измерить, сын – то, что можно измерить. Как же не почитать мужа, дарующего неизмеримое?» (МП 210.18); «Наставник – воплощение Брахмы, отец – воплощение *Праджапати*²⁰, мать – воплощение Земли, брат – воплощение Атмана» (МП 211.21). Подобные отождествления делают текст сказания скорее похожим на набор правил и формул, чем на эпическое повествование. Полностью исчезает трепетное отношение к слову, речь лишается своей поэтичности. Пространные перечисления разрушают прежнюю целостность шлоки, так как они занимают несколько строф и организовать содержащийся в них материал может лишь структура, охватывающая большой объем текста. Как правило, это однотипные синтаксические конструкции, употребление которых в тексте способствуют

²⁰ *Праджапати* (*prajāpati*) – букв. «Владыка тварей», бог-прародитель.

созданию созерцательного состояния. Другие стихотворные размеры используются в таком тексте крайне редко и носят случайный характер в отличие от того, что мы видели в «Махабхарате», где таким образом подчеркивалась важность изречений и преодолевалась монотонность изложения. Мы видим, что идеал полной пассивности оказывает влияние и на характер самого текста.

Вместе с формой изменяется и содержание диалога о дхарме. Наряду с исчезновением эпитетов, характеризующих внутренние личностные качества (активность, волю, внутреннюю силу, твердость, решительность, ум), исчезает и представление о том, что они должны лежать в основе поведения, тем более женщины.

В древнем варианте Савитри говорила, что источником дхармы является знание и потому дхарма считается основой всего (Мбх III.281.23). Она заявляла: «Мысль в этом моя утвердилась и мысль моя вылилась в слово! А слово да выльется в дело! Мысль – слову и делу основа» (Мбх III.278.27). Таким образом, путь деяния был таков: мысль или дхарма, выведенная из познания – слово – дело. В пуране же дхарма – это долг, смирение, покорность, почитание богов, брахманов, родителей, супруга, и особенно послушание, то есть путь деяния становится таким: чужая воля – предписание – послушание.

«Красноречие» Савитри теперь заключается в нанизывании синтаксических конструкций, сравнений, списков. Ее речь, да и речь всего сказания, превращается в жонглирование устоявшимися формулами, цитатами, кочующими из одного произведения в другое. «Знание» заменяется знанием правил и предписаний, «мудрость» – неукоснительным их выполнением. Исходя из этого, меняется характер всего повествования. В нем, как уже отмечалось, исчезают все эпизоды, в которых Савитри может проявить свои

внутренние качества: выбрать супруга, настоять на том, что выбор обоснован. В позднем варианте Савитри должна смириться с судьбой, выйти замуж за Сатьявана, каким бы он ни был, слушаясь приказа отца. Она должна покорно дожидаться дня смерти супруга. Да и следует она за Ямой, так как это ей предписано, поскольку «для женщин муж – божество, муж – наивысшее прибежище, муж – господин жизни и достатка» (МП 210.17). Спасает она Сатьявана тем, что демонстрирует царю мертвых свою полную покорность и готовность разделить судьбу своего мужа. При этом она даже не пытается его спасти, она не хочет лишь быть вдовой, о чем она и говорит Яме: «Какая же рассудительная женщина, желая носить украшения, загрязненная словом “вдова”, захочет жить даже мгновение, не имея украшений?» (МП 210.21). Этот эпизод становится одним из обоснований обряда *сати*, при котором вдову сжигают на погребальном костре вместе с телом ее умершего супруга.

Мы видим, что «Матсья-пурана» дает совершенно иное прочтение «Сказания о Савитри», диаметрально противоположное варианту из «Махабхараты». Это продукт более позднего средневекового сознания, подразумевающего, что в основе и религиозного долга, и повседневной деятельности должны лежать иерархичность отношений и система безусловного подчинения. Савитри утрачивает свою мифологическую, «солнечную» сущность, утрачивает свои личностные качества. Забывается и «солнечная» составляющая имени Савитри, исчезает сохранявшееся в «Махабхарате» мифологическое единство имени и личности, которую оно обозначало. Имя Савитри превращается в символ послушной, а поэтому добродетельной жены.

ГЛАВА 2

Лес в «Сказании о Савитри»: мифологические истоки и трансформация образа

Заметные изменения претерпевает и окружение, на фоне которого происходит развертывание основного сюжета. В обоих вариантах сказания действие происходит в лесу, но восприятие леса кардинально меняется. Напомним, что древний вариант сказания входит в третью книгу «Махабхараты», т. н. «Араньякапарву», то есть «Лесную книгу», в которой описывается двенадцатилетний период, во время которого Пандавы и их жена Драупади скитаются по лесу Камьяка и лесным ашрамам. И в основном сюжете, описывающем изгнание Пандавов, и в «Сказании о Савитри» предполагаемым фоном для развертывающегося сюжета является лес. Можно даже сказать, что лес – это то, что неразрывно связано со всем происходящим: это поле странствий, в котором происходят чудесные приключения и превращения.

В древнем варианте, где мифологическая составляющая еще сохраняется и природные явления могут отождествляться с людьми, природа неразрывна даже с героями сказания. Савитри связана с солярным божеством, Сатьяван, имеющий короткий срок жизни, – с лунным божеством, умирающим и возрождающимся. Лес же тесно связан с представлениями о самом важном

пути – о жизненном пути и является той ареной, где проявляется судьба человека. В лесу начинается история Савитри, так как там ради появления потомства совершает почитание богини Савитри ее отец и получает в награду рождение дочери. Сама же Савитри, отправляясь на поиски жениха, также ищет его в священных лесах, обходя их один за другим и посещая находящиеся в них ашрамы (Мбх III.277.39–41). Туда же отправляется Ашвапати, отец Савитри, чтобы выдать ее замуж (Мбх III.279.2–3), там происходит свадьба, и там Савитри остается после замужества. При этом начало ее жизни в лесу отмечается тем, что она переодевается в другую одежду, темно-красного цвета, сделанную из луба. Царской дочери было бы логичнее искать супруга в более «цивилизованных» местах. Поэтому такое место поиска могло появиться под влиянием представлений, связанных с архаической обрядностью.

В сказании каждый раз отмечается, когда герой уходит в лес и когда возвращается в город. При этом нет описаний леса, природы, животных, есть лишь короткие упоминания, о которых будет сказано позднее. По контексту лишь ясно, что лес – это место, где живут отшельники и совершаются жертвоприношения. Это лес подвижников и, можно сказать, суровое место, где присутствует элемент страдания и горя. И в самой «Махабхарате», и в «Сказании о Савитри», прежде всего, лес – место изгнания. В «Лесной книге» Махабхараты – это место изгнания и скитаний Пандавов, в «Сказании о Савитри» – место изгнания отца ее мужа, Дьюматсены, который ослеп и у которого отобрал царство его сосед:

«В леса царь тогда удалился с женою и маленьким сыном,
И в лес удалившись великий, он там покаяние принял»

(Мбх III.278.9).

Лес – место лишений и страданий не только как место изгнания, в него уходят ради исполнения суровых обетов и постов. В лесу Ашвапати 18 лет приносит жертвы Савитри и совершает пост, когда пищу принимают через два дня на третий – букв. «каждый шестой срок» (Мбх III.277.9)²¹. В лесу ради спасения мужа Савитри предпринимает особый трехдневный пост и обет стояния днем и ночью (Мбх III.280.3).

Ю.М. Алиханова, рассматривая эпический лес, говорила, что он четко делится на т. н. «красивый лес» и «страшный лес». В «красивом лесу» все цветет, там даже хищные животные – ручные и мирные. Это лес, примыкающий к ашраме, в которой живут подвижники, и таким он становится в результате их тапаса и другой благой деятельности. «Страшный лес» – это дикий лес. Там обитают ракшасы, страшные животные, а растения все в шипах и колючках²². Однако, складывается впечатление, что изначально мифологический архаический лес – именно «страшный лес». Это мы и видим в «Сказании о Савитри», в котором велико влияние древних мифологических воззрений. В нем нет четкого деления на «красивый» и «страшный», мало того, красивый священный лес может мгновенно превращаться в страшный.

В самый ответственный день, когда муж Савитри, Сатьяван, должен умереть, он уходит в лес, расположенный около ашрамы, чтобы собрать плоды и дрова для жертвы. Но уходит он в предсказанный мудрецами день смерти, и его жена знает, что в лесу он умрет. В лесу царь мертвых Яма приходит за ним и уносит в свой мир, а Савитри идет вслед за ними. То есть путь смерти также пролегает в этом лесу.

²¹ О том, что это происходит в лесу можно судить по контексту: Ашвапати возвращается в город, когда богиня Савитри, выполнила его просьбу (Мбх III. 277. 20).

²² Алиханова Ю. М. Образ ашрамы в древнеиндийской литературной традиции// Петербургский рериховский сборник. V. СПб., 2002. С. 84–94.

В.Я. Пропп, положивший начало структурно-типологическому изучению фольклора, появление подобных мотивов в сказках объяснял переосмыслением в них обрядов инициации. Он писал: «Связь обряда посвящения с лесом настолько прочна, что всякое попадание героя в лес вызывает вопрос о связи данного сюжета с циклом явлений посвящения». Кроме того, по его наблюдениям, сказочный лес не только «отражает воспоминание о лесе как о месте, где производился обряд», но и «как о входе в царство мертвых». Представления о смерти тесно связаны с обрядом инициации, воспроизводящим ритуальную смерть и новое рождение. В.Я. Пропп проиллюстрировал это на примере мифологии разных стран, но отмечал предварительный характер своих выводов²³. Сюжеты и представления «Махабхараты», связанные с инициацией, исследовала в своей монографии Рут Катц²⁴. С.Л. Невелева обратилась к древнейшим мотивам инициации, попытавшись связать пребывание Пандавов в лесах с архаическими представлениями о царском посвятительном комплексе, включающем в себя различные типы архаического посвящения (воинского, вождя-героя, шаманского, царского), а также состязательные ритуалы. В связи с этим она коснулась и символики смерти. Однако она отмечала «мозаичность обрядовой памяти эпоса», не позволяющей вычленить различные пласты архаических обрядовых представлений²⁵. Ее мысли развил в своей монографии Я.В. Васильков²⁶.

²³ Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1946. С. 93–95.

²⁴ Katz R. C. Arjuna in the Mahābhārata: Where Krishna Is, There Is Victory. University of South Carolina Press. Columbia, 1989. P. 58–59, 81–83, 90–99.

²⁵ Невелева С. Л. О композиции древнеиндийского эпического текста в связи с архаическими обрядовыми представлениями // Архаический ритуал в фольклорных и раннелитературных памятниках. М., 1988. С. 128–160.

²⁶ Васильков Я. В. Миф, ритуал и история в «Махабхарате». СПб., 2010. С. 111–118.

В «Сказании о Савитри» и во всей «Араньякапарве», конечно же, нет прямого описания обрядов инициации, это «осколки» посвяtitельных мотивов, «переваренных» эпическим произведением. Но, тем не менее, они важны для повествования. В «Махабхарате» уход в лес (странствие), страдание, ритуальное рождение и смерть, характерные для инициации, становятся основой для осмысления, что такое жизнь и судьба, долг и правильное поведение. Позднее на этой основе сформируется представление о так называемом сансарическом бытии, характерном для буддизма и индуизма, когда жизнь представляется как «странствие», сопряженное с мучениями, обусловленными теми или иными поступками человека, которые заставляют его перерождаться, то есть возвращаться в этот мир.

В таком тексте никаких натуралистических описаний леса нет и не может быть, так как отношение к природе в корне отличается от того, что мы наблюдаем в современных произведениях, когда описания природы имеют либо самостоятельную эстетическую ценность, либо отражают внутреннее состояние героев. Здесь пребывание в лесу – показатель того, что герой попал в тяжелое положение и оказались задействованы какие-то тайные силы судьбы. При этом совершенно не важны красоты природы и пейзажа. Показателем того, что ситуация разрешилась и все испытания судьбы выдержаны, становится возвращение в город, во дворец, то есть туда, что мы бы назвали цивилизованным миром. В таком лесу-судьбе более чем уместна фигура царя мертвых Ямы, верховного судьи, наблюдающего за исполнением законов жизни, воздающего умершим по заслугам.

Лес – это не только место, где законы судьбы вступают в действие. Это место, где человек может изменить свою

судьбу и куда он приходит, для того чтобы на нее воздействовать, что также является отголоском представлений об архаических лесных ритуалах, совершающихся ради достижения поставленных целей. После исполнения своего обета Савитри во время хождения по лесу за богом смерти не только возвращает жизнь мужу, но и распутывает целый клубок проблем: обеспечивает продолжение рода своего отца, возвращает зрение и царство отцу мужа, и, наконец, вернув жизнь мужу, получает возможность продолжить и его род.

Упоминания некоторых «реалий» леса в основном соответствуют этому судьбоносному хождению по лесу. Савитри просит свекра разрешить ей пойти с мужем, так как она хочет увидеть «лес, весь покрытый цветами» (Мбх III.280.26). Савитри и Сатьяван идут по лесам, которые дарят усладу и полны криков павлинов. Сатьяван говорит жене: «Смотри, вон цветущие рощи, вон чистотекущие реки!» (Мбх III.280.30–31). Таким образом, по этим скупым словам можно предположить, что они уходят в весенний лес. Это «красивый лес», но он очень быстро превращается в «страшный лес».

Смерть Сатьявана, мужа Савитри, происходит в самом конце дня, незадолго до заката солнца. Когда царь мира мертвых возвращает ему жизнь, в лесу уже становится темно, ночью супруги идут по лесу, а обратно в ашраму приходят «на исходе ночи» (Мбх III.282.28). Безусловно, эта ночная смерть и возвращение из леса под утро придает сказанию мифологический, космологический колорит, заставляет вспомнить о «солнечной» сущности Савитри и «лунной» – Сатьявана. Идут супруги в «правильном» направлении – с юга на север. «Дорога же наша в чащобе кустарников тех раздвоится. На ту поверни, то на север ведет» (Мбх III.281.107) – говорит Сатьяван. На юге

находится мир мертвых, царство Ямы. Именно в том направлении Яма шел, унося душу Сатьявана. Обратные они возвращаются на север – благоприятную сторону света.

В сказании есть несколько упоминаний животных, даже не их самих, а звуков, которые они издают. Это ужасные крики и шуршание листьев, выдающие присутствие диких зверей и злобных духов. Кроме того, слышится вой шакалов (Мбх III.281.73–74). Шакалы появляются в данном контексте не случайно – это животные, поедающие трупы, то есть связанные с миром мертвых. В «Махабхарате» все упоминания природы так или иначе соотносятся с мифологическими образами и поверьями. Характерно и то, что в тексте упоминаются только звуки. В древних текстах описывается целый ряд благоприятных и неблагоприятных примет, связанных с криками животных. В данном случае вой шакалов раздается с южной стороны, где находился мир мертвых, и западной, также считавшейся неблагоприятной. В ашраме, где ищут и ждут пропавшую супружескую пару, также прислушиваются к звукам, и мудрец Мандавья из того, что «кричат птицы, звери лишь в той стороне, что благая», делает вывод, что Сатьяван жив (Мбх III.282.18). Надо сказать, что мир ашрамы тоже превращается в это время в «страшный лес». Родители там, израненные камышами, исколотые травой кушей, мечутся в поисках сына и Савитри. Показательно, что даже священная трава куша становится в «страшном лесу» враждебной.

Оканчивается ночное путешествие в лес и в мир смерти возвращением в город, как большинство историй о превратностях судьбы в «Махабхарате». Как только Савитри с мужем приходят из ночного леса в обитель, тут же являются гонцы, возвещающие о смерти врага-соседа, и приглашают царя Дьюматсену вернуться в город и цар-

ствовать. Именно возвращение в город в «Махабхарате» – показатель того, что все жизненные трудности оказались разрешенными.

В средневековом же варианте само повествование о Савитри сокращается до минимума, но зато появляется целая глава, состоящая из 34 шлок, то есть самая большая в этом варианте сказания. В ней пожелание Савитри увидеть «лес, весь покрытый цветами» (Мбх III.280.26) превращается в подробнейшее описание пленительного цветущего весеннего леса, полного прекрасных ароматов (МП 209). Это описание соответствует моменту, когда в день ожидаемой смерти Сатьяван вместе с Савитри отправляется в лес за цветами и плодами для жертвенных подношений. Они идут по лесу, и он показывает любимой растения, птиц и животных, мимо которых они проходят, и рассказывает о них. Вся глава строится как обширное перечисление цветущих деревьев, насекомых, лакомящихся нектаром, пар зверей и птиц, полных любовного томления и ухаживающих друг за другом. Этот рассказ о весеннем лесе по своей яркости и художественным качествам затмевает основной сюжет. Он во много напоминает сезонные описания в литературе, которые появляются в поздней древности, и является любопытным примером использования в эпической традиции мотивов придворной профессиональной поэзии. Средние века – время взаимопроникновения разных традиций, что ярче всего демонстрируют пураны.

В отличие от древнего, в средневековом варианте сказания Сатьяван в день предсказанной смерти уходит в лес, полный цветов, жужжания пчел, пения птиц и умирает на берегу водоема в тени дерева. Показательно и то, что смерть его происходит днем, еще засветло, а жизнь к нему

вернулась во время захода солнца, и к наступлению ночи супруги возвратились в ашраму (МП 214.2–7).

Таким образом, в средневековом варианте сказания сюжет о Савитри утрачивает свои древние мифологические корни и воспринимается как история любви Савитри и Сатьявана. В нем описание весеннего леса приобретает большое значение. Именно сила любви становится здесь основной силой, которая противостоит смерти. Такое прочтение сюжета о Савитри весьма созвучно средневековью. В это время в Индии чувство любви и эмоциональной привязанности приобретает особую ценность, оно оказывается включенным даже в религиозную сферу – широко распространяется движение бхакти, признающее любовь к богу самой возвышенной формой религиозной практики.

МАХАБХАРАТА АРАНЬЯКАПАРВА

(Гл. 277–283)

СКАЗАНИЕ О САВИТРИ

Глава 277

Юдхиштхира¹ сказал:

1. «О мун² великий! Печалюсь я не о себе или братьях, И не о потерянном царстве, о дочери только *Друпа́ды*!
2. Когда проиграли злодеям мы в кости, то *Кришна*³ спасла нас, Теперь же насильно похитил из леса ее *Джаядра́тха*⁴.
3. Не видел ли ты, не слыхал ли, была ли когда-то на свете Такая, как дочь та Драупады, столь верная, с долей великой?»

¹ Юдхиштхира (*udhiṣṭhira*) – старший из пяти сыновей Панду, называемых Пандавами, один из главных героев «Махабхараты». Все сказание построено как диалог между мудрецом Юдхиштхирой и *Маркандеей* (*mārkaṇḍeya*) – великим ведийским мудрецом из рода Бхригу, достигшим бессмертия. От его имени ведется данное повествование.

² Мун³ (*muni*) – мудрец, отшельник. Здесь – обращение к Маркандее. Для текста сказания и «Махабхараты» в целом характерно использование подобных обращений, подчеркивающих диалогичный характер повествования.

³ Кришна (*kṛṣṇā*) – букв. «Темная, Смуглая», имя Драупади.

⁴ *Джаядра́тха* (*jayadratha*) – царь страны Синдху, противник Пандавов, похитивший Драупади в их отсутствие (Мбх III.248–256).

Маркандея сказал:

4. «Владыка Юдхиштхира! Слушай об участи жен
благородных,
О Савитри, дочери царской, чья доля с судьбою их схожа.
5. У мадров⁵ был царь благоверный и праведный,
всем покровитель,
И честный, и благочестивый, желанья свои обуздавший.
6. И все горожане, селяне любили прещедрого в жертвах
Царя, приносящего благо, а звали его *Ашвапати*⁶.
7. И был обуздавший желанья правдив, терпелив,
но бездетен.
И многие, многие годы в строжайшем посту проводил он.
8. Обет соблюдал пресуровый он ради детей обретенья.
Был праведным, чувства поправший, в предписанный
срок он постился.
9. И *Савитри*⁷ многие жертвы принес наилучший из раджей.
Умеренным будучи в пище, в три дня лишь единожды
ел⁸ он.

⁵ *Мадры* (*madra* m. pl.) – название народа, населявшего Мадраदेशу (*madradeśa*) – страну, которая была расположена на территории нынешнего Пенджаба, между реками Рави и Ченабом. Часто упоминается в «Махабхарате». Столицей ее был город Шакала (*śākala*). В варианте сказания в «Матсья-пуране» одним из имен Ашвапати является Шакала (букв. «Живущий в Шакале»).

⁶ *Ашвапати* (*aśvapati*) – имя царя, букв. «Владыка коней».

⁷ *Савитри* (*sāvitrī*) – здесь имеется в виду богиня Савитри, дочь Савитара (*savitar*), бога Солнца, считавшаяся воплощением известнейшей мантры под названием «Савитри».

⁸ ...в три дня лишь единожды... – в тексте: *ṣaṣṭe ṣaṣṭe kale* – «каждый шестой срок [приема пищи]», то есть через два дня на третий.

10. Лет десять да восемь сменилось, он жил исполнением
обета.
Вот год восемнадцатый минул – осталась довольной богиня⁹.

11. И в облике зримом владыке явилась воочию, раджа!
Она в ликованье великом восстала из пламени жертвы
И та, что желанное дарит, царю изрекла речь такую:

12. “Твоей чистотой, благочестьем, смиреньем,
суровым обетом,
И тем, что душою мне предан, владыка земель,
я довольна.

13. Проси Ашвапати, царь мадров, даренье, какое желаешь!
Да только не будь опрометчив ты в просьбе и помни
о *дхарме*^{10!}”»

Ашвапати сказал:

14. «Обет *ради дхармы*¹¹ предпринят, хочу я детей
обретенье.
Даруй сыновей ты мне многих, чтоб дальше мой род
продолжали.

⁹ В варианте сказания в «Матсья-пуране» описывается совершенно другой обет для обретения потомства. Там его, помимо царя, совершали сто брахманов. Они почитали Савитри подношением белой горчицы, носящей название сиддхартхака – букв. «исполняющая желание». Длился этот обряд всего десять месяцев (МП 208.5–7).

¹⁰ *Дхарма (dharma)* – многозначный термин, который обычно оставляется без перевода. В индуизме означает религиозные законы, которым должен следовать верующий человек. Они зависят от социальной принадлежности, возраста и пола.

¹¹ ...*ради дхармы*... – в тексте: *dharmepsayā* – букв. «с желанием дхармы». Для исполнения дхармы было необходимо наличие потомства. Это связано с верованием, что предкам необходимы регулярные жертвоприношения. Если род рвался, то предки испытывали невыносимые муки голода, жажды и т. д., так как некому было исполнять похоронные и поминальные обряды. Тот человек, у которого не было потомства, был обречен на вечное

15. Богиня, подобною просьбой должна ты остаться
довольной.
Известно, что рода продление считается высшею дхармой».

Савитри сказала:

16. «Уже я давно, о владыка, желание твое угадала.
Его угадав, говорила с твоим прародителем славным.

17. И милостив был *Самосуций*¹². Какое-то время минует.
И дочь *лучезарная*¹³ будет, о друг, у тебя в этом мире.

18. Нельзя ничего и поведать, что было бы этого лучше.
Одно лишь могу тебе молвить, я *Пращура*¹⁴ милости рада!»

Маркандея сказал:

19. «“О да!” – согласился владыка со сказанным Савитри словом,
И снова, и снова молился: “Пусть это скорее свершится!”.

20. Лишь Савитри стала незримой, тот царь удалился
в свой город.
И, дхармой народ защищая, он царствовал, храбрый,
во граде.

пребывание в виде голодного духа, так называемого преты, или попадал в ад под названием Пут. С другой стороны, появление новой жизни так или иначе связывалось с миром мертвых. В благодарность за поминальные жертвы предки оказывали покровительство своим родственникам. Они как бы усиливали «жизненные силы» рода: содействовали рождаемости детей, особенно сыновей, приносили долголетие и здоровье, плодородие полей и скота. Если же им не оказывали должного почитания, они насылали болезни, вызывали бесплодие и неурожай.

¹² *Самосуций* (*svayambhū*) – имеется в виду Брахма.

¹³ *Лучезарная* – в тексте: *tejasvinī*.

¹⁴ *Пращур* – в тексте: *pitāmaha* – «дед», «прародитель». Эпитет Брахмы, прародителя мира.

21. Вот некое время промчалось. По-прежнему раджа
постился.
А старшая, чтящая дхарму царица беременной стала.

22. О лучший из *бхáратов*¹⁵! Царский *младенец*¹⁶ во чреве
*Малави*¹⁷
Рос будто бы звезд предводитель на небе, царь-месяц
прекрасный.

23. И дочь, синелотосоока, в урочное время родилась.
И в радости тут же владыка, как должно, обряды исполнил.

24. “Дарована Савитри, жертвой уваженной и убаженной.
Да будет ей Савитри имя!” – решил так отец со жрецами.

25. Вот царская дочь повзрослела и стала как *Шри*¹⁸
воплощение.
Какое-то минуло время – и стала невестой царевна.

26. Широкая в бедрах, а станом тонка, блеском злату подобна.
«То дочери бога явление!» – узрев ее, думали люди.

27. Но ту, что сверканьем подобна огню, синелотосооку,
Никто не решался посватать, блистаньем ее ослепленный.

¹⁵ *Бхараты* (*bhārata* m. pl.) – потомки царя лунной династии Бхараты, сына Дашаратхи и Кайкеи, сводного брата Рамы. Так называют Пандавов и Кауров, между которыми произошла описанная в «Махабхарате» война. Здесь обращение к Юдихштхире, которому Маркандея рассказывает эту историю.

¹⁶ *Младенец* – в тексте: *garbha* – «лоно, утроба», «плод, зародыш». В переводах С. Л. Невелевой и Н. В. Лобановой предпочтение отдано первому значению. Трудность при переводе возникает из-за того, что это слово – мужского рода, что позволяет употребить сравнение с растущим месяцем.

¹⁷ *Малави* (*mālavī*) – здесь впервые упоминается имя жены Ашвапати, родоначальницы рода малавов.

¹⁸ *Шри* (*śrī*) – удача, счастье. Как правило, эпитет богини Лакшми, жены Вишну, рожденной при пахтании океана.

28. Вот после поста, помолившись, царевна с главою омытой. Жрецов созвала в *полнолуние*¹⁹ и жертву огню совершила.

29. Цветы, что остались от жертвы, она собрала и предстала Пред ликом отца и, казалось, что счастья богиня явилась.

30. Отцу до земли поклонилась, его одарила цветами И рядом с отцом она встала, прекрасная, сблизив ладони.

31. Но царь преисполнился горя, лишь только увидел юницу, Что лучшие сватать боялись, подобную ликом богине».

Царь сказал:

32. «Уж срок выдавать тебя замуж, никто тебя, дочь,
не посватал.
Придется самой тебе, дочка, супруга достойного выбрать.

33. И пусть предо мною предстанет избранник. Его испытаю. Ему и отдам. Полагаюсь во всем на твое усмотренье.

34. И, о благодатная, знай же, о чем говорят *дхармашастры*²⁰, Что *дваждырожденные*²¹ знают. Скажу тебе, ты же послушай!

¹⁹ *Полнолуние* – в тексте: *parvan* – день смены лунного цикла, полнолуние или новолуние.

²⁰ *Дхармашастры* (*dharmaśāstra* m. pl.) – древнеиндийские сборники, излагающие религиозные правила поведения, а также древние законы.

²¹ *Дваждырожденные* (*dvijāti, dvija* m. pl.) – люди, принадлежащие к одной из высших варн, т. е. брахманы, кшатрии и вайшьи. Для них был обязателен целый ряд обрядов жизненного цикла, важнейшим из которых был обряд упанаяна – посвящение в ученики. Именно обучение играло особую роль в обретении «второго рождения». Считалось, что люди первое рождение получают от отца и матери, второе, духовное – от гуру (учителя) и изучения вед. Изучать веды могли представители всех трех упомянутых высших варн, хотя и не в равной степени. В эпосе дваждырожденными называются только брахманы.

35. Отец, не просватавший дочь, супруг,
не живущий с супругой,
Сын, бросивший вдовую мать – все равно достойны
презрения.

36. Внемли изреченному мною, ступай и найди себе мужа.
Вот так тебе следует сделать, чтоб боги меня не винули!»

Маркандея сказал:

37. «Об этом поведав царевне, а также советникам старым,
Царь свите отдал приказанье. “Ступайте!” – ее торопил он.

38. Премудрая тут же стыдливо отцу до земли поклонилась,
И выслушав просьбу отцову, отправилась тут же в дорогу.

39. Она в золотой колеснице со свитой советников старых,
Достигла священных, блаженных лесов, где подвижники
жили.

40. И им, досточтимым, почтенным, до самой земли
поклонившись,
Царевна обход совершила всех этих лесов по порядку.

41. В священных обителях всюду даренья она раздавала,
Все области дваждырожденных одну за другой посетила».

**Это двести семьдесят седьмая глава
книги «Лесная» великой «Махабхараты».**

Глава 278

Маркандея сказал:

1. «В дни оные *Нараду*²² встретил всех мадров владыка
и раджа.
*Обхара́та*²³! В зале собраний уселся он с ним за беседой.
2. А Савитри вместе со свитой, в то время уже посетивши
Обители все и святыни, в покои отца воротилась.
3. Увидев отца пред собою, сидящего с Нарадой вместе,
Прекрасная, дабы почтить их, главу к их стопам приклонила».

Нарада сказал:

4. «Зачем твоя дочь уходила? Откуда она воротилась?
И, царь, по какой же причине ты, юную, замуж не выдал?»

Ашвапати сказал:

5. «Затем-то ее отсылал я, она лишь сейчас воротилась.
Божественный *риши*²⁴! Узнаем, кого избрала она мужем».

²² *Нарада* (*nārada*) – великий мудрец, часто появляется вместе с Парватой, выступает как посредник между миром богов и миром людей.

²³ *Бхарата* (*bhārata*) – здесь имеется в виду Юдхиштхира, которому Маркандея рассказывает эту историю.

²⁴ *Риши* (*ṛṣi* m.pl.) – в ведийской традиции так называли хранителей священного знания, совмещавших в себе функции поэтов, исполнителей гимнов и жрецов. Особо почитали семь великих риши. В эпосе значение этого слова меняется, оно становится обозначением подвижников, для которых подвижничество превращается в постоянное занятие. Они делятся на три класса: «царственные риши», «божественные риши», «риши-брахманы». Нарада относится ко второму классу.

Маркандея сказал:

6. «Отец попросил свою дочку все-все рассказать
поподробней.
И слову отцову послушна, прекрасная так отвечала:
7. “Был некогда царь справедливый, воитель у *шалъвов*²⁵
владыкой.
А звали его Дьюматсёной. Но он *потерял свое зренье*²⁶.”
8. Был сын у него малолетний. Как сделался мудрый калекой,
Сосед его, давний соперник, отнял у слепца его царство.
9. В леса царь тогда удалился с женою и маленьким сыном,
И в лес удалившись великий, он там покаяние принял.
10. Сын царский во граде рожденный, в чашобах святых
возмужавший,
Сатьяван – избранник достойный. Так сердце мое подсказало”».

Нарада сказал:

11. «Увы! О владыка! Большое накликала Савитри горе,
Поскольку Сатьяван достойный был ею в неведение выбран.
12. Отец у него столь правдивый и мать у него столь правдива,
Что брахманы имя и дали Сатьявану это – *Правдивый*²⁷.”
13. Любил малолетним коней он. Лепил лошадей он из глины,
Коней рисовал на картинах – его и прозвали *Читрашва*²⁸».

²⁵ *Шалъвы* (*śālva* m.pl.) – название народа.

²⁶ ...*потерял свое зренье* – в тексте: ...*andho babhūva*... – букв. «стал слепым».

²⁷ Имя Сатьявана (*satyavant*) в переводе означает «правдивый».

²⁸ *Читрашва* (*citrāśva*) – «Рисующий коней». Возможны переводы как «Нарисованный конь» или «Пестрый конь».

Царь сказал:

14. «А молви теперь мне – умен ли царевич и ясен ли ликом? И он терпелив ли, герой ли? И любит Сатьяван отца ли?»

Нарада сказал:

15. «Он, как *Вивасван*²⁹, лучезарен, он разумом,
как *Брихаспати*³⁰,
Герой он, как *Индра*³¹ великий, он, словно *Земля*³², терпеливый».

Ашвапати сказал:

16. «Но благочестив ли царевич, и щедр ли он, и правдив ли? Прекрасен ли он, благороден? И он на лицо ли приятен?»

Нарада сказал:

17. «Настолько он щедр, как будто он Санкрити сын,
*Рантидева*³³,
Правдив и возвышен, как *Шиби*³⁴, что был *Ушинары*³⁵ потомком.

²⁹ *Вивасван* (*vivasvant*) – букв. «Лучезарный», эпитет бога Солнца Сурьи.

³⁰ *Брихаспати* (*brhaspati*) – имя главного жертвователя богов. В позднее время считается персонификацией мудрости и красноречия. Ему приписывается авторство многих трудов.

³¹ *Индра* (*indra*) – в древней индийской мифологии Владыка богов, возглавивший их в борьбе с демонами. В поздней мифологии его значение падает, но в эпосе и в литературной традиции его имя по-прежнему связывается с образом великого правителя и военачальника.

³² *Земля* – в тексте: *vasudhā* – букв. «Таящая сокровища».

³³ *Рантидева* (*rantideva*) – царь лунной династии, шестой потомок Бхараты, известен своим благочестием. Имея огромные богатства, он потратил их на совершение грандиозных жертвоприношений.

³⁴ *Шиби* (*śibi*) – царь, прославившийся своей щедростью. Известна легенда о том, что он спас Агни, превратившегося в голубя, от Индры, ставшего ястребом. Взамен голубя он отдал такое количество своего собственного мяса, сколько он весил.

³⁵ *Ушинара* (*uśīnara*) – царь лунной династии.

18. Как *Яйати*³⁶, он благороден, пленителен он, словно *Сома*³⁷. Красивей, чем *Ашвины*³⁸, ликом тот сын Дьюматсены могучий.

19. И мужествен, кроток и нежен желанья свои обуздавший. Безропотен, дружен, верен, решителен он и сверкающ.

20. Его прямота постоянна, а твердость его неизменна. Вот кратко суждение старцев – подвижников и благонравных».

Ашвапати сказал:

21. «Благой, ты о том, кто премного достоинств имеет,
поведал.
А есть у него недостатки? Ты мне, если есть, назови их».

Нарада сказал:

22. «Один у него недостаток и нету другого. Год минет,
Считая от ныне, погибнет Сатъяван, *короткоживущий*³⁹».

Царь сказал:

23. «Прекрасная! Ты отправляйся, ищи себе мужа иного.
Уж слишком велик недостаток, достоинства он затмевает.

24. Как Нарада, богу подобный и благо дающий, поведал,
Год минет отныне – погибнет имеющий срок столь короткий».

³⁶ *Яйати* (*yayāti*) – царь лунной династии.

³⁷ *Сома* (*soma*) – ведийский бог, ассоциируется с божеством Луны. В поздней мифологии пуран называется одним из восьми богов Васу и считается одним из хранителей мира – локапал. В древней мифологии – жених Сурьи, дочери бога Солнца. Он присутствует в свадебном гимне RV X.85.

³⁸ *Ашвины* (*aśvin m. du.*) – два божества утренней и вечерней зари, сыновья-близнецы бога Солнца. Перед зарей они появляются на золотой колеснице, запряженной конями или птицами. Считаются небесными целителями.

³⁹ *Короткоживущий* (*kṣīṇāyus*) – букв. «с короткой жизнью».

Савитри сказала:

25. «Однажды нам доля дается, и замуж выходим однажды. Однажды слова: “*Да отдам я!*”⁴⁰ Три эти свершенья однажды.

26. И коротко, долго ль живущий, достойный, лишенный
достоинств,
Однажды мной муж выбираем. Не надобно мужа другого.

27. Мысль в этом моя утвердилась и мысль моя вылилась
в слово!
А слово да выльется в дело! Мысль – слову и делу основа⁴¹».

Нарада сказал:

28. «А дочь твоя, о наилучший, столь твердым умом обладает,
Что силы такой, чтоб от дхармы ее отвратила, не сыщешь.

29. Таких, что имеет Сатьяван, достоинств никто не имеет.
Поэтому я одобряю царвную сделанный выбор».

Царь сказал:

30. «Речение уст господина правдиво и неколебимо!
Поскольку *Благой*⁴² – мой наставник, я сделаю, как ты
считаешь».

Нарада сказал:

31. «Замужеству Савитри, дщери, препятствия да не чинятся!
Пора отправляться в дорогу. Прощайте, желаю вам счастья!»

⁴⁰ «*Да отдам я!*» (*dadāni*) – слова отца при выдаче замуж дочери. Имеется в виду, что отец один раз выдает дочку замуж.

⁴¹ Распространенная формула необходимости единства мысли, слова и дела.

⁴² *Благой* – в тексте: *bhagavan* – букв. «дарующий благо», в данном случае относится к Нараде.

Маркандея сказал:

32. «И Нарада, так-то промолвив, на третье отправился небо. И тотчас отдал приказанье царь дочери свадьбу готовить».

**Это двести семьдесят восьмая глава книги «Лесная»
великой «Махабхараты».**

Глава 279

Маркандея сказал:

1. «А после обдумал владыка, что может быть нужным
для свадьбы.
И вот приготовил он утварь для свадебных всех церемоний.
2. Затем всех жрецов двурожденных, а с ними *пурохит*⁴³
почтенных,
Созвал он и в день благодатный отправился с дочкой в дорогу.
3. По лесу священному идя, *ашрамы*⁴⁴ достиг Дьюматсены,
Пешком с двурожденными вместе к подвижнику-радже
пришел он.
4. Имевшего славную участь узрел он у дерева *шала*⁴⁵.
Лишившийся зренья владыка сидел на циновке из *куши*⁴⁶.

⁴³ *Пурохита* (*purohita*) – домашний жрец, наблюдающий за совершением семейных обрядов и ритуалов.

⁴⁴ *Ашрама* (*āśrama*) – обитель отшельников, место уединения, освященное мифологической или исторической традицией.

⁴⁵ *Шала* (*śāla*) – дерево *сал* (*Shorea robusta* Gaertn. f.; *Vatica robusta* Steud.), может достигать огромных размеров. В индуизме считается любимым деревом Вишну.

⁴⁶ *Куша* (*kuśa*) – трава с длинными острыми стеблями из рода осоковых. Часто отождествляется с травой дарбха. Но, по всей видимости, это разные, похожие друг на друга травы. В текстах они могут упоминаться вместе. См.: Вишну-смирти. Перевод с санскрита, предисловие, комментарий и приложения Н. А. Корнеевой. М., 2007. С. 372, 374; Gonda J. The Ritual Function and Significance of Grasses in the Religion of the Veda. N.Y., 1985. P. 52–107. Эта трава чересчур жесткая и поэтому сидение на ней было сродни покаянию (тапасу). В ГП ее святость объясняется тем, что она произошла из волосков Вишну (ГП II.19.17). Эту траву очень широко использовали при жертвоприношении, рассыпая на земле или алтаре. На нее клали умирающего, чтобы обеспечить ему счастливое будущее в загробном мире (ГП II.19.6–8). Из нее делали символические изображения жертвенных животных, или, как мы это видим в ГП, изображение умершего, если по какой-либо причине нельзя совершить его кремацию (ГП II.30.45–48). Присутствие травы куши делало место ритуально очищенным.

5. Владыка подвижника-раджу приветствовал, как полагалось, И, будучи сдержанным в речи, затем сам представился радже.

6. *Сидение, аргхью, корову*⁴⁷ ему предложил знавший дхарму. И царь так к царю обратился: «Поведай, зачем к нам пришел ты?»

7. О том, что он сделать задумал, о том, что он сделать желает, Какое к Сатьвану дело имеет, все-все тот поведал».

Ашвапати сказал:

8. «О царственный! Дщерь пред тобою. Ей, блещущей,
Савитри имя!
Возьми ее, знающий дхарму, снохою, в согласии с дхармой!»

Дьюматсена сказал:

9⁴⁸. «Отшельникам, царства лишенным, смиренным по лесу
скитаться пришлось нам, чтоб дхарму исполнить.
Но дочь твоя в нашей ашраме стерпеть ли
лишения сможет, что ей не заслужены были?»

⁴⁷ *Сидение, аргхью, корову...* – имеется в виду ритуал приема почетного гостя, когда ему предлагалась вода для омовения ног (*pādya, padya*), почетная вода аргхья (*arghya*), вода для ачаманы (*ācamanīya*) и медовая смесь мадхупарка (*madhuparka*). Гостю предоставлялась лучшая еда, место для ночлега, ложе, циновка, подушка с покрывалом, умощения и т. п. В данном случае предлагается сиденье (*āsana*) и «корова» (*go*): в древней традиции – говядина, в позднее время – молочные продукты. *Arghya* – прилагательное от *argha* «цена, награда, почетный дар, прием гостей», т. е. «ценный, значительный, относящийся к почетному дару». Согласно толкованиям некоторых комментаторов, это вода для омовения рук, гость также мог выливать ее на себя. Вода подносилась в золотом или другом ценном сосуде, в нее могли бросаться цветы, благовония и т. п., к ней также могли прилагаться украшения, одежда и прочие. О толкованиях комментаторами компонентов почетной воды аргхья см.: Корнеева Н. А. Прием почетного гостя-атитхи в традиции санскритских ритуальных текстов // Индия – Тибет: текст и феномены культуры: Рериховские чтения 2006–2010 в Институте востоковедения РАН / Сост. и отв. ред. В. В. Вертоградова. М., 2012. С. 117–118.

⁴⁸ МБх III.279.9–10 – в оригинале стихи написаны размером джагати (*jagati*), то есть строфами, состоящими из четырех двенадцатисложных пад.

Ашвапати сказал:

10. «Владыка! Мы с дочерью знаем о том, что
несчастье и счастье по сути своей преходящи.
С намереньем твердым пришел я. Не могут
такие, как я, отступить от данного слова!

11. Не можешь убить ты надежды того, кто склонился
с почтеньем.
Тому, кто с любовью явился, не должен давать ты отказа.

12. И так как тебе подхожу я и ты меня также достоин,
Возьми мою дочку ты в снохи, Сатьявану славному – в жены!»

Дьюматсена сказал:

13. «Давно уже я ожидаю союза меж мной и тобою.
Однако имел я сомнение, поскольку остался без царства.

14. Но все же желал я исполнить и прежде намеренье это.
Оно да исполнится ныне! Ведь я ожидал тебя в гости».

Маркандея сказал:

15. «А после же всех двурожденных, живущих в ашраме
созвали
Те оба царя и сыграли, согласно традициям, свадьбу.

16. И дочери, как полагалось, приданое дав, Ашвапати
Со свитой в дворец удалился, исполненный счастьем великим.

17. Был счастлив Сатьяван с женою, имевшей премного
достоинств.
Она была счастлива также с супругом, желанным для сердца.

18. Отец ее лишь удалился, сняла она все украшения,
Да в темны из лыка покровы, в одежду-кору облачилась⁴⁹.

19. Достоинствами да смиреньем, и скромностью
да услуженьем,
Да также любви проявленьем всем радость она доставляла.

20. Свекрови – заботой о теле, вниманьем к одежде и прочим.
А свекру – богов почитаньем, да также воздержанной речью.

21. И тайным она услуженьем супругу во всем угождала,
А также – спокойствием духа, искусностью, ласковым словом.

22. О Бхарата! В этой ашраме так жили они, поживали,
Себя посветив покаянию. И некое минуло время.

23. У Савитри денно и ночью, дремала она или бдела,
В уме постоянно всплывало реченное Нарадой слово».

**Это двести семьдесят девятая глава книги «Лесная»
великой «Махабхараты».**

⁴⁹ Отшельники одевались в темно-красную одежду из луба.

Глава 280

Маркандея сказал:

1. «И вот, чередой минуя, премногие луны сменились,
И время Сатьявана смерти приблизилось, о повелитель!
2. А Савитри дни исчисляла, что изо дня в день проходили.
И в сердце ее пребывало реченное Нарадой слово.
3. “Умрет на четвертые сутки!” – прекрасная, зная, решила
Трёхдневный обет, при котором стоят денно-ночно,
исполнить.
4. Прослышав об этом обете, царь горести был преисполнен.
Вставая, он Савитри молвил такие слова увещенья:
5. “Тот пост, что предпринят тобою, является слишком
тяжелым.
Поскольку трехнощное бдение, о царская дочь, пресурово!”»

Савитри сказала:

6. «О батюшка! Ты не печалься. Свое обещанье исполню!
И это решение твердо. Решение – делу основа».

Дьюматсена сказал:

7. «“Обет прекрати!” – так промолвив, тебе приказать
не могу я.
Любой, мне подобный, обязан сказать тебе слово: “Исполни!”»

Маркандея сказал:

8. «Так молвив, замолк Дьюматсена, имеющий разум
великий.
Стоявшая Савитри схожа была со столбом неподвижным.
9. О бык среди бхаратов! За день до гибели мужа стояла
Так Савитри, полная горя. А ночь на рассвет повернулась.
10. “Сегодня тот день!” – и, почтивши *Огонь, пожирателя*
*жертвы*⁵⁰,
Она при восшествии солнца исполнила *утра обряды*⁵¹.
11. И скромница всем поклонилась, почтеннейшим
дваждырожденным
И свекру с свекровью, и встала, сложив пред собою ладони.
12. Подвижники, жители леса все стали читать заклинанья,
Чтоб дать отворот вдовей доли, дать Савитри благо и счастье.
13. “Да сбудется это!” – сказала она в созерцанье глубоком,
Постигнув душою своею отшельников все изреченья.
14. Когда же тот час, то мгновенье придут, ожидала царевна.
О сказанном Нарадой помня, была преисполнена скорби.
15. О тот, кто всех бхаратов лучше! Она одиноко стояла.
И ласково свекор с свекровью так дочери царской сказали».

⁵⁰ ...*Огонь, пожирателя жертвы* (*dīptam hutśanam*) – букв. «пылающего, имеющего жертву в качестве пищи». Пожиратель жертвы – распространенный эпитет Агни, бога огня. Огонь был посредником между жертвователями и теми, кому предназначались жертвоприношения, которые в виде дыма достигали мира богов.

⁵¹ *Утра обряды* – в тексте: *paurvāhnikīḥ kriyāḥ* – букв. «действия, [совершаемые] в начале дня».

Свекор и свекровь сказали:

16. «Обряд, на который решилась, уже ведь тобою окончен, А раз все исполнила, значит и время еды наступило».

Савитри сказала:

17. «Смогу я поесть, как уверюсь, что солнце уже закатилось. Ведь срок этот мной установлен и в сердце моем это воля!»

Маркандея сказал:

18. «Вот Савитри так говорила, отказ от еды объясняя, Сатьяван же в лес собирался, топор на плечо положивши.

19. И Савитри молвила мужу: “Один уходить ты не должен, Отправлюсь я вместе с тобою, покинуть тебя не могу я!”»

Сатьяван сказал:

20. «В лесу не бывала ты прежде. Любимая, путь этот труден. Да сможешь пешком ли идти ты, свой пост претерпев,
покаянье?»

Савитри сказала:

21. «Но нет у меня изможденья и нет от поста изнуренья! Иду! Решено это твердо. И мне отказать ты не можешь!»

Сатьяван сказал:

22. «Иди, если ты в состоянии, дам эту тебе я отраду! Родителей только спроси ты, чтоб грех тот меня не коснулся!»⁵²

⁵² Поведение Сатьявана коренным образом отличается от поведения Савитри. Он не уверен в себе, не может принять на себя никакой ответственности,

Маркандея сказал:

23. «Свекрови и свекру сказала подвижница,
им поклонившись:
“Супруг мой, плоды приносящий, идти хочет в лес превеликий.

24. И я с разрешения свекра, свекрови моих досточтимых
Хочу с ним отправится вместе. Разлука мне с ним нестерпима.

25. Уходу в лес вашего сына преград создавать не пристало,
Поскольку идет он, чтобы жертву в огонь принести ради
старших⁵³.

26. Уже я в течение года обители не покидала.
А как бы хотелось увидеть мне лес, весь покрытый цветами!”»

Дьюматсена сказал:

27. «Поскольку с тех пор, как отцом мне дана ты и стала
снохою,
Еще я не помню, чтоб с просьбой какой-либо ты обращалась,

28. То пусть же исполнено будет желание это, невестка!
В пути же Сатьявана, дочка, должна окружить ты заботой!».

Маркандея сказал:

29. «Она с разрешения свекров отправилась тут же в дорогу,
Шла, славная, вместе с супругом, смеялась, но плакала сердцем.

в лесу боится темноты и шакалов. Он ведет себя не как доблестный герой, каким он описывается в Мбх III.278, а как робкий ребенок. Вероятно, это отголоски какого-то древнего мифа, где героями могли быть брат и старшая сестра. Вспомним русские сказки, в которых сестра спасает своего брата, попавшего либо в подземный мир, либо в руки Бабы-яги.

⁵³ Предлог, под которым Сатьяван отправляется в лес не случаен. Он идет за дровами для огненной жертвы в честь предков, то есть вступает в контакт с миром мертвых.

30. Она на пестревшие всюду леса, что усладу дарили,
Звенели от криков павлинов, смотрела, раскрыв свои очи.

31. “Смотри, вон цветущие рощи, вон чистотекущие реки!” –
Сатьяван так к ней обращался с речами, подобными меду.

32. Она ж, безупречная, только все время на мужа смотрела
И думала, он уже мертвый, о сказанном мудрыми помня.

33. Ступая походкою легкой, так шла она вслед за супругом
Как будто с разорванным сердцем, предсказанный
срок ожидая».

**Это двести восьмидесятая глава книги «Лесная»
великой «Махабхараты».**

Глава 281

Маркандея сказал:

1. «Так шел он, не знающий страха, с женою плоды собирая.
Наполнил кувшин он, а после дрова заготавливать начал.
2. Когда же рубил он деревья, вдруг каплями пота покрылся.
От этой тяжелой работы его голова разболелась.
3. К жене подошел он любимой и молвил, измученный болью:
“Я так утомился, родная! И вдруг голова заболела!
4. Все члены мне болью пронзило! Горит мое, Савитри, сердце!
О та, что так сдержана в речи! Мне кажется, что занемог я.
5. Я чувствую, будто пронзили мне голову острые колья.
Как хочется спать, дорогая, не держат меня мои ноги!”
6. И вот, преисполнившись грусти, приблизилась
Савитри к мужу,
Уселась, себе на колени супруга главу положила.
7. Подвижница то, что когда-то поведал ей Нарада, вспомнив,
Что это тот день, вдруг постигла, тот час, та минута, мгновенье.
8. И в миг этот видит пред нею – *Пурúша*⁵⁴,
он в желтых одеждах.
Увенчан венцом он, прекрасен и солнцу сияньем подобен.

⁵⁴ *Пурúша* (*puruṣa*) – букв. «человек». Но перед Савитри появляется не человек, а царь мира мертвых Яма. Здесь имеется в виду, что Яма предстает перед ней в антропоморфном образе. Далее следует его иконографическое описание.

9. Сияющий, темный⁵⁵, ужасный, с петлею в руках⁵⁶,
красноглазый,
Стоял он с Сатьяваном рядом, за ним наблюдал он
с вниманьем.

10. Увидев его, положила несчастная мужа на землю,
Вскочила и, сблизив ладони, промолвила с трепетом в сердце:

11. “Я зрю божество! Обладаешь обличем не человеческим.
Владыка богов! О поведай, ты кто? И чего ты желаешь?”»

Яма сказал:

12. «Ты – верная мужу супруга, и ты приняла покаянье,
Тебе потому я отвечу, прекрасная. Знай же, я – Яма!

13. Вот отпрыск земного владыки, Сатьяван, твой муж
обреченный.
Так знай же, хочу его, спутав петлей, увести за собою».

Маркандея сказал:

14. «Тогда благодатный царь предков свой умысел так
объяснил ей,
Чтоб выказать ей благосклонность, все в точности так ей поведал:

15. “Он дхарме причастен, прекрасен, премного
достоинств имеет,
И не заслужил, чтобы *слуги*⁵⁷ вели его, сам я явился!”

⁵⁵ Сияющий, темный – в тексте: *śyāmāvadāta*.

⁵⁶ С петлею в руках (*pāśahasta*) – петля является одним из главных атрибутов Ямы. Представления о смерти как о петле, связывающей человеческие души, восходит к древнейшим мифологическим представлениям о жизни как нити. Связывание ассоциировалось с прерыванием этой нити, с несвободой, пленением.

⁵⁷ *Слуги* – имеются в виду слуги Ямы. Здесь Яма их называет

16. Петлею связав, с силой вырвал из тела Сатьявана Яма
*Размерами с перст человека*⁵⁸, во власть перешедшего Яме.

17. С угасшею жизненной силой, с дыханием жизни ушедшим,
С блистаньем померкшим казалось недвижимое тело ужасным.

18. Связав его путами, Яма отправился в сторону юга.
А Савитри следом за Ямой отправилась, болью терзаясь,
Обет завершившая, мужу столь верная, с долей великой».

Яма сказал:

19. «О Савитри! Ты возвращайся, обряд погребальный
исполни.
Уж сколько возможно, прошла ты, в том нету вины
перед мужем».

Савитри сказала:

20. «Куда бы ни следовал муж мой, по воле своей,
иль насильно,
Туда же за ним я отправлюсь⁵⁹. И дхарма незыблема эта!

«мои люди» (*matpuruṣa* m. pl.). Чаше всего слуги Ямы относятся к разряду кинкаров (*kin̥kara* m. pl.). Это род особых существ, находящихся в услужении у царя мертвых Ямы. Атрибутами кинкаров так же, как и Ямы, являются петли, которыми они связывают человеческие души.

⁵⁸ ... *размерами с перст человека* (*aṅguṣṭhamātraṁ puruṣam*) – восходит к мифологическим представлениям о душе как маленьком человечке. Имеет аналогии в сказаниях самых различных стран. В русской традиции отголоском таких воззрений является герой многих сказок Мальчик-с-пальчик.

⁵⁹ Эта шлока цитируется в тех случаях, когда доказывается необходимость обряда сати – сожжения вдовы во время кремации тела ее мужа. Данный обряд является демонстрацией почтения к мужу и покорности своей судьбе. Однако здесь эти слова продиктованы совсем не желанием умереть вместе с мужем. Наоборот, Савитри хочет спасти его от смерти. В сказании все безвыходные ситуации являются поводом для Савитри направить всю свою энергию и талант на борьбу со своей судьбой.

Савитри сказала:

26. «Лишившийся зренья и царство свое потерявший
в изгнании свекор в ашраме лесной пребывает.
Пусть зренье обратно получит могучий властитель⁶³
твоим милосердием, солнца сиянью подобный!»

Яма сказал:

27. «Дарую тебе, безупречная, эту награду.
Все сбудется в точности так, как меня попросила.
Но кажется мне, что тебя утомила дорога.
Ступай! Воротись же! Не следует так утомляться!»

Савитри сказала:

28. «Мне рядом с супругом какая быть может усталость?
Поскольку путь мужа – вот путь для меня утвержденный.
Куда понесешь ты супруга, туда и пойду я!
Но внемли, что дальше скажу, средь богов наивысший!»

29. Общенье желанно превыше всего с благодатным.
Поэтому дружеством высшим его называют.
Союз с благодатным не может остаться бесплодным.
Поэтому должно стремиться к единству с благами».

Яма сказал:

30. «Ты слово сказала, что ум возвышает и будит,
что радует сердце и благо имеет основой.
Теперь выбирай же себе ты вторую награду,
но снова, о ясная, кроме Сатьявана жизни».

⁶³ Первое, что просит Савитри у Ямы – это зрение для свекра Дьюматсены. Обретение зрения должно предшествовать просьбе о возврате царства, так как слепой царь не в силах исполнять свои обязанности. Такая просьба имеет непосредственное отношение к дхарме.

Савитри сказала:

31. «То царство, что в прежнее время отобрано было,
пусть мудрый мой свекор, властитель, обратно получит,
Чтоб больше почтеннейший не отступался от дхармы⁶⁴,
такую прошу у тебя я вторую награду!»

Яма сказал:

32. «Немедленно царство свое он обратно получит.
Властитель уже не отступит от собственной дхармы.
О царская дочь! Я и это желание исполнил.
Ступай! Воротись же! Не следует так утомляться!»

Савитри сказала:

33. «О боже! Ты держишь в узде поколения людские.
Людей обуздав, вопреки их желанью уводишь.
Известна поэтому *сущность твоя* – “Усмиритель”⁶⁵,
Но внемли же гласу моей возвышающей речи!

34. Ко всем существам благосклонность, и в мыслях, и словом,
и делом,
И милость, в даяниях щедрость – то вечная дхарма святого!⁶⁶

35. Таков этот мир. Проявляют себя в нем по-разному люди,
Но истинно праведны только лишь те, кто к врагам милосердны».

⁶⁴ Возврат царства также необходим для исполнения Дьюматсеной его священной обязанности – дхармы царя. Яма не может отказать в такой просьбе, так как, будучи царем дхармы, он должен устранять препятствия для ее выполнения.

⁶⁵ ...*сущность твоя* “Усмиритель” – в тексте: *yamatvam* – «сущность Ямы», «сущность того, кто обуздывает». Начиная с этого места, Савитри последовательно объясняет все имена и эпитеты Ямы и их значение.

⁶⁶ Савитри доказывает Яме, что долг праведных невреждение, доброта и щедрость, что предшествует новой просьбе. Яма как оплот праведности обязан продемонстрировать свою щедрость.

Яма сказал:

36⁶⁷. «Как будто питье для того, кто томится от жажды,
 столь сладостны речи, которые ты произносишь.
Себе избери ты награду, какую желаешь,
 но снова, о ясная, кроме Сатьявана жизни».

Савитри сказала:

37. «Властитель земель, мой отец не имеет потомства.
 Пусть сто сыновей у отца, моих братьев родится.
Они продолжением явятся нашего рода –
 такое даренье себе избираю я третье»⁶⁸.

Яма сказал:

38. «Блистательных сто сыновей, продолжателей рода,
 теперь у отца твоего, о лучистая, будет!
О царская дочь! Я и это желанье исполнил.
 Назад воротись! Ты ушла чересчур уж далеко!»

Савитри сказала:

39. «Мне возле супруга не кажется дальней дорога.
 Все дальше и дальше мое устремляется сердце.
Поэтому, о уходящий, ты вслушайся снова
 в произносимые мной вдохновенные речи!

⁶⁷ Мбх III.281.36–40 – размер джагати.

⁶⁸ Новая просьба Савитри опять связана с дхармой. Как уже говорилось, отсутствие сыновей являлось серьезным препятствие исполнения дхармы по отношению к умершим предкам. Савитри просит сыновей для своего отца, так как обязанности исполнения поминальных обрядов передавались по мужской линии.

40. Тебя мудрецы потому нарекли *Вайвасватой*⁶⁹,
что ты *Лучезарного*⁷⁰ жар излучающий отпрыск,
А так как смиренью и дхарме привержены твари,
Царь дхармы тебя, о владыка богов, называют.

41. И даже к себе нет такого доверия, как к благодатным.
Поэтому близость с благими особенно всем так желанна.

42. А то, что доверьем зовется, рождается дружеством сущих.
Особо доверье питают поэтому к праведным люди⁷¹.

Яма сказал:

43⁷². «О женщина! Так как еще я ни разу не слышал,
прекрасная, слов, что подобны твоим изречениям,
И так как доволен я ими, четвертый подарок,
проси, кроме жизни его, и назад возвращайся».

Савитри сказала:

44. «Сто кровных, родных сыновей да родим мы
с супругом моим, преисполненных мужества, силы.
Они продолжением явятся нашего рода –
такой вот я дар у тебя избираю четвертый».

⁶⁹ *Вайвасвата* (*vaivasvata*) – букв. «сын Вивасвана».

⁷⁰ *Лучезарный* – в тексте: *Вувасван* (*vivasvant*), бог Солнца.

⁷¹ В данном отрывке Савитри рассказывает Яме о необходимости доверия к благочестивым людям и доказывает свое благочестие знанием дхармы. Это предшествует самой ответственной просьбе и, по сути дела, обману Ямы.

⁷² Мбх III.281.43–45 – размер джагати.

Яма сказал:

45. «О женщина! Сто сыновей, доставляющих радость,
а также исполненных мужества, силы, родишь ты!⁷³
О царская дочь! Ты ушла чересчур уж далеко!
Назад возвращайся! Не следует так утомляться!»

Савитри сказала:

46⁷⁴. «Святые навечно привержены дхарме.
Они не колеблются и не слабеют.
Союз не бесплоден благого с благими.
Благой у благого не вызовет страха.

47. Земля утверждается подвигом добрых.
И движется солнце правдивостью добрых.
Быть добрыми – путь и потомкам, и предкам.
Погибнуть меж добрыми добрый не может.

48. Так следует жить благородным. Незыблемо это для мудрых.
Все ради других совершая, святыне не ждут воздаянья.

49. Людей доброта никогда не напрасна.
Почет, воздаяние неистребимы.
И тот неизменен закон благородных.
Присутствие добрых дарует защиту!»⁷⁵

⁷³ Савитри просит сто сыновей (см. прим. к Мбх III.281.37). Эта просьба не только не противоречит дхарме, но и способствует ее исполнению. Поэтому у Ямы нет повода отказать в этом желании, он проникается доверием к благочестивой просьбе Савитри и дает возможность себя пережить, забыв, что муж Савитри, отец обещанных детей, уже умер.

⁷⁴ Мбх III.281.46–47, 49 – размер триштубх.

⁷⁵ Савитри доказывает Яме, что щедрость (благодатность) и правдивость – наивысшие добродетели. После этого Яма не может отказать ей, так как он проявил щедрость, обещая ей детей, и не может нарушить свое слово и тем самым отступить от дхармы.

Яма сказал:

50⁷⁶. Чем дальше вещаешь о дхарме и связанном с нею,
что сердцу приятно, значительно и благозвучно,
Тем больше к тебе у меня возникает влечение.
О верная клятве! Проси несравненного дара!»⁷⁷

Савитри сказала:

51. «Поскольку еще, благодатный, дарениям прежним
тобой не положен конец без деянья благого.
То я избираю Сатьявана жизнь этим даром,
ведь я будто мертвая стала без мужа.

52. Ведь если утрачу я мужа, мне счастья не надо.
Ведь если утрачу я мужа, небес мне не надо.
Ведь если утрачу я мужа, не надо удачи.
Ведь если утрачу я мужа, не надо мне жизни.

53. Рождение ста сыновей ты мне дал в обещанье.
А их даровав, почему же ты мужа уносишь?
И чтоб оказалось твое обещанье правдивым,
Сатьявана жизнь я себе выбираю в награду»⁷⁸.

Маркандея сказал:

54. «Тут сын Лучезарного, Яма, все выслушав, пути расторгнул.
И к Савитри так обратился на радостях Дхармы владыка:

⁷⁶ Мбх III.281.50–53 – размер джагати.

⁷⁷ Эта строфа подтверждает предположение, что речь Савитри сродни заклинанию. Чем дальше Савитри говорит то, «что дхарме причастно, что сердцу приятно, значительно и благозвучно», тем больше Яма попадает под ее власть. В данном случае он, обещая дар, отменяет свое обязательное условие: все, кроме жизни Сатьявана.

⁷⁸ В этой строфе используется игра слов: *satya* («правдивость», «истинность») и имя Сатьявана (*satyavant* – «правдивый»). Дословно получается: «Чтобы стало правдой слово твое, пусть живет тот, кто говорит правду».

55. «На благо тебе отпускаю я мужа, о рода надежда!
Да будет тобой уводимый здоровым, да цели добьется!»

56. Он возраста вместе с тобою в четыре столетья достигнет.
И жертвуя, следуя дхарме, известности в мире заслужит.

57. И сто сыновей вы родите с Сатьяваном вместе, и станут
Героями все да царями, сынов народят они, внуков!
Потомки, носящие имя твое, будут славные, вечно!

58. И сто сыновей да получают и мать, и отец твои тоже!
Малави даст имя *малавам*⁷⁹, а также сынам их и внукам!
Как тридцать божеств наилучших твои будут кшатрии-братья!»

59. И дхармы властитель могучей, такое дарение сделав
И Савитри прочь отославши, в жилище свое удалился.

60. А Савитри, мужа обретши, лишь Яма ушел восвояси,
Туда поспешила, где мужа умершего тело лежало.

61. Она на земле увидала супруга, приблизилась быстро,
На землю уселась и мужа главу подняла на колени.

62. Сатьяван, сознание снова обретши, так Савитри молвил,
Столь ласково глядя, как будто вернулся он после разлуки».

Сатьяван сказал:

63. «Как долго мой сон продолжался!⁸⁰ Меня почему не будила?
А тот человек, кто же был он, столь *черный*⁸¹, меня уносивший?»

⁷⁹ *Малавы* (*mālava* m. pl.) – название племени, упоминаемого в «Махабхарате». В данном тексте дается объяснение его названия.

⁸⁰ Здесь мы наблюдаем свойственное мифологии отношение к смерти как сну.

⁸¹ *Черный* – в тексте: *śyāma* – «темный, черный». Б. Л. Смирнов обратил внимание, что что Сатьяван воспринимает Яму как черного человека, в то время как Савитри видела его лучезарным как солнце.

Савитри сказал:

64. «О бык средь людей! На коленях моих ты проспал
долго-долго.
Обратно ушел благодатный, людей укрощающий, Яма.

65. Уже ты проснулся, царевич! Уже отдохнул, достославный!
Встань на ноги, если ты в силах. Смотри, уже ночь наступает!»

Маркандея сказал:

66. «И будто проснувшись, Сатъяван, сознание обретши,
поднялся.
По всем сторонам оглянулся, леса осмотрел и промолвил:

67. “Желая плоды принести, я отправился вместе с тобою,
А после дерева рубил я. Но вдруг голова разболелась.

68. Я, острою болью измучен, стоять на ногах был не в силах,
Уснул у тебя на коленях. О ясная! Все, что я помню!

69. Когда ж у тебя я в объятьях уснул, потерял я сознание.
И мрак я узрел, а во мраке был некто ужасный и мощный.

70. Кто он? Тонкостанная! Если ты знаешь об этом, поведай!
И было ли то сновиденье? На самом ли деле то было?”

71. Ответила Савитри мужу: “Уж темная ночь наступает.
Царевич, о том, что случилось, все завтра тебе расскажу я.

72. Прошу, верный долгу! Вставай же, вставай,
о родителях вспомни!
Уж тьма надвигается. Гаснет уже лучезарное солнце!

73. Свирепая нечисть ночная, ужасно кричащая, бродит.
И слышится листьев шуршанье – то дикие звери выходят.

74. На юге и западе воют шакалы, несчастье вещуя.
Чудовищный вой заставляет всю душу мою содрогаться!»»

Сатьяван сказал:

75. «Вид леса, пугающей тьмою объятого, ужас внушает.
Не сможешь найти ты дороги и будешь не в силах идти ты!»

Савитри сказала:

76. «Горел этот лес и сухое в нем дерево нынче пылало.
Сейчас, раздуваемый ветром, огонь кое-где там мерцает.

77. Оттуда огонь принесу я и здесь разожгу его ярко.
Ведь есть тут дрова. Прогони же ты мысли, что мучают сердце.

78. А если идти ты не можешь, то, значит, еще не здоров ты.
В лесу, темнотою объятом, не сможешь найти ты дороги.

79. И, если согласен ты, завтра отправимся, утром, при свете.
А ночь эту, о безупречный, здесь рядом с костром проведем мы».

Сатьяван сказал:

80. «В моей голове боль утихла. Мне кажется, тело здорово.
Хочу я увидеть сегодня родителей, если поможешь!

81⁸². Обители не покидал я в вечернее время ни разу.
Еще до того, как смеркалось, мне мать уходить не велела.

⁸² Данный отрывок дает возможность предположить, что в первоначальном варианте сказания Сатьяван мог быть младшим братом Савитри, что мы наблюдаем в многих мифах и сказках. Он ведет себя как маленький

82. И днем, стоит мне отлучиться, родители в сильной тревоге.
Отец меня ищет, с ним вместе – все жители нашей ашрамы.

83. Моя то вина, что порою родители так огорчались!
Встречая, они говорили: “Как долго же ты не приходишь!”

84. А нынче же, я представляю, мученье, что им причиняю!
Сегодня меня не увидеть для них было б страшным несчастьем!

85. И прежде бывало, средь ночи они говорили мне с плачем,
Столь старые, очень печальны и подвижны
нежностью сильной:

86. “О мальчик наш! Жить мы не сможем, утратив тебя,
ни мгновенья.
Сынок наш! Покуда живой ты, и наши не кончены жизни!

87. Ты нашего рода опора. Двух старцев ослепших ты зренье!
В тебе поминальная жертва, продление рода и память!”

88. Ведь мать так стара. Стар отец мой. Конечно же, я им опора.
А ночью меня не увидев, в каком они будут смятенье!

89. Ропщу я на сон, что явился причиной того, что отец мой
И мать моя, кроткая, нынче в отчаянье ввергнуты мною.

90. Я также в отчаянье ввергнут, попав в испытанье большое.
Без матери жить не могу я! И жить не могу без отца я!

91. Конечно ж, отец мой безокий, чей разум смятения полон,
Сейчас то того, то другого отшельника все вопрошает.

мальчик: боится поздно отлучаться из дома, послушаться родителей, огорчить их. Затем он плачет и Савитри утирает его слезы (Мбх III.281.95–96).

92. О ясная! Не о себе я, а лишь об отце сокрушаюсь,
А также о матери слабой, вослед за супругом идущей!

93. Моя то вина, если нынче хлебнут они страшного горя.
Живу я их жизнью, о них я обязан иметь попечение.
И знаю к тому же, что должен я им приносить только радость!»

Маркандея сказал:

94. «Так молвил свой долг сознающий, родителей чтящий,
их радость,
И вскинул он руки от горя и громко-прегромко заплакал.

95. В ответ ему Савитри, видя, что муж ее горем измучен,
И слезы ему утирая, так молвила, верная долгу:

96. «Обет я исполнила, жертвы, дарения я совершала,
Поэтому ждет этой ночью и свекров, и мужа удача.

97. Не помню, чтоб даже невольно когда-либо ложь я сказала.
Да будет та истина нынче свекрови и свекру поддержкой!»»

Сатьяван сказал:

98. «Пойдем поскорей! Как хочу я родителей, Савитри, видеть!
А если же встречу отца я и мать, недовольными мною,
Не жить, пышнобедрая, мне уж! Я, право, с собою покончу!

99. И если привержена дхарме, и если желаешь, чтоб жил я,
И радость мне хочешь доставить, скорее вернемся в обитель!»

Маркандея сказал:

100. «Красавица Савитри тут же власы подвязала и встала.
Чтоб на ноги муж мог подняться, она подала ему руки.

101. И тут же поднялся Сатьяван, рукою размял свои члены,
По всем сторонам оглянулся – свой взор на кувшин обратил он.

102. А Савитри молвила мужу: “Плоды принесешь эти завтра.
Но ради сохранности нашей вот этот топор прихвачу я!”

103. Она, на древесную ветку кувшин вместе с ношей повесив,
Взяла тот топор и обратно отправилась рядом с супругом.

104. На левом плече у прекрасной рука ее мужа лежала,
А правой рукой обнимала его она, мягко ступая».

Сатьяван сказал:

105. «Тропу эту, робкая, знаю. Не раз ей ходил я когда-то.
Вон, вижу я, там показался свет лунный сквозь ветки деревьев.

106. О ясная, мы проходили вот этим путем за плодами.
Ступай же по этой дороге, с нее никуда не сбивайся.

107. Дорога же наша в чащобе кустарников тех раздвоится.
На ту поверни, что на север ведет⁸³. Ну иди же скорее!

108. Я чувствую силу и бодрость. Хочу я родителей видеть!»

Маркандея сказал:

«Вот так говорил он, желая в ашраму скорей воротиться».

**Это двести восемьдесят первая глава книги «Лесная»
великой «Махабхараты».**

⁸³ Направление дороги на север имеет свой смысл. Север – это благоприятная сторона света, противоположная южной, в которую, как мы видели, Яма уносил душу Сатьявана. Считалось, что мир мертвых и обитель Ямы находятся именно на юге.

Глава 282

Маркандея сказал:

1. «А в это же самое время в великом лесу Дьюматсена,
Вновь зренье свое получивший, все ясным осматривал взором.
2. И с *Шайбьей*⁸⁴, женою своею, обители все обошел он.
Великую скорбь испытал он по сыну. О муж наилучший!
3. Лесные ашрамы и реки, а также леса да озера,
Все стороны света супруги, вокруг обойдя, обыскали.
4. “Идет это Савитри! Это Сатъяван!” – воскликнув, бежали,
В даль глядячи, каждому звуку внимая, в тревоге по сыну.
5. Изранены в кровь камышами, с ногами разбитыми, в ранах,
И с телом, исколотым *кушей*⁸⁵, как будто в безумье метались.
6. Все жители этой ашрамы, все брахманы их обступили.
И старцев обратно в обитель они привели, утешая.
7. С супругою царь, в окружение отшельников тех умудренных,
Там разные слушал сказанья о древних царях в утешенье⁸⁶.
8. Но лишь обретут утешенье, в желании сына увидеть,
Вновь, старые, в грусть погружались, про детские
шалости вспомнив.

⁸⁴ *Шайбья* (*śaibya*) – «Происходящая из рода Шиби» (см. прим. к Мбх III.278.17). Здесь впервые появляется это имя матери Сатъявана.

⁸⁵ *Куша* – см. прим. к Мбх III.279.4.

⁸⁶ Распространенный способ утешения в «Махабхарате». Напомним, что само «Сказание о Савитри» является таким «утешительным» сказом. Оно рассказывается Юдхиштхире, находящемуся в изгнании.

9. Они, истомленные горем, прежалобно так причитали,
Рыдали: “О сын! О невестка! О верная! Где же вы? Где же?”»

*Суварчас*⁸⁷ сказал:

10. «Поскольку жена его страсти свои обузда, смиренна
И славится праведной жизнью – живой несомненно Сатьяван!»

*Гаутама*⁸⁸ сказал:

11. «Я *веды* постиг и *веданги*⁸⁹! Обрел я великую силу!
Жил с детства воздержанной жизнью, наставника чтил
я и *Агни*⁹⁰!

12. Обеты свои исполнял я все полностью, с должным
усердьем,
Я *воздухом лишь насыщался*⁹¹, лишь то, что на благо, я делал.

13. И в силу заслуг моих знаю, что должно свершиться
с другими.
Поэтому истину знайте – живой несомненно Сатьяван!».

⁸⁷ *Суварчас (suvarcas)* – букв. «Полный жизненных сил, энергии, блеска». В «Махабхарате» – имя известного брахмана.

⁸⁸ *Гаутама (gautama)* – букв. «Потомок Готамы», мудреца из рода Ангирасов. В «Махабхарате» известно несколько мудрецов под таким именем. Самый знаменитый из них – один из семи великих риши.

⁸⁹ *Веды (veda m. pl.)* – сборники молитвенных песнопений, заклинаний и жертвенных формул: «Ригведа», «Яджурведа», «Самаведа» и «Атхарваведы», которые в индуистской традиции считаются первоисточником духовного знания.

Веданги (vedāṅga n. pl.) – произведения, примыкающие к ведам, и посвященные дисциплинам, необходимым для чтения и понимания вед и правильного проведения ведийских ритуалов.

⁹⁰ *Агни (agni)* – бог Огня.

⁹¹ *...воздухом лишь насыщался...* – распространенная формула, означающая, что герой ничего не ел, соблюдал полный пост.

Ученик сказал:

14. «Ни разу духовный наставник не молвил такого мне слова,
Которое не было б правдой – живой несомненно Сатьяван!»

Риши сказали:

15. «Поскольку благие имеет жена его, Савитри, знаки,
Свидетельства доли не вдовей – живой несомненно Сатьяван!»

*Бхарадваджа*⁹² сказал:

16. «Поскольку жена его страсти свои обузда, смиренна
И славится праведной жизнью – живой несомненно Сатьяван!»

*Далбхья*⁹³ сказал:

17. «Опять к тебе зрение вернулось, а Савитри, долгу согласно,
Ушла, но поста не прервала – живой несомненно Сатьяван!»

*Мандавья*⁹⁴ сказал:

18. «Поскольку кричат птицы, звери лишь в той стороне,
что благая,
И царство к тебе возвратилось – живой несомненно Сатьяван!»

*Дхаумья*⁹⁵ сказал:

19. «Поскольку премного достоинств имеет ваш сын,
людям милый,
Отмечен чертой долголетия – живой несомненно Сатьяван!»

⁹² *Бхарадваджа* (*bharadvāja*) – один из семи великих мудрецов, сын Брихаспати.

⁹³ *Далбхья* (*dālbya*) – легендарный мудрец.

⁹⁴ *Мандавья* (*māṇḍavya*) – великий мудрец, часто упоминаемый в «Махабхарате» и другой литературе.

⁹⁵ *Дхаумья* (*dhaumya*) – мудрец, домашний жрец и наставник Пандавов.

Маркандея сказал:

20. «Вот так говорящие правду отшельники их утешали.
Они же, все доводы взвесив, казалось, покой обретали.

21 А Савитри в это мгновенье с супругом, Сатьяваном, вместе
В ночи вдруг вернулась обратно, в обитель вошла в ликованье».

Брахманы сказали:

22. «Увидев, что встретил ты сына, а также вернул свое зрение,
Все мы, о земли повелитель, удачу тебе предрекаем!

23. Ведь нынче ты встретился с сыном, и Савитри снова ты
видишь,
И снова вернул свое зрение – три раза в судьбе преуспел ты!

24. Все-все мы тебе предрекаем, и в этом нет тени сомненья,
Что вскоре тебя ожидает большая, большая удача!»

Маркандея сказал:

25. «А после огонь разложили все дваждырожденные,
*Партха*⁹⁶,
Владыке земель, Дьюматсене почтение свое оказали.

26. И Савитри, Шайбья, Сатьяван сначала все рядышком
встали,
Затем, получив разрешение, все сели, забыв о печали.

27. А после с владыкою рядом все жители леса уселись
И, Партха, с живым интересом у царского сына спросили:

⁹⁶ *Партха* (*pārtha*) – то есть сын Притхи (*prthā*), или Кунти, жены Панду. Здесь имеется в виду Юдхиштира, которому Маркандея излагает это сказание.

28. «Владыка, ответь, почему же ты раньше с женой не вернулся? Пришел на исходе ты ночи. И что же с тобою случилось?»

29. Ведь из-за тебя исстрадались и мать, и отец, о царевич! Изволь же ты сам, не супруга, нам дать объяснение, в чем дело?»»

Сатьяван сказал:

30. «С отцовского я дозволения отправился с Савитри вместе. Когда же рубил я деревья в лесу, голова разболелась.

31. Уснул я, измученный болью, и, думаю, очень надолго. Еще никогда, я считаю, не спал я столь долгое время.

32. И, о досточтимые, чтобы вы больше так здесь не страдали, Мы ночью домой воротились, и нету иной в том причины!»

Гаутама сказал:

33. «Тут вдруг неожиданно зренье обрел твой отец, Дьюматсена. А если причины не знаешь, так Савитри пусть нам расскажет!

34. О Савитри! Все, что известно тебе, я хотел бы услышать! Богине ведь Савитри, знаю, ты, Савитри, блеском подобна!

35. Ты ведаешь, в чем тут причина, поэтому правду скажи нам, И если не удержишь ты в тайне чего-нибудь, все нам поведай!»

Савитри сказала:

36. «Я знаю, в том нету сомненья, все то, что узнать вы хотите. И я ничего не сокрою, поэтому слушайте правду!

37. Мне Нарада, риши великий, пророчил кончину супруга. Сегодня я в день его смерти Сатьявана не оставляла.

38. Приблизился к спящему Яма со слугами, в облике зримом,
И он потащил его, спутав, в тот край, где находятся предки.

39. А я вездесущего бога правдивейшим словом почтила.
И пять я даров получила. О них от меня да услышите!

40. Мой свекор был дважды одарен – вернул свое царство
и зренье.
По сто сыновей получили и я, и отец мой в подарок.

41. Нам с мужем дарованы были четыре столетия жизни.
Все это за то, что исполнен мной тяжкий обет ради мужа.

42. Я чистую правду сказала: вот это явилось причиной
Того, что великое горе вдруг счастьем большим обернулось».

Риши сказали:

43⁹⁷. «Ваш царственный род, отягченный ужасным злосчастьем,
в пучине уж озера мрака совсем исчезающий,
Сегодня, о славная, верная, снова возвышен
твоим благородством, заслугами, верностью дхарме».

Маркандея сказал:

44. «Средь жен наилучшую так-то почтив и восславив,
святые подвижники эти все вместе собрались
И, радости полные, с миром ушли восвояси,
с владыкой народов и сыном его попрощавшись».

**Это двести восемьдесят вторая глава книги «Лесная»
великой «Махабхараты».**

⁹⁷ Мбх III.282.43–44 – размер джагати.

Глава 283

Маркандея сказал:

1. «Когда же та ночь миновала, когда поднимался
лик солнца,
Все выполнив утра обряды, отшельники вместе собрались.
2. Великие риши рассказ свой о Савитри доли великой
Царю Дьюматсене подробно, без усталости всё повторяли.
3. Тогда-то от шальвов явились советники все, о владыка.
О том, что придворными свергнут соперник, они возвестили.
4. Что был приближенным убит он с родными
и слугами вместе,
“Воистину, вражее войско бежало!” – они возвестили:
5. “Желанье народа едино, законного видеть владыку.
Безокий ли он или зрячий, хотят, чтоб он властвовать ими!
6. Владыка! С таким вот посланьем предстали мы все
пред тобою.
*Четыре деления войска*⁹⁸ и все колесницы готовы!
7. Объявлена в царстве победа! Будь в здравии, царь,
отправляйся
И долго пребудь на престоле, к тебе от отцов перешедшем!”»

⁹⁸ *Четыре деления войска* – в тексте *caturaṅga*. Так называется войско, состоящее из четырех частей: боевых слонов, боевых колесниц, конницы и пехоты.

*Вайшампаяна*⁹⁹ сказал:

16. «Сын Панду¹⁰⁰ утешился этим сказаньем *великого духом*¹⁰¹,
И в дебрях Камьяки¹⁰², о раджа, он жил-поживал без печали.

17. Тому, кто смиренно прослушал о Савитри сказ
высочайший,
Да будет сопутствовать счастье! Пусть горе его не коснется!».

**Это двести восемьдесят третья глава книги «Лесная»
великой «Махабхараты».**

⁹⁹ *Вайшампаяна* (*vaiśampāyana*) – мудрец, ученик Вьясы, один из основных рассказчиков «Махабхараты».

¹⁰⁰ *Сын Панду* (*pāṇḍava*) – имеется в виду Юдхиштхира. Панду (*paṇḍu*) – букв. «Бледный» герой «Махабхараты», сын мудреца Вьясы и Амбалики, вдовы царя Вичитравирьи.

¹⁰¹ *Великий духом* – в тексте: *mahātman*. Имеется в виду Маркандея.

¹⁰² ... в дебрях Камьяки (*kāṁyaka*) – то есть в лесах, где скрывались братья Пандавы во время изгнания.

МАТСЬЯ-ПУРАНА

(Гл. 208–214)

СКАЗАНИЕ О САВИТРИ

Глава 208

Сута¹ сказал:

1. «Затем царь, [обладающий] неизмеримой мощью, попросил владыку поведать ему сказание о величии благочестивых жен»².

Ману сказал:

2. «Расскажи мне о их [величии], уничтожающем все грехи! Кто из благочестивых жен наилучшая? Она победила смерть? Чье славное имя люди должны всегда прославлять?»

Матсья сказал:

3. «О знаток дхармы! Даже *Царь дхармы*³ не может сделать [ничего] против добродетельных, благочестивых жен, которых он всегда почитает.

¹ Сута (*sūta*) – рассказчик.

² В данном тексте диалог происходит между царем Ману, потомком Вивасвана, и Матсьей, аватарой Вишну в форме рыбы, в честь которого и названа пурана.

³ *Царь дхармы* (*dharmarāja*) – то есть Яма. См. прим. к Мбх III.281.23.

4. Теперь я поведаю сказание, уничтожающее грехи, о том, как жена освободила мужа от пут смерти.

5–7. В стране *мадров*⁴ в прежние времена жил-был *Шакала*⁵ Ашвапати. Не имея детей, он принял обет для обретения потомства. Он почитал *Савитри*⁶, исполняющую все желания, как указали ему наилучшие из дваждырожденных. Дваждырожденные, которых насчитывалась сотня, каждый день оказывали почитание Савитри [подношением] *сиддхартхаки*⁷. Когда прошло десять месяцев, на четвертый день лунного цикла она сама в видимом образе явилась владыке людей»⁸.

Савитри сказала:

8. «О царь! Ты постоянный мой почитатель! Я дарую тебе дочь. Благодаря моей милости будет у тебя очень красивая дочь».

9. О царь! Так сказав склонившемуся царю, богиня, которая могла перемещаться [в пространстве], сделалась невидимой.

10. У того [царя] была добродетельная жена по имени *Малати*⁹. В срок она родила дочь, красотой подобную [богине] Савитри.

11. Царь сказал дваждырожденным: «Так как она дарована благодаря почитанию Савитри и обликом напоминает ее, пусть она будет Савитри!»

⁴ *Мадры* – см. прим. к Мбх III.277.5.

⁵ *Шакала* (*śākala*) – это имя царя означает, что он правил в столице мадров – Шакале.

⁶ *Савитри* – см. прим. к Мбх III.277.9.

⁷ *Сиддхартхака* (*siddhārthaka*) – букв. «осуществляющая желания», белая горчица.

⁸ В варианте сказания в «Махабхарате» царь совершает обет в одиночестве и в течение восемнадцати лет.

⁹ *Малати* (*mālātī*) – букв. «Жасмин». Далее в тексте (МП 213. 15), а также в «Махабхарате», она зовется *Малави* (*mālavī*). С этим именем связывается название рода малавов.

12. С течением времени она стала девушкой, и царь решил отдать ее в жены Сатъявану. Но тогда *Нарада*¹⁰ сказал блистательному царю:

13. «Через год жизнь царского сына прервется!». Наилучший из людей подумал: «Единожды отдается дочь!».

14–15. И он отдал дочь в жены прекрасному сыну Дьюматсены. Но Савитри, находясь у мужа в царском дворце, думала о словах Нарады, предвещающих горе. В лесу она была [примером] высшей покорности мужу, свекру и свекрови.

16. Владыка людей [Дьюматсена], потерявший зрение, покинул царство, он не имел радостей, когда царская дочь стала снохой.

17–18. О дваждырожденный! Когда до смерти мужа оставалось четыре дня, с одобрения свекра царская дочь, сведущая в дхарме, исполнила [покаяние, длящееся] три ночи. Когда пришел тот самый день, юный Сатъяван отправился за прекрасными плодами и цветами.

19. Савитри со страхом, что ей откажут в просьбе, [обратилась] за разрешением к свекру и, [получив его], отправилась в большой лес вместе с мужем.

20. В лесу, чтобы скрыть великий страх, [рождающийся] от мыслей о несчастье, [Савитри] стала расспрашивать [мужа] о различных деревьях.

21. Он, герой, чтобы успокоить уставшую царскую дочь с большими, как лотосы, глазами, стал ей показывать в лесу деревья, птиц, зверей.

**Это двести восьмая глава великой «Матсья-пураны»,
[посвященная] сказанию о Савитри, о том, как Савитри
отправилась в лес.**

¹⁰ *Нарада* – см. прим. к Мбх III.278.1.

Глава 209

Сатьяван сказал:

1. «Смотри! В этом лесу, покрытом свежей зеленью, чарующее манговое дерево. [Вокруг] весна, [все] радуется взоры и приятно пахнет, возбуждает желания.
2. В лесу также можно увидеть *ашоку*¹¹ с прекрасными красными цветами. О имеющая удлинённые глаза! Весна улыбается мне.
3. Смотри, с южной стороны – милая роща с цветущими *киншуками*¹², подобными языкам пламени.
4. Приятный южный ветер приносит из леса аромат цветов и избавляет нас от усталости.
5. О большеглазая! На западе сверкает золотом прекрасный лес из *карникара*¹³ с очень красивыми цветами.
6. Лес, по которому [проходит наш] путь, покрыт сетью лиан и вьющихся растений. Украшенный множеством цветов, он прекрасен. Все в нем пленительно.
7. О красавица! [Слышится] жужжание пчел, пьяных весной. Будто бы рядом *Кама*¹⁴ натягивает лук, желая застрелить [меня].
8. Этот лес, звенящий от пения *кокил*¹⁵, лакомящихся сладкими плодами, блистает так же, как и ты, красотой.

¹¹ *Ашока* (*aśoka*) – букв. «беспечальное», тропическое дерево сем. бобовых *Saraca asoka* (Roxb.) de Wilde, *Saraca indica* L.; *Jonesia asoka* Roxb. Вечнозеленое дерево средней величины с очень красивыми красными или жёлто-оранжевыми цветами.

¹² *Киншука* (*kiṃśuka*) – дерево с прекрасными красными цветами, но без запаха.

¹³ *Карникара* (*karnikāra*) – название растения *Pterospermum acerifolium* (крылосемянника кленолистного, тарелочного дерева), цветущего красивыми цветами.

¹⁴ *Кама* (*kama*) – бог любви в индийской мифологии.

¹⁵ *Кокила* – в тексте: *puṃskokila* – букв. «муж кокилы», то есть самец индийской кукушки.

9. Кокила на вершине мангового дерева, золотистый от пыльцы цветов, голосом и поведением напоминает родовитого человека.

10. В лесу жужжащий влюбленный *шмель*¹⁶ летает с цветка на цветок, преследуя возлюбленную, чье тело измазано цветочной пылью.

11. В лесу юный самец кокилы, терзая огромный цветок мангового дерева *сахакары*¹⁷, наслаждается им как возлюбленной.

12. Самец вороны на вершине дерева сосредоточено кормит из клюва свою ворону, выведшую птенцов, а она крыльями закрывает от солнца своих детей.

13. Рябчик вместе с любимой спустился вниз на землю [в поисках корма], но не может есть, охваченный страстью.

14. Воробей наслаждается тем, что находится рядом с возлюбленной, снова и снова, о большеглазая, вытягивает шею, [желая ее].

15. Попугай сидит на ветке дерева вместе с женой. От [их] тяжести ветка провисает так, будто бы на ней [висит] плод.

16. А также в лесу молодой лев, наевшись мяса, лег вздремнуть, а возлюбленная находится в его объятьях.

17. Смотри! [Там] парочка тигров в каменной пещере. По их светящимся глазам можно видеть, где они находятся.

18. Там леопард кончиком языка вновь и вновь лижет возлюбленную и получает наслаждение от того, что и возлюбленная лижет его.

19. Обезьяна держит в лапках голову своего возлюбленного, желающего спать, и радуется ему, выбирая насекомых [из его шкурки].

20. Кот кусает и царапает, не причиняя боли, прелестную [кошечку], лежащую на земле так, что виден ее животик.

¹⁶ *Шмель* – в тексте: *śilīmukha* – букв. «с иглой на морде», пчела. В переводе использовано слово «шмель», так как в русском языке слово «пчела» – ж.р.

¹⁷ *Сахакара* (*sahakāra*) – вид мангового дерева.

21. Измученные заяц и зайчиха спят, плотно прижавшись [друг к другу] лапками и [другими] частями тела. Их можно различить лишь благодаря [торчащим] ушам.
22. Опьяненный страстью слон, купаясь в водоеме с множеством лотосов, их стеблями приветствует подругу.
23. Кабаниха, идущая тропой любимого, лакомится [клубнями] *мусты*¹⁸, вырытыми рылом любимого.
24. В лесу бык, обладающий крепкими членами, с телом, обмазанным илом, следует за бегущей подругой в сильном возбуждении.
25. О имеющая прекрасное тело! Посмотри, [там самец] пятнистой антилопы, сопровождаемый женой, с [большим] любопытством бросает кокетливые взгляды на тебя и на меня.
26. Посмотри! Сзади (или на западе) газель почесывает голову мужа кончиком рога, полная нежности и любви.
27. Скорей посмотри на ту идущую молоденькую светлую самку яка. Як рядом с ней. Он влюблен и горделиво смотрит на меня.
28. Посмотри, могучий бык с подругой, на солнцепеке жующий жвачку, отгоняет ворону с горба.
29. Посмотри на козла, который вдвоем с супругой, опершись передними лапами на толстый ствол *бадари*¹⁹, наслаждается поеданием плодов.
30. Посмотри, гусь с женой бродит по [мелководью] очень чистого пруда, он красотой подобен диску луны, полностью очистившемуся [от туч].

¹⁸ *Мусма (musta)* – *Cyperus rotundus* L., сыть круглая – многолетнее травянистое растение семейства осоковые (*Cyperaceae*). На подземных побегах этого растения имеются многочисленные клубневидные утолщения, которыми, по всей видимости, любят лакомиться кабаны, так как их описательным названием является *mustādāḥ*, т. е. «едоки мусты».

¹⁹ *Бадари (badarī)* — кустарник или небольшое дерево *Zizyphus jujuba*. (зизифус настоящий, ююпа, китайский финик). Плоды этого растения по форме напоминают финик.

31. Красноватый гусь с подругой прохаживается по зарослям лотоса. О красавица! Его возлюбленная прекрасна, как цветок, как лотос.

32. О прекраснобровая! Я собрал плоды и цветы. Но, прекраснобровая, я не собрал дров. Сейчас я это сделаю.

Ты отдохни на берегу пруда в тени дерева. Красавица, подожди только мгновение».

Савитри сказала:

33. «Я так и сделаю. Любимый, не уходи далеко, оставайся в поле моего зрения. Мне страшно в густом лесу!»

Матсья сказал:

34. «И так он стал собирать поленья в лесу вблизи от того пруда, перед глазами царевны, а она в это время думала о нем как уже умершем».

**Это двести девятая глава великой «Матсья-пураны»,
[посвященная] сказанию о Савитри, о том, как Савитри
отправилась в лес.**

Глава 210

Матсья сказал:

1. «Когда он связывал поленья, [его] голову пронзила боль и, мучаясь от боли, он подошел к жене и сказал [следующие] слова:

2. “Из-за переутомления у меня заболела голова. Я будто бы погрузился во мрак и ничего не узнаю.

3. Я вдруг захотел положить голову на твои колени и уснуть!” – так царевич сказал царской дочери и затем заснул.

4–7. Когда он положил голову на ее колени и взор его заволок сон, царская дочь и добродетельная супруга, обладающая великой долей, увидела Царя дхармы, подошедшего к этому месту, владыку, темного, как лепесток синего лотоса, одетого в желтые одежды, с телом, опоясанным зигзагами молний, подобного дождевой туче, блистательного, в короне, сверкающей как солнце, с серьгами, с множеством жемчужных ожерелий на груди, украшенного браслетами, сопровождаемого *Мритью* и *Калой*²⁰.

8–10. Подойдя к тому месту, он из тела Сатьвана вынул человека размером с палец, перешедшего под [его] власть, связав [его] петлей, а затем поспешно отправился в южную сторону. Прекраснобедрая Савитри, увидев, что [мужа] покинула жизнь, отправилась, не зная усталости, вслед за уходящим Ямой. Сложив [почтительно] ладони, она сказала с дрожью в сердце:

²⁰ *Мритью* (*mṛtyu*) – Смерть.
Кала (*kāla*) – Время. Обычно оба слова используются как имена или эпитеты царя смерти Ямы, например, как мы наблюдаем это далее (МП 213.4-5). Здесь употребляется как имена его помощников.

11. «Этот мир достигается преданностью матери, *средний*²¹ [мир] – преданностью отцу, *Брахмалока*²² – служением гуру.
12. Все дхармы почитаются тем, кто почитает этих трех. У того, кто их не почитает, все деяния бесплодны.
13. Покуда эти трое живы, не следует поступать иначе. Кто совершает ежедневное служение им, тот счастлив, [принося] радость и благо.
14. Чтобы их не ранить, если придется делать [что-нибудь] не по собственной воле, каждый раз следует советоваться с ними. [Именно так] в мыслях, словах и делах должен вести себя человек по отношению к ним троим».

Яма сказал:

15. «Ты делаешь [это ради] любви. Возвращайся скорее. Известно, что это не входит в твои обязанности. Вот что я тебе сейчас скажу! Меня [твое поведение] задерживает, а ты устанешь.
16. Ты предана, почитаешь гуру, верная и добродетельная жена. О знающая дхарму! Возвращайся! Ты уже в изнеможении».

Савитри сказала:

17. «Для женщин муж – божество, муж – наивысшее прибежище, муж – господин жизни и достатка. Верная жена всегда должна его сопровождать.
18. Отец дает то, что можно измерить, брат – то, что можно измерить, сын – то, что можно измерить. Как же не почитать мужа, дарующего неизмеримое?

²¹ *Средний (madhyama)* – имеется в виду т. н. Мадхьялока (*madhyaloka*). Обычно в индийской мифологии средний мир – это земля, которая находится между небесным и подземным мирами. Однако в этой же шлоке говорится о т. н. «этом мире», что явно означает «мир земли». Таким образом, здесь имеется в виду некий промежуточный мир.

²² *Брахмалока (brahmaloka)* – мир Брахмы, небесный мир.

19. Куда бы ни уносили моего мужа или куда бы он сам ни шел, туда я должна идти, прилагая все силы. О наилучший из богов!

20. Когда, о бог, я буду не в состоянии следовать за тобой, уходящим с [моим] мужем, я расстанусь с жизнью.

21. Какая же рассудительная женщина, желая носить украшения, загрязненная словом “вдова”, захочет жить даже мгновение, не имея украшений?»

Яма сказал:

22. «О добродетельная! Имеющая великую долю! Я доволен тобой, о прекрасная! Скорее выбери [любой] дар, кроме жизни Сатьявана!»

Савитри сказала:

23. «О Царь дхармы! Пусть мой свекор, обладающий великой душой, потерявший зрение и лишившийся царства, получит обратно царство и глаза!»

Яма сказал:

24. «О благая! Ты далеко ушла по дороге [смерти]. Свершится все, что ты просила. Вот что я тебе сейчас скажу! Меня [твое поведение] задерживает, а ты устанешь».

**Это двести десятая глава великой «Матсья-пураны»,
[посвященная] сказанию о Савитри, под названием
«Выполнение первого желания».**

Глава 211

Савитри сказала:

1. «Откуда изнеможение, откуда мученье, если идешь с праведными? Поэтому рядом с тобой, обладающим праведностью, у меня нет усталости. О наилучший из богов!
2. Праведный – это [указатель] пути и для благородных, и для бесчестных. Бесчестный же [не принесет блага] ни праведным, ни бесчестным, ни себе.
3. В мире [праведного] нет причины для злодейства и враждебности, поэтому не страшны ни яд, ни огонь, ни змеи, ни оружие.
4. В то время, как праведные отдают жизнь ради блага других, бесчестные же, [даже] умирая, преследуют цель причинить боль другим.
5. Этот мир покидают жизни, поэтому [в нем все смертно], подобно траве. Бесчестные и в другом мире могут принести вред другим.
6. Сам Брахма, гуру вселенной, создал царей у всех народов именно для того, чтобы наказывать бесчестных.
7. Царь должен следить за людьми, всегда уважать добродетельных, наказывать бесчестных. В той стране, [где подобный царь, его называют] победителем страны.
8. Царь должен наказывать бесчестных и поддерживать добродетельных. Именно так следует поступать царю, желающему попасть на небо.
9. О владыка мира! В мирах у царей нет иных обязанностей, кроме наказания бесчестных и поддержки добродетельных!
10. Если цари не могут управлять бесчестными, ты управляешь ими. Поэтому, как мне представляется, ты бог, который превосходит всех богов!

11. Обладающие святостью хранят мир. Ты наилучший среди святых! Поэтому, о бог, когда я иду рядом с тобой, не чувствую усталости!»

Яма сказал:

12. «О большеглазая! Я доволен твоими словами, сопряженными с дхармой. Скорее выбери [любой] дар, кроме жизни Сатьявана!»

Савитри сказала:

13. «О всевышний! Я желаю иметь сто родных братьев! Да получит мой бездетный отец счастье обретения сыновей!»

14. Ей ответил Яма: «Возвращайся, откуда пришла, о безупречная! Старательно исполни погребальные обряды по мужу!

15. Он ушел в иной мир. Ты его не можешь сопровождать! Ты можешь идти со мной [лишь] мгновенье, [только благодаря тому, что ты] предана мужу.

16. О благодетельная! Так как Сатьяван получил огромную заслугу от почитания гуру, я сам его уважу [в мир смерти].

17. О имеющая красивый цвет [лица]! Именно так должен поступать знающий человек – почитать отца, мать и гуру!

18. В лесу Сатьяван всегда радовал этих трех, почитал. Впоследствии ты вместе с ним заслужишь небеса, о прекрасная!

19. О прекрасная! Благодаря тапасу, *брахмачарье*²³, почитанию огня, а также преданности гуру, люди попадают на небеса!

20. Наставнику, отцу и матери, старшему брату, так же как и брахману, нельзя причинять страдание.

21. Наставник – воплощение Брахмы, отец – воплощение *Праджапати*²⁴, мать – воплощение Земли, брат – воплощение Атмана.

²³ *Брахмачарья* – см. прим. 19 к Главе 1.

²⁴ *Праджапати* (*prajāpati*) – букв. «Владыка тварей», бог-прародитель.

22. В человеческой жизни то страдание, которое приносит родителям рожденный [ими ребенок], невозможно искупить за сотню лет.

23. Поэтому им, а также учителю, следует оказывать постоянное внимание. Если эти трое довольны, то [человек получает плод] полностью [исполненного] покаяния.

24. Почитание этих трех зовется наивысшим тапасом. Не известив их, не следует выполнять каких-либо предписаний.

25. Ведь они – три мира, ведь они – три ашрамы, ведь они – три веды, а также, говорят, они – три [священных] огня.

26. Известно, что отец – огонь *гархапатья*²⁵, мать – *дакшината*²⁶, гуру – *ахавания*²⁷. [Это] три наиважнейших священных огня.

27. Домохозяин, почитающий этих трех, завоюет три мира. [Он, обретя] сияющее тело, [станет] подобным богу [и] будет наслаждаться на небесах.

28. Желание исполнено. Возвращайся, о благая! Свершится все, что ты просила. Вот что я тебе сейчас скажу. Меня [твое поведение] задерживает, а ты устанешь».

Это двести одиннадцатая глава великой «Матсья-пураны», [посвященная] сказанию о Савитри, под названием «Выполнение второго желания».

²⁵ *Гархапатья* (*gārhapatya*) – огонь домохозяина, переходящий от отца к сыну, один из трех священных жертвенных огней, от которого возжигаются другие.

²⁶ *Дакшината* (*dakṣināta*) – священный жертвенный огонь, возжигаемый с южной стороны. Чаще называется дакшина (*dakṣiṇa*).

²⁷ *Ахавания* (*āhavanya*) – священный жертвенный огонь, возжигаемый с восточной стороны.

Глава 212

Савитри сказала:

1. «О достигнувший дхармы, наилучший из богов! Откуда изнеможенье, откуда мученье? Служение стопам ног твоих – основа дхармы.
2. Обязанность мудрого человека – достижение дхармы, поскольку ее достижение, о бог, превосходит все [другие] достижения!
- 3–4. И *дхарма*, и *артха*, и *кама*²⁸ – три цели, обретаемые в результате рождения. Владыка! Без дхармы артха и кама – дети бесплодной женщины, так как в обоих мирах от дхармы происходит артха, от дхармы – кама. Только одна дхарма сопровождает [человека], куда бы он ни отправлялся.
5. Все другое умирает, подобно телу. Одиноким рождается живое существо, одиноким умирает.
6. Только дхарма сопровождает его, не друзья, не родственники. Деятельная активность, успех, привлекательность – все достигается благодаря дхарме.
7. [Есть] миры Брахмы, Индры, *Упендры*²⁹, *Шарвы*³⁰, *Инду*³¹, *Ямы*, *Арки*³², *Агни*, *Анилы*³³, *Воды*, *Васу*³⁴, *Ашвинов*, *Дающего богатство*³⁵ и подобные, в которых исполняются все желания.
- 8–9. О губящий людей! Их человек обретает [только] дхармой. Прекрасные острова и очень благоприятные страны,

²⁸ *Дхарма* (*dharmā*), *артха* (*artha*), *кама* (*kāma*) – три цели существования, т. н. «три-варга» (*trivarga*): праведность, материальное благосостояние, чувственное наслаждение.

²⁹ *Упендра* (*upendra*) – Младший Индра, эпитет Вишну.

³⁰ *Шарва* (*śarva*) – букв. «вооруженный стрелами», эпитет Шивы.

³¹ *Инду* (*indu*) – бог Луны.

³² *Арка* (*arka*) – бог Солнца.

³³ *Анила* (*anila*) – бог Ветра.

³⁴ *Васу* (*vasu*) – букв. «добрый», «богатство»; m.pl. – группа из восьми полубогов, подвластных Индре.

³⁵ *Дающий богатство* (*dhanada*) – имеется в виду Кубера.

райская обитель Индры и подобные, первейшие сады богов обретаются людьми с помощью дхармы.

10. В верхних мирах люди с помощью добродетели получают разукрашенные колесницы, прекрасных *апсар*³⁶.

11. Добродетельные всегда [получают] в награду сверкающие тела, царство, царский почет, добиваются исполнения желаний.

12–14. Известно, что плодом добродетели [являются] наивысшие посвящения. Скипетры, украшенные золотом и *вай-дурьей*³⁷, сверкающие подобно солнцу, опахала из хвостов яка получают те, кто поступают благородно. О надзирающий за богами! [Имея лик], похожий на полную луну, в блистающих одеждах, украшенный драгоценностями, с зонтом (от солнца) шествует человек, если он поступал добродетельно. [Его сопровождают] разнообразные победные звуки, [выдуваемых из] раковин, пение сказителей и певцов.

15. Плодом добродетельного поведения [являются] трон, золотой сосуд (для коронации царя), наилучшая пища и питье, пение и слуги, венки, умашения.

16. Плодом добродетельного поведения [являются] превосходные одежды с драгоценностями, красивая внешность, благородство, наличие хороших качеств и пленительные женщины.

17. Благородно поступающий [получает] покои на верхнем этаже дворца, с золотыми колокольчиками, опахалами, венками, (одеваемыми на голову).

18–20. О бог! Благодаря добродетельному поведению человек [получает возможность] ехать на быстро скачущих [конях]. Он [практикует различные] способы [достижения религиозных заслуг, такие как] жертвоприношение, подвижничество, пожертвования, умиротворение, терпимость,

³⁶ *Апсары* (*apsaras* f. pl.) – полубогини, в индуизме – небесные танцовщицы, отличающиеся необычной красотой, носящие богатые одежды и украшения.

³⁷ *Вайдурья* (*vaidurya*) – ляпис-лазурь, кошачий глаз.

брахмачарья, правдивость, прекрасная смерть в *тиртхе*³⁸, изучение [вед], служение, житие вместе с подвижниками, восхваление богов, почтение к гуру и почитание брахманов, победа над чувствами, брахмачарья, отсутствие себялюбия.

21. Поэтому мудрый всегда должен регулярно соблюдать дхарму. Смерть не ждет, исполнена [дхарма] или не исполнена.

22. О бог! Дхарму следует соблюдать постоянно с детства, пока жив. Кто знает, когда придет смерть?

23. Известно, что в этом мире рано или поздно наступает смерть. О наилучший из богов! Удивительно, что [люди] живут так, как будто они бессмертны!

24. Ребенка ждет юность, юношу – старость. Но что ждет старика, идущего в объятья смерти?

25. Тот, кто здесь чувствует себя защищенным, [знает ли], каким путем [поведет] его смерть? Живые существа боятся смерти. Нигде нет отсутствия страха. Однако святые не боятся [смерти, так как] всегда поступали правильно».

Яма сказал:

26. «О большеглазая! Я доволен твоими словами, соединенными с дхармой. Скорее выбери [любой] дар, кроме жизни Сатьявана!»

Савитри сказала:

27. «Я выбираю такой дар от тебя: сто сыновей, рожденных в законном браке. Неизвестно, какова судьба у бездетного в [иных] мирах».

³⁸ *Тиртха* (*tīrtha*) – священное место паломничества.

Яма сказал:

28. «Желание исполнено. Возвращайся, о благая! Свершится все, что ты просила. Вот что я тебе сейчас скажу. Меня [твое поведение] задерживает, а ты устанешь».

**Это двести двенадцатая глава великой
«Матсья-пураны», [посвященная] сказанию о Савитри,
под названием «Выполнение третьего желания».**

Глава 213

Савитри сказала:

1. «О знающий предписания, касающиеся дхармы и отсутствия дхармы! О приводящий в движения всю дхарму! Ты повелитель [всего] мира, Яма, обуздывающий людей³⁹!
2. Ты, о бог, зовешься именем Яма, так как ты обуздываешь людей в соответствие с их поведением.
3. О владыка! Так как с помощью дхармы ты побуждаешь [действовать] все живое, святые тебя назвали Царем дхармы.
4. Ты зовешься Смертью (Мритью), так как люди, умерев, уходят в твоём сопровождении независимо от того, как они поступали, хорошо, или плохо, или двояко.
5. Ты являешься тем, кто считает время [жизни] всех [живых существ], и мгновения, и части мгновений. Поэтому познавшие истину дали тебе имя *Кала*⁴⁰.
6. Так как ты, великий, кончаешь [жизнь] всех живых существ, все боги тебя называют *Антака*⁴¹.
7. Известно, что ты Вивасвана первый сын. Поэтому во всех мирах тебя называют именем Вайвасвата.
8. Поскольку ты, когда жизнь и карма подходят к концу, с силой схватываешь человека, во [всем] мире ты зовешься *Сарвапранихара*⁴².

³⁹ *Обуздывающий людей* (*prajāsaṁyamana*) – здесь обыгрывается созвучие слова *saṁyamana* («обуздывающий») с именем царя мира мертвых Ямы (*yama*). Это и объясняется в следующей шлоке, где происхождение имени Яма связывается с глаг. *yam* – «держат в узде», «обуздывать», «принуждать».

⁴⁰ *Кала* (*kāla*) – время.

⁴¹ *Антака* (*antaka*) – «Уничтожающий».

⁴² *Сарвапранихара* (*sarvaprāṇihara*) – букв. «Уводящий, или уничтожающий всех живых существ».

9. О владыка богов! По твоей милости не происходит смешения каст, тебя, о бог, прославляют [как удерживающего] на постоянном пути праведных.

10. О владыка мира! Ты защитник границ этого мира. О наилучший среди тридцати богов! Защити меня, несчастную, пришедшую под твою защиту, а также несчастных родителей царевича!»

Яма сказал:

11. «Знающая дхарму! Так как я доволен [твоими] прославлениями и преданностью, твой муж Сатьяван освобожден. Это желание исполнено. О слабая, возвращайся!

12. Получив царство, вместе с тобой он [будет править] *восемьдесят пять лет*⁴³. Затем попадет на небеса и будет наслаждаться [жизнью в компании] тридцати богов.

13. От Сатьявана у тебя родится сотня сыновей, и они также все будут царями, кшатриями, подобными тридцати богам.

14. Они вечно будут передавать сыновьям твое имя. У твоих отца и матери также будет сто сыновей.

15. Сыновья и внуки, *происходящие от Малави*⁴⁴, вечно будут называться *малавами*⁴⁵. Твои братья станут кшатриями, подобными тридцати богам.

16. О знающая дхарму! Кто, выполняя обряд восхваления, будет [так, как ты] прославлять меня, у того будет долгая жизнь!»

⁴³ ...*восемьдесят пять лет* (*vatsarāṣṭīpañcakam*) – в переводе (The Matsyamahāpurāṇam. Text in Devanagari. Translation and Notes in English. Pt.2, Delhi, 1983. С. 966) и других вариантах санскритского текста – «пять-сот лет» (*varṣāṇām śatapañcakam*).

⁴⁴ ... *происходящие от Малави* – в тексте: *mālavayām*.

⁴⁵ *Малавы* – см. прим. к Мбх III.281.58.

17. Так сказав, благодатный Яма отпустил царевича, обладающего величием. Затем Яма стал невидимым *вместе с Калой и Мритью*⁴⁶.

**Это двести тринадцатая глава великой
«Матсья-пураны», [посвященная] сказанию о Савитри,
под названием «Обретение жизни Сатьявана».**

⁴⁶ ...*вместе с Калой и Мритью* – в тексте: *kālena sārddham saha mṛtyunā sa*. Здесь, так же как в МП 210.4–7, именами Кала (Время) и Мритью (Смерть) называются божества, слуги Ямы, а не он сам, как мы это видели ранее в объяснении его имен (МП 213.4–5).

Глава 214

Матсья сказал:

1. «После этого добродетельная Савитри, имеющая красивый цвет [кожи], вернулась туда, откуда ушла и где был мертвый Сатъяван.
2. Она, тонкостанная, села рядом с мужем, положив его голову на колени. [Это происходило] во время захода солнца.
3. О лучший из людей! Сатъяван же, отпущенный Царем дхармы, медленно-медленно открыл глаза и задрожал.
4. После, когда [к нему] вернулась жизнь, он сказал возлюбленной такие слова: “Куда ушел тот человек, который уносил меня прочь?
5. Красавица! Я не знаю, о прекраснобедрая, кем был этот человек. О та, у которой все члены тела прелестны! Пока я спал в этом лесу, день прошел.
6. Ты устала от поста, измучилась из-за меня. И также сегодня из-за нас измучились родители, [чувствуя] сердцем дурное. Я хочу [их] видеть! О имеющая красивые брови! Пойдем скорее!”»

Савитри сказала:

7. «На заходе солнца, если хочешь, владыка, мы вернемся в ашраму, где слепой свекор и свекровь.
8. В ашраме я расскажу, а ты узнаешь о том, что произошло». Так она сказала и вместе с мужем отправилась в путь.
9. Когда она вместе с мужем достигла ашрамы, в тот же миг к старцу вернулось зрение.
10. Дьюматсена и его жена были очень опечалены, не видя любимого сына, а также сноху, ослабшую [после поста].

11. В то время, когда царя утешали аскеты, он увидел выходящего из леса сына вместе со снохой.
12. Прекраснобедрая Савитри вместе с Сатъяваном приветствовала царя, наилучшего из кшатриев, и его жену.
13. Сатъяван поздоровался с отцом, а тот его обнял. Затем [царевич] поприветствовал всех находящихся в том лесу аскетов.
- 14–16. Знаток всей дхармы провел ту ночь вместе с подвижниками. О владыка мира! Савитри же, безукоризненно исполняющая обеты, в эту ночь завершила свой пост. Когда ночь подошла к концу, весь народ вместе с армией царя пришли, чтобы пригласить его на царство, и сообщили первостепенную весть:
17. «Убит министрами царь, который захватил в прежние времена царство, когда господин ослеп. Стань царем в этом городе!»
18. Выслушав это, царь, великий духом и владыка дхармы, отправился вместе с четырехчленной армией и стал править всем царством.
- 19–20. У Савитри, имеющей прекрасные члены тела, появилось сто братьев. Так добродетельная, праведная царская дочь, имеющая красивые бедра, возвысила род отца, а также и род мужа. Она спасла мужа, попавшего в путы смерти.
21. Поэтому люди всегда почитают добродетельных женщин, подобно богам. О царь! Они праведностью держат три мира!
22. [Пока] здесь существуют молва о них, ложь не появится в мирах живого и неживого. Поэтому те, кто хочет, чтобы все их желания были исполнены, всегда должны почитать этих [женщин]!

**Это двести четырнадцатая глава великой
«Матсья-пураны», [посвященная] сказанию о Савитри,
под названием «Заключительная».**

ЛИТЕРАТУРА

- Алиханова Ю.М.* Образ ашрамы в древнеиндийской литературной традиции // Петербургский рериховский сборник. V. СПб., 2002. С. 84–128.
- Васильков Я.В.* Миф, ритуал и история в «Махабхарате». СПб., 2010.
- Васильков Я.В., Невелева С.Л.* Ранняя история эпического сравнения (на материале VIII книги «Махабхараты») // Проблемы исторической поэтики литератур Востока. М., 1988. С. 152–175.
- Вишну-смрити. Перевод с санскрита, предисловие, комментарий и приложения *Н.А. Корнеевой*. М., 2007.
- Две поэмы из III книги (Сказание о Нале. Супружеская верность). Перевод с санскрита, введение и примечания д. чл. АН СССР *Б.Л. Смирнова*. Ашхабад, 1955.
- Две поэмы из III книги. Сказание о Нале. Супружеская верность. Перевод с санскрита, введение и примечания академика АН СССР *Смирнова Б.Л.*, Ашхабад, 1959.
- Корнеева Н.А.* Прием почетного гостя-атитхи в традиции санскритских ритуальных текстов // Индия – Тибет: текст и феномены культуры: Рериховские чтения 2006–2010 в Институте востоковедения РАН. Сост. и отв. ред. В.В. Вертоградова. М., 2012.
- Кочергина В.А.* Первоначальный курс санскрита. М., 1956.
- Леви-Брюль Л.* Первобытное мышление. М., 1930.
- Лотман Ю.М., Успенский Б.А.* Миф-имя-культура // Труды по знаковым системам VI. (Ученые записки ТГУ. Вып. 308). Тарту, 1973.
- Невелева С.Л.* Мифология древнеиндийского эпоса (пантеон). М., 1975.
- Невелева С.Л.* О композиции древнеиндийского эпического текста в связи с архаическими обрядовыми представлениями // Архаический ритуал в фольклорных и раннелитературных памятниках. М., 1988. С. 128–160.

- Невелева С.Л.* Махабхарата. Изучение древнеиндийского эпоса. М., 1991.
- Невелева С.Л.* Мудрец-сказитель в «Махабхарате» (к проблеме эпического текстосложения) // *Colloquia classica et indogermanica* – IV. Отв. ред. Н.Н. Казанский. СПб. (Acta linguistica Petropolitana. Труды ИЛИ РАН. Т. IV. Ч. 1), 2008. С. 277–294.
- Невелева С.Л.* Махабхарата: художественный язык древнеиндийского эпоса. Исследование. СПб., 2010.
- Невелева С.Л.* Древнеиндийская эпическая метафора (по данным «Махабхараты») // Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН: http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-88431-233-3/.
- Повесть о Савитри // Махабхарата. Книга третья. Лесная (Араньяка-парва). Пер. с санскрита, предисловие и комментарий *Я.В. Василькова* и *С.Л. Невелевой*. М., 1987. С. 554–571.
- Повесть о Савитри. Перевод *Н.В. Лобановой*, примечания *С.Л. Невелевой*, публикация *В.К. Афанасьевой* и *Я.В. Василькова* // Петербургское востоковедение. Вып. 9, СПб., 1997. С. 90–114.
- Пропф В.Я.* Исторические корни волшебной сказки. Л., 1946.
- Ригведа. Мандалы I–IV. М., 1989.
- Ригведа. Мандалы IX–X. М., 1999.
- Романов В.Н.* «Что значит “говорить сатью”» // Шатапатха-брахмана. Книга I. Книга X (фрагмент). М., 2009. С. 17–37.
- Руководство к изучению санскрита, составленное проф. московск. университета *В.О. Миллером*, проф. киевск. университета *О.И. Кнауэром*. СПб., 1891 // Санскрит. СПб., 1999. С. 22–307.
- Сказание о Савитри – о жене преданной и любящей. [Перевод *С. Липкина*] // Махабхарата. Рамаяна. Перевод с санскрита: Библиотека всемирной литературы. Т. 2, М., 1974. С. 66–90.
- Сказание о Савитрии (Из «Махабхараты»). Пер. с санскр. *П. Петрова* // Москвитянин. 1841. Ч. 6, № 12. С. 337–352.
- Топоров В.Н.* О древнеиндийской заговорной традиции // Исследования по этимологии и семантике. Т. 2 (книга 2). М., 2006.
- Топоров В.Н.* Санскрит и его уроки // Древняя Индия. Язык. Культура. Текст. М., 1985. С. 5–39.

Тюлина Е. В. Гаруда-пурана. Человек и мир. М., 2000.

Garuḍapurāṇam. Calcutta: «Sarasvatī Press», 1890.

Gonda J. The Ritual Function and Significance of Grasses in the Religion of the Veda. N.Y., 1985.

Dange S.A. Legends in the Mahabharata. Delhi, 1969. P. 226–228.

Dange S.A. Savitri and the Banyan // Dange S.A. Glimpses of Puranic Myth and Culture. Delhi, 1987. P. 60–62.

Katz R. C. Arjuna in the Mahābhārata: Where Krishna Is, There Is Victory. University of South Carolina Press. Columbia, 1989.

The Mahābhārata, the great epic of India, for the first time critically edited by Vishnu S. Sukthankar. Vol. III–IV. The Aranyakaparvan (Pt. 1–2). Poona, Bhandarkar Oriental Research Institute, 1942.

The Matsyamahāpurāṇam. Text in Devanagari. Translation and Notes in English. Pt.2, Delhi, 1983.

Rocher L. The Purāṇas. Wiesbaden, 1986 (A History of Indian Literature. Ed. by J. Gonda. Vol. 2. Epics and Sanskrit Religious Literature. Fasc. 3).

Vassilkov Ya. The Mahabharata's Typological Definition Reconsidered // Indo-Iranian Journal. Vol. 38, № 3, July 1995. P. 249–256.

Hopkins E. W. Religions of India. Boston, 1895.

Wayman A. Studies in Iama and Mara // Indo-Iranian Journal. Vol. 3, № 2, June 1959. P. 112–131.

Указатели

Термины и реалии

- апсары (*apsaras* f. pl.) 114.
аргхья (*arghya*) 67.
артха (*artha*) 113.
Атман (*ātman*) 41, 111.
ашока (*aśoka*) 103.
ашрама (*āśrama*) 44–46, 49–50, 52, 66–69, 79, 88, 90–91, 98, 111, 120.
бадари (*badarī*) 105.
Брахмалока (*brahmaloka*) 41, 108.
брахмачарья (*brahmacarya*) 40, 111, 115.
брахман (*brahman*) 33, 41–42, 55, 58, 60–61, 91–92, 94, 115.
бхараты (*bhārata* m. pl.) 57, 71.
вайдурья (*vaidurya*) 114.
вайшья (*vaiśya*) 58.
веданги (*vedāṅga* n. pl.) 92.
веды (*veda* m. pl.) 33, 40, 58, 92, 112, 115.
вода для ачаманы (*ācamanīya*) 67.
гархапатья (*gārhapatya*) 112.
гуру (*guru*) 41, 58, 108, 110–112, 115.
дваждырожденные, двурожденные (*dvijāti, dvija* m. pl.) 58–59, 66, 68, 71, 94, 98, 101–102.
дакшина (*dakṣiṇa*), дакшината (*dakṣiṇata*) 112.
джагати (*jagatī*) 27, 67, 78, 81–82, 84, 86.
дхарма (*dharma*) 13, 24, 26–28, 30–32, 38–42, 55–57, 64, 67, 76–85, 89, 96, 100, 102, 107–109, 111, 113–115, 117–118, 120–121.
дхармашастры (*dharmaśāstra* n. pl.) 58.
кама (*kāma*) 113.
Камьяка (*kāmyaka*) 6, 44, 99.

- карникара (*karnikāra*) 103.
кинкары (*kin̄kara* m. pl.) 77.
киншука (*kin̄śuka*) 103.
кокила (*kokila*, *puṁskokila*) 103–104.
кшатрий (*kṣatriya*) 58, 85, 118, 121.
куша (*kuṣa*) 50, 66, 91.
локапала (*lokapāla*) 63.
Мадрадеша (*madradeśa*) 54.
мадры (*madra* m. pl.) 54–55, 60, 98, 101.
Мадхьялока (*madhyaloka*) 108.
мадхупарка (*madhuparka*) 67.
малавы (*mālava* m. pl.) 57, 85, 101, 118.
муни (*muni*) 53.
муста (*musta*) 105.
пурохита (*purohita*) 66, 98.
раджа (*rājan*) 54–55, 57, 60, 66–67, 98–99.
риши (*ṛṣi*) 60, 92–93, 95, 96–97.
Савитри (*sāvitṛī*), мантра 5, 17–18, 34, 54.
сахакара (*sahakāra*) 104.
сиддхартхака (*siddhārthaka*) 55, 101.
тапас (*tapas*) 18–20, 46, 66, 111.
триштубх (*triṣṭubh*) 27, 78, 83.
упанаяна (*upanayana*) 17, 58.
шала (*śāla*), дерево 66.
шальвы (*śālva*) 61, 97.
шлока (*śloka*) 8–11, 13, 27, 39, 41, 51, 77, 108, 117.

Имена

Агни (*agni*) 62, 71, 92, 113.

Анила (*anila*) 113.

Антака (*antaka*), одно из имен Ямы 39, 117; см. также Вайвасвата, Кала, Мритью, Сарвапранихара, Царь дхармы, Яма.

Арджуна (*arjuna*) 6.

Арка (*arka*) 113.

Ашвапати (*aśvapati*) 16, 19, 45–46, 54–55, 57, 60, 62–63, 67–68, 98, 101; см. также Шакала.

Ашвины (*aśvin* m. du.) 63, 113.

Брахма (*brahman*) 41, 56, 108, 110, 111 113.

Брихаспати (*br̥haspati*) 62, 93.

Бхарадваджа (*bharadvāja*) 93.

Бхарата (*bhārata*) 57, 60, 62, 69.

Бхима (*bhima*) 6.

Вайвасвата (*vaivasvata*), одно из имен Ямы 30, 39, 82, 117; см. также Антака, Кала, Мритью, Сарвапранихара, Царь дхармы, Яма.

Вайшампаяна (*vaiśampāyaṇa*) 99.

Васу (*vasu*) 63, 113.

Вивасван (*vivasvant*) 30, 36, 62, 82, 100, 117.

Гаутама (*gautama*) 92, 95.

Далбхья (*dālbhya*) 93.

Джаядратха (*jayadratha*) 7, 53.

Драупади (*draupadī*) 6–7, 44, 53, 98.

Друпада (*drupada*) 53.

Дхаумья (*dhaumya*) 93.

Дьюматсена (*dyumasena*) 16, 20, 24–26, 45, 50, 61, 63, 66–68, 70–71, 73, 79–80, 91, 94–95, 97–98, 102, 120.

Индра (*indra*) 62, 113–14.

Инду (*indu*) 113.

Кала (*kāla*), божество 107, 119.

Кала (*kāla*), одно из имен Ямы 39, 107, 117; см. также Антака, Вайвасвата, Мритью, Сарвапранихара, Царь дхармы, Яма.

- Кама (*kama*) 103.
- Кришна (*kṛṣṇā*) 53.
- Куравы (*kaurava* m. pl.) 6.
- Кубера (*kubera*) 113.
- Кунти (*kuntī*) 6, 94.
- Мадри (*mādrī*) 6.
- Малави (*mālavī*) 57, 85, 98, 101, 118.
- Малати (*mālatī*) 101.
- Мандавья (*māṇḍavya*) 93.
- Маркандея (*mārkaṇḍeya*) 6–7, 53–54, 56–57, 59–61, 65–66, 68, 70–73, 75–76, 84, 86, 89–91, 94, 96–99.
- Мритью (*mṛtyu*), божество 107, 119.
- Мритью (*mṛtyu*), одно из имен Ямы 39, 117; см. также Антака, Вайвасвата, Кала, Сарвапранихара, Царь дхармы, Яма.
- Накула (*nakula*) 6.
- Нарада (*nārada*) 23, 60–65, 69–71, 75, 95, 102.
- Пандавы, дети Панду (*pāṇḍava* m. pl.) 6–7, 44, 47, 53, 57, 93, 99.
- Панду (*paṇḍu*) 6–7, 53, 94, 99.
- Партха (*pārtha*) 94; см. также Юдхиштхира.
- Праджапати (*prajāpati*) 41, 111.
- Притха (*prthā*) 94.
- Рантидева (*rantideva*) 62.
- Савитар (*savitar*) 5, 16–17, 19, 54.
- Савитри (*sāvitrī*), богиня 16, 18–19, 54–57, 101.
- Савитри (*sāvitrī*), героиня эпоса 5–7, 16–23, 25–34, 36–46, 49–52, 57, 60–61, 64, 67–72, 75, 77–91, 92–95, 97–99, 101–102, 106–111, 113, 115, 117–121.
- Сарвапранихара (*sarvaprāṇihara*), одно из имен Ямы 39, 117; см. также Антака, Вайвасвата, Кала, Мритью, Царь дхармы, Яма.
- Сатьяван (*satyavanti*) 16, 17–18, 20, 22–28, 30–31, 34–35, 37–38, 43–44, 46, 49–52, 61–64, 68, 70, 72–74, 76–77, 79, 81, 84–87, 89–95, 102–103, 109, 111, 115, 118, 119–121; см. также Читрашва.
- Сахадева (*sahadeva*) 6.
- Сома (*soma*) 24, 64.

- Суварчас (*suvarcas*) 92.
Сурья (*sūrya*) 24, 62–63.
Упендра (*upendra*) 113.
Ушинара (*uśtīnara*) 62.
Царь дхармы (*dharmarāja*), одно из имен Ямы 28, 30, 39, 82, 84, 100, 107, 109, 120; см. также Антака, Вайвасвата, Кала, Мритью, Сарвапранихара, Яма.
Читрашва (*citrāśva*) 23, 61; см. также Сатьяван.
Шайбья (*śaibya*) 91, 94, 98.
Шакала (*śākala*) 54, 101; см. также Ашвапати.
Шарва (*śarva*) 113.
Шиби (*śibi*) 62, 91.
Шри (*śrī*) 21, 57.
Юдхиштхира (*udhiṣṭhira*) 7, 53–54, 60, 91, 94, 99; см. также Партха.
Яйати (*yayāti*) 63.
Яма (*yama*) 16, 18–20, 26–32, 34–36, 38–41, 43, 46, 48, 50, 75–86, 90, 96, 100, 107–109, 111, 113, 115–119; см. также Антака, Вайвасвата, Кала, Мритью, Сарвапранихара, Царь дхармы.

Список сокращений

Мбх – «Махабхарата»

ГП – «Гаруда-пурана»

МП – «Матсья-пурана»

РВ – «Ригведа»

Приложение

МАХАБХАРАТА
АРАНЬЯКАПАРВА

СКАЗАНИЕ О САВИТРИ

Текст на санскрите

आरण्यकपर्व ।

सावत्रियुपाख्यानम् ।

२७७

युधिष्ठिर उवाच ।

नात्मानमनुशोचामि नेमान्भ्रातृन्महामुने ।
हरणं चापि राज्यस्य यथेमां द्रुपदात्मजाम् ॥ १ ॥
द्यूते दुरात्मभिः क्लिष्टाः कृष्णया तारिता वयम् ।
जयद्रथेन च पुनर्वनादपहृता बलात् ॥ २ ॥
अस्ति सीमन्तिनी काचिद्दृष्टपूर्वार्थं वा श्रुता ।
पतिव्रता महाभागा यथेयं द्रुपदात्मजा ॥ ३ ॥

मार्कण्डेय उवाच ।

शृणु राजन्कुलस्त्रीणां महाभाग्यं युधिष्ठिर ।
सर्वमेतद्यथा प्राप्तं सावित्र्या राजकन्यया ॥ ४ ॥
आसीन्मद्रेषु धर्मात्मा राजा परमधार्मिकः ।
ब्रह्मण्यश्च शरण्यश्च सत्यसंधो जितेन्द्रियः ॥ ५ ॥
यज्वा दानपतिर्दक्षः पौरजानपदप्रियः ।
पार्थिवो ऽश्वपतिर्नाम सर्वभूतहिते रतः ॥ ६ ॥
क्षमावाननपत्यश्च सत्यवाग्विजितेन्द्रियः ।

अतिक्रान्तेन वयसा संतापमुपजग्मिवान् ॥ ७ ॥
 अपत्योत्पादनार्थं स तीव्रं नियममास्थितः ।
 काले परिमिताहारो ब्रह्मचारी जितेन्द्रियः ॥ ८ ॥
 हुत्वा शतसहस्रं स सावित्र्या राजसत्तमः ।
 षष्ठे षष्ठे तदा काले बभूव मितभोजनः ॥ ९ ॥
 एतेन नियमेनासीद्वर्षाण्यष्टादशैव तु ।
 पूर्णे त्वष्टादशे वर्षे सावित्री तुष्टिमभ्यगात् ।
 स्वरूपिणी तदा राजन्दर्शयामास तं नृपम् ॥ १० ॥
 अग्निहोत्रात्समुत्थाय हर्षेण महतान्विता ।
 उवाच चैनं वरदा वचनं पार्थिवं तदा ॥ ११ ॥
 ब्रह्मचर्येण शुद्धेन दमेन नियमेन च ।
 सर्वात्मना च मद्भक्त्या तुष्टास्मि तव पार्थिव ॥ १२ ॥
 वरं वृणीष्वश्वपते मद्राज यथेप्सितम् ।
 न प्रमादश्च धर्मेषु कर्तव्यस्ते कथंचन ॥ १३ ॥
 अश्वपतिरुवाच ।
 अपत्यार्थः समारम्भः कृतो धर्मेप्सया मया ।
 पुत्रा मे बहवो देवि भवेयुः कुलभावनाः ॥ १४ ॥
 तुष्टासि यदि मे देवि काममेतं वृणोम्यहम् ।
 संतानं हि परो धर्म इत्याहुर्मां द्विजातयः ॥ १५ ॥
 सावित्र्युवाच ।
 पूर्वमेव मया राजन्नभिप्रायमिमं तव ।
 ज्ञात्वा पुत्रार्थमुक्तो वै तव हेतोः पितामहः ॥ १६ ॥
 प्रसादाच्चैव तस्मात्ते स्वयंभुविहिताद्भुवि ।
 कन्या तेजस्विनी सौम्य क्षिप्रमेव भविष्यति ॥ १७ ॥

उत्तरं च न ते किञ्चिद्वाहर्तव्यं कथंचन ।
 पितामहानिसर्गेण तुष्टा ह्येतद्वीमि ते ॥ १८ ॥
 मार्कण्डेय उवाच ।
 स तथेति प्रतिज्ञाय सावित्र्या वचनं नृपः ।
 प्रसादयामास पुनः क्षिप्रमेवं भवेदिति ॥ १९ ॥
 अन्तर्हितायां सावित्र्यां जगाम स्वगृहं नृपः ।
 स्वराज्ये चावसत्प्रीतः प्रजा धर्मेण पालयन् ॥ २० ॥
 कस्मिंश्चित्तु गते काले स राजा नियतव्रतः ।
 ज्येष्ठायां धर्मचारिण्यां महिष्यां गर्भमादधे ॥ २१ ॥
 राजपुत्र्यां तु गर्भः स मालव्यां भरतर्षभ ।
 व्यवर्धत यथा शुक्ले तारापतिरिवाम्बरे ॥ २२ ॥
 प्राप्ते काले तु सुषुवे कन्यां राजीवलोचनाम् ।
 क्रियाश्च तस्या मुदितश्चक्रे स नृपतिस्तदा ॥ २३ ॥
 सावित्र्या प्रीतया दत्ता सावित्र्या हुतया ह्यपि ।
 सावित्रीत्येव नामास्याश्चक्रुर्विप्रास्तथा पिता ॥ २४ ॥
 सा विग्रहवतीव श्रीर्व्यवर्धत नृपात्मजा ।
 कालेन चापि सा कन्या यौवनस्था बभूव ह ॥ २५ ॥
 तां सुमध्यां पृथुश्रोणीं प्रतिमां काञ्चनीमिव ।
 प्राप्तेयं देवकन्येति दृष्ट्वा संमेनिरे जनाः ॥ २६ ॥
 तां तु पद्मपलाशाक्षीं ज्वलन्तीमिव तेजसा ।
 न कश्चिद्वरयामास तेजसा प्रतिवारितः ॥ २७ ॥
 अथोपोष्य शिरःस्नाता दैवतान्यभिगम्य सा ।
 हुत्वाग्निं विधिवद्विप्रान्वाचयामास पर्वणि ॥ २८ ॥
 ततः सुमनसः शेषाः प्रतिगृह्य महात्मनः ।

पितुः सकाशमगमद्देवी श्रीरिव रूपिणी ॥ २९ ॥
साभिवाद्य पितुः पादौ शेषाः पूर्वं निवेद्य च ।
कृताञ्जलिर्वरारोहा नृपतेः पार्श्वतः स्थिता ॥ ३० ॥
यौवनस्थां तु तां दृष्ट्वा स्वां सुतां देवरूपिणीम् ।
अयाच्यमानां च वरैर्नृपतिर्दुःखितो ऽभवत् ॥ ३१ ॥

राजोवाच ।

पुत्रि प्रदानकालस्ते न च कश्चिद्वृणोति माम् ।
स्वयमन्विच्छ भर्तारं गुणैः सदृशमात्मनः ॥ ३२ ॥
प्रार्थितः पुरुषो यश्च स निवेद्यस्त्वया मम ।
विमृश्याहं प्रदास्यामि वरय त्वं यथेप्सितम् ॥ ३३ ॥
श्रुतं हि धर्मशास्त्रे मे पठ्यमानं द्विजातिभिः ।
तथा त्वमपि कल्याणि गदतो मे वचः शृणु ॥ ३४ ॥
अप्रदाता पिता वाच्यो वाच्यश्चानुपयन्पतिः ।
मृते भर्तारि पुत्रश्च वाच्यो मातुररक्षिता ॥ ३५ ॥
इदं मे वचनं श्रुत्वा भर्तुरन्वेषणे त्वर ।
देवतानां यथा वाच्यो न भवेयं तथा कुरु ॥ ३६ ॥

मार्कण्डेय उवाच ।

एवमुक्त्वा दुहितरं तथा वृद्धांश्च मन्त्रिणः ।
व्यादिदेशानुयात्रं च गम्यतामित्यचोदयत् ॥ ३७ ॥
साभिवाद्य पितुः पादौ व्रीडितेव मनस्विनी ।
पितुर्वचनमाज्ञाय निर्जगामाविचारितम् ॥ ३८ ॥
सा हैमं रथमास्थाय स्थविरैः सचिवैर्वृता ।
तपोवनानि रम्याणि राजर्षीणां जगाम ह ॥ ३९ ॥
मान्यानां तत्र वृद्धानां कृत्वा पादाभिवन्दनम् ।

वनानि क्रमशस्तात सर्वाण्येवाभ्यगच्छत ॥ ४० ॥
एवं सर्वेषु तीर्थेषु धनोत्सर्गं नृपात्मजा ।
कुर्वती द्विजमुख्यानां तं तं देशं जगाम ह ॥ ४१ ॥

इति श्रीमहाभारते आरण्यकपर्वणि सप्तसप्तत्यधिकद्विशततमो
ऽध्यायः ॥ २७७ ॥

२७८

मार्कण्डेय उवाच ।
अथ मद्राधिपो राजा नारदेन समागतः ।
उपविष्टः सभामध्ये कथायोगेन भारत ॥ १ ॥
ततो ऽभिगम्य तीर्थानि सर्वाण्येवाश्रमांस्तथा ।
आजगाम पितुर्वेश्म सावित्री सह मन्त्रिभिः ॥ २ ॥
नारदेन सहासीनं दृष्ट्वा सा पितरं शुभा ।
उभयोरेव शिरसा चक्रे पादाभिवन्दनम् ॥ ३ ॥

नारद उवाच ।
क्व गताभूत्सुतेयं ते कुतश्चैवागता नृप ।
किमर्थं युवतीं भर्त्रे न चैनां संप्रयच्छसि ॥ ४ ॥
अश्वपतिरुवाच ।
कार्येण खल्वनेनैव प्रेषिताद्यैव चागता ।
तदस्याः शृणु देवर्षे भर्तारं यो ऽनया वृतः ॥ ५ ॥
मार्कण्डेय उवाच ।
सा ब्रूहि विस्तरेणेति पित्रा संचोदिता शुभा ।

दैवतस्येव वचनं प्रतिगृह्येदमब्रवीत् ॥ ६ ॥
 आसीच्छाल्वेषु धर्मात्मा क्षत्रियः पृथिवीपतिः ।
 द्युमत्सेन इति ख्यातः पश्चादन्धो बभूव ह ॥ ७ ॥
 विनष्टचक्षुषस्तस्य बालपुत्रस्य धीमतः ।
 सामीप्येन हृतं राज्यं छिद्रे ऽस्मिन्पूर्ववैरिणा ॥ ८ ॥
 स बालवत्सया सार्धं भार्यया प्रस्थितो वनम् ।
 महारण्यगतश्चापि तपस्तेपे महाव्रतः ॥ ९ ॥
 तस्य पुत्रः पुरे जातः संवृद्धश्च तपोवने ।
 सत्यवाननुरूपो मे भर्तेति मनसा वृतः ॥ १० ॥

नारद उवाच ।

अहो बत महत्पापं सावित्र्या नृपते कृतम् ।
 अजानन्त्या यदनया गुणवान्सत्यवान्वृतः ॥ ११ ॥
 सत्यं वदत्यस्य पिता सत्यं माता प्रभाषते ।
 ततो ऽस्य ब्राह्मणाश्चकुनमैतत्सत्यवानिति ॥ १२ ॥
 बालस्याश्वाः प्रियाश्चास्य करोत्यश्वांश्च मृन्मयान् ।
 चित्रे ऽपि च लिखत्यश्वांश्चित्राश्च इति चोच्यते ॥ १३ ॥

राजोवाच ।

अपीदानीं स तेजस्वी बुद्धिमान्वा नृपात्मजः ।
 क्षमावानपि वा शूरः सत्यवान्पितृनन्दनः ॥ १४ ॥

नारद उवाच ।

विवस्वानिव तेजस्वी बृहस्पतिसमो मतौ ।
 महेन्द्र इव शूरश्च वसुधेव क्षमान्वितः ॥ १५ ॥

अश्वपतिरुवाच ।

अपि राजात्मजो दाता ब्रह्मण्यो वापि सत्यवान् ।

रूपवानप्युदारो वाप्यथ वा प्रियदर्शनः ॥ १६ ॥

नारद उवाच ।

साङ्कृते रन्तिदेवस्य स शक्त्या दानतः समः ।

ब्रह्मण्यः सत्यवादी च शिबिरौशीनरो यथा ॥ १७ ॥

ययातिरिव चोदारः सोमवत्प्रियदर्शनः ।

रूपेणान्यतमो ऽश्विभ्यां द्युमत्सेनसुतो बली ॥ १८ ॥

स दान्तः स मृदुः शूरः स सत्यः स जितेन्द्रियः ।

स मैत्रः सो ऽनसूयश्च स ह्रीमान्धृतिमांश्च सः ॥ १९ ॥

नित्यशश्चार्जवं तस्मिन्स्थितिस्तस्यैव च ध्रुवा ।

संक्षेपतस्तपोवृद्धैः शीलवृद्धैश्च कथ्यते ॥ २० ॥

अश्वपतिरुवाच ।

गुणैरुपेतं सर्वैस्तं भगवन्प्रब्रवीषि मे ।

दोषानप्यस्य मे ब्रूहि यदि सन्तीह के चन ॥ २१ ॥

नारद उवाच ।

एको दोषो ऽस्य नान्यो ऽस्ति सो ऽद्य प्रभृति सत्यवान् ।

संवत्सरेण क्षीणायुर्देहन्यासं करिष्यति ॥ २२ ॥

राजोवाच ।

एहि सावित्रि गच्छ त्वमन्यं वरय शोभने ।

तस्य दोषो महानेको गुणानाक्रम्य तिष्ठति ॥ २३ ॥

यथा मे भगवानाह नारदो देवसत्कृतः ।

संवत्सरेण सो ऽल्पायुर्देहन्यासं करिष्यति ॥ २४ ॥

सावित्र्युवाच ।

सकृदंशो निपतति सकृत्कन्या प्रदीयते ।

सकृदाह ददानीति त्रीण्येतानि सकृत्सकृत् ॥ २५ ॥

दीर्घायुरथ वाल्पायुः सगुणो निर्गुणो ऽपि वा ।
सकृद्भूतो मया भर्ता न द्वितीयं वृणोम्यहम् ॥ २६ ॥
मनसा निश्चयं कृत्वा ततो वाचाभिधीयते ।
क्रियते कर्मणा पश्चात्प्रमाणं मे मनस्ततः ॥ २७ ॥

नारद उवाच ।

स्थिरा बुद्धिर्नरश्रेष्ठ सावित्र्या दुहितुस्तव ।
नैषा चालयितुं शक्या धर्मादस्मात्कथंचन ॥ २८ ॥
नान्यस्मिन्पुरुषे सन्ति ये सत्यवति वै गुणाः ।
प्रदानमेव तस्मान्मे रोचते दुहितुस्तव ॥ २९ ॥

राजोवाच ।

अविचार्यमेतदुक्तं हि तथ्यं भगवता वचः ।
करिष्याम्येतदेवं च गुरुर्हि भगवान्मम ॥ ३० ॥

नारद उवाच ।

अविघ्नमस्तु सावित्र्याः प्रदाने दुहितुस्तव ।
साधयिष्यामहे तावत्सर्वेषां भद्रमस्तु वः ॥ ३१ ॥

मार्कण्डेय उवाच ।

एवमुक्त्वा खमुत्पत्य नारदस्त्रिदिवं गतः ।
राजापि दुहितुः सर्वं वैवाहिकमकारयत् ॥ ३२ ॥

इति श्रीमहाभारते आरण्यकपर्वणि अष्टसप्तत्यधिकद्विशततमो
ऽध्यायः ॥ २७८ ॥

मार्कण्डेय उवाच ।

अथ कन्याप्रदाने स तमेवार्थं विचिन्तयन् ।
 समानिन्ये च तत्सर्वं भाण्डं वैवाहिकं नृपः ॥ १ ॥
 ततो वृद्धान्द्विजान्सर्वानृत्विजः सपुरोहितान् ।
 समाहूय तिथौ पुण्ये प्रययौ सह कन्यया ॥ २ ॥
 मेध्यारण्यं स गत्वा च द्युमत्सेनाश्रमं नृपः ।
 पञ्चामेव द्विजैः सार्धं राजर्षिं तमुपागमत् ॥ ३ ॥
 तत्रापश्यन्महाभागं शालवृक्षमुपाश्रितम् ।
 कौश्यां बृस्यां समासीनं चक्षुर्हीनं नृपं तदा ॥ ४ ॥
 स राजा तस्य राजर्षेः कृत्वा पूजां यथार्हतः ।
 वाचा सुनियतो भूत्वा चकारात्मनिवेदनम् ॥ ५ ॥
 तस्यार्घ्यमासनं चैव गां चावेद्य स धर्मावित् ।
 किमागमनमित्येवं राजा राजानमब्रवीत् ॥ ६ ॥
 तस्य सर्वमभिप्रायमितिकर्तव्यतां च ताम् ।
 सत्यवन्तं समुद्दिश्य सर्वमेव न्यवेदयत् ॥ ७ ॥

अश्वपतिरुवाच ।

सावित्री नाम राजर्षे कन्येयं मम शोभना ।
 तां स्वधर्मेण धर्मज्ञं स्नुषार्थं त्वं गृहाण मे ॥ ८ ॥
 द्युमत्सेन उवाच ।

च्युताः स्म राज्याद्वनवासमाश्रिताश्चराम धर्मं नियतास्तपस्विनः ।
 कथं त्वनर्हा वनवासमाश्रमे सहिष्यते क्लेशमिमं सुता तव ॥ ९ ॥

अश्वपतिरुवाच ।

सुखं च दुःखं च भवाभवात्मकं यदा विजानाति सुताहमेव च ।
न मद्विधे युज्यति वाक्यमीदृशं विनिश्चयेनाभिगतो ऽस्मि ते नृप ॥ १० ॥
आशां नार्हसि मे हन्तुं सौहृदादस्वेप्रणयेन च ।
अभितश्चागतं प्रेम्णा प्रत्याख्यातुं न मार्हसि ॥ ११ ॥
अनुरूपो हि संयोगे त्वं ममाहं तवापि च ।
स्रुषां प्रतीच्छ मे कन्यां भार्या सत्यवतः सुताम् ॥ १२ ॥

द्युमत्सेन उवाच ।

पूर्वमेवाभिलषितः संबन्धो मे त्वया सह ।
भ्रष्टराज्यस्त्वहमिति तत एतद्विचारितम् ॥ १३ ॥
अभिप्रायस्त्वयं यो मे पूर्वमेवाभिकाङ्क्षितः ।
स निर्वर्ततु मे ऽद्यैव काङ्क्षितो ह्यसि मे ऽतिथिः ॥ १४ ॥

मार्कण्डेय उवाच ।

ततः सर्वान्समानीय द्विजानाश्रमवासिनः ।
यथाविधि समुद्वाहं कारयामासतुर्नृपौ ॥ १५ ॥
दत्त्वा त्वश्वपतिः कन्यां यथार्हं च परिच्छदम् ।
ययौ स्वमेव भवनं युक्तः परमया मुदा ॥ १६ ॥
सत्यवानपि भार्या तां लब्ध्वा सर्वगुणान्विताम् ।
मुमुदे सा च तं लब्ध्वा भर्तारं मनसेप्सितम् ॥ १७ ॥
गते पितरि सर्वाणि संन्यस्याभरणानि सा ।
जगृहे वल्कलान्येव वस्त्रं काषायमेव च ॥ १८ ॥
परिचारैर्गुणैश्चैव प्रश्रयेण दमेन च ।
सर्वकामक्रियाभिश्च सर्वेषां तुष्टिमावहत् ॥ १९ ॥
श्वश्रूं शरीरसत्कारैः सर्वैराच्छादनादिभिः ।

श्वशुरं देवकार्यैश्च वाचः संयमनेन च ॥ २० ॥
तथैव प्रियवादेन नैपुणेन शमेन च ।
रहश्चैवोपचारेण भर्तारं पर्यतोषयत् ॥ २१ ॥
एवं तत्राश्रमे तेषां तदा निवसतां सताम् ।
कालस्तपस्यतां कश्चिदतिचक्राम भारत ॥ २२ ॥
सावित्र्यास्तु शयानायास्तिष्ठन्त्याश्च दिवानिशम् ।
नारदेन यदुक्तं तद्वाक्यं मनसि वर्तते ॥ २३ ॥

इति श्रीमहाभारते आरण्यकपर्वणि एकोनाशीत्यधिकद्विशततमो
ऽध्यायः ॥ २७९ ॥

२८०

मार्कण्डेय उवाच ।
ततः काले बहुतिथे व्यतिक्रान्ते कदाचन ।
प्राप्तः स कालो मर्तव्यं यत्र सत्यवता नृप ॥ १ ॥
गणयन्त्याश्च सावित्र्या दिवसे दिवसे गते ।
तद्वाक्यं नारदेनोक्तं वर्तते हृदि नित्यशः ॥ २ ॥
चतुर्थे ऽहनि मर्तव्यमिति संचिन्त्य भामिनी ।
व्रतं त्रिरात्रमुद्दिश्य दिवारात्रं स्थिताभवत् ॥ ३ ॥
तं श्रुत्वा नियमं दुःखं वध्वा दुःखान्वितो नृपः ।
उत्थाय वाक्यं सावित्रीमब्रवीत्परिसान्त्वयन् ॥ ४ ॥
अतितीव्रो ऽयमारम्भस्त्वयारब्धो नृपात्मजे ।

तिसृणां वसतीनां हि स्थानं परमदुष्करम् ॥ ५ ॥

सावित्र्युवाच ।

न कार्यस्तात संतापः पारयिष्याम्यहं व्रतम् ।

व्यवसायकृतं हीदं व्यवसायश्च कारणम् ॥ ६ ॥

द्युमत्सेन उवाच ।

व्रतं भिन्धीति वक्तुं त्वां नास्मि शक्तः कथंचन ।

पारयस्वेति वचनं युक्तमस्मद्विधो वदेत् ॥ ७ ॥

मार्कण्डेय उवाच ।

एवमुक्त्वा द्युमत्सेनो विरराम महामनाः ।

तिष्ठन्ती चापि सावित्री काष्ठभूतेव लक्ष्यते ॥ ८ ॥

श्वो भूते भर्तृमरणे सावित्र्या भरतर्षभ ।

दुःखान्वितायास्तिष्ठन्त्याः सा रात्रिर्व्यत्यवर्तत ॥ ९ ॥

अद्य तद्विवसं चेति हुत्वा दीप्तं हुताशनम् ।

युगमात्रोदिते सूर्ये कृत्वा पौर्वाह्निकीः क्रियाः ॥ १० ॥

ततः सर्वान्द्विजान्वृद्धाञ्चश्रूंश्चशुरमेव च ।

अभिवाद्यानुपूर्व्येण प्राञ्जलिर्नियता स्थिता ॥ ११ ॥

अवैधव्याशिषस्ते तु सावित्र्यर्थं हिताः शुभाः ।

ऊचुस्तपस्विनः सर्वे तपोवननिवासिनः ॥ १२ ॥

एवमस्त्विति सावित्री ध्यानयोगपरायणा ।

मनसा ता गिरः सर्वाः प्रत्यगृह्णात्तपस्विनाम् ॥ १३ ॥

तं कालं च मुहूर्तं च प्रतीक्षन्ती नृपात्मजा ।

यथोक्तं नारदवचश्चिन्तयन्ती सुदुःखिता ॥ १४ ॥

ततस्तु श्वश्रूश्चशुरावूचतुस्तां नृपात्मजाम् ।

एकान्तस्थामिदं वाक्यं प्रीत्या भरतसत्तम ॥ १५ ॥

श्वशुरावूचतुः ।

व्रतो यथोपदिष्टो ऽयं यथावत्पारितस्त्वया ।

आहारकालः संप्राप्तः क्रियतां यदनन्तरम् ॥ १६ ॥

सावित्र्युवाच ।

अस्तं गते मयादित्ये भोक्तव्यं कृतकामया ।

एष मे हृदि संकल्पः समयश्च कृतो मया ॥ १७ ॥

मार्कण्डेय उवाच ।

एवं संभाषमाणायाः सावित्र्या भोजनं प्रति ।

स्कन्धे परशुमादाय सत्यवान्प्रस्थितो वनम् ॥ १८ ॥

सावित्री त्वाह भर्तारं नैकस्त्वं गन्तुमर्हसि ।

सह त्वयागमिष्यामि न हि त्वां हातुमुत्सहे ॥ १९ ॥

सत्यवानुवाच ।

वनं न गतपूर्वं ते दुःखः पन्थाश्च भामिनि ।

व्रतोपवासक्षामा च कथं पद्भ्यां गमिष्यसि ॥ २० ॥

सावित्र्युवाच ।

उपवासान्न मे ग्लानिर्नास्ति चापि परिश्रमः ।

गमने च कृतोत्साहां प्रतिषेद्धं न मर्हसि ॥ २१ ॥

सत्यवानुवाच ।

यदि ते गमनोत्साहः करिष्यामि तव प्रियम् ।

मम त्वामन्त्रय गुरून् मां दोषः स्पृशेदयम् ॥ २२ ॥

मार्कण्डेय उवाच ।

साभिगम्याब्रवीच्छ्रूं श्वशुरं च महाव्रता ।

अयं गच्छति मे भर्ता फलाहारो महावनम् ॥ २३ ॥

इच्छेयमभ्यनुज्ञातुमार्यया श्वशुरेण च ।

अनेन सह निर्गन्तुं न हि मे विरहः क्षमः ॥ २४ ॥
 गुर्वग्निहोत्रार्थकृते प्रस्थितश्च सुतस्तव ।
 न निवार्यो निवार्यः स्यादन्यथा प्रस्थितो वनम् ॥ २५ ॥
 संवत्सरः किञ्चिदूनो न निष्क्रान्ताहमाश्रमात् ।
 वनं कुसुमितं द्रष्टुं परं कौतूहलं हि मे ॥ २६ ॥
 द्युमत्सेन उवाच ।

यतः प्रभृति सावित्री पित्रा दत्ता स्तुषा मम ।
 नानयाभ्यर्थनायुक्तमुक्तपूर्वं स्मराम्यहम् ॥ २७ ॥
 तदेषा लभतां कामं यथाभिलषितं वधूः ।
 अप्रमादश्च कर्तव्यः पुत्रि सत्यवतः पथि ॥ २८ ॥
 मार्कण्डेय उवाच ।

उभाभ्यामभ्यनुज्ञाता सा जगाम यशस्विनी ।
 सह भर्त्रा हसन्तीव हृदयेन विदूयता ॥ २९ ॥
 सा वनानि विचित्राणि रमणीयानि सर्वशः ।
 मयूररवघुष्टानि ददर्श विपुलेक्षणा ॥ ३० ॥
 नदीः पुण्यवहाश्चैव पुष्पितांश्च नगोत्तमान् ।
 सत्यवानाह पश्येति सावित्रीं मधुराक्षरम् ॥ ३१ ॥
 निरीक्षमाणा भर्तारं सर्वावस्थमनिन्दिता ।
 मृतमेव हि तं मेने काले मुनिवचः स्मरन् ॥ ३२ ॥
 अनुवर्तती तु भर्तारं जगाम मृदुगामिनी ।
 द्विधेव हृदयं कृत्वा तं च कालमवेक्षती ॥ ३३ ॥

इति श्रीमहाभारते आरण्यकपर्वणि अशीत्यधिकद्विशततमो
 ऽध्यायः ॥ २८० ॥

मार्कण्डेय उवाच ।

अथ भार्यासहायः स फलान्यादाय वीर्यवान् ।
 कठिनं पूरयामास ततः काष्ठान्यपाटयत् ॥ १ ॥
 तस्य पाटयतः काष्ठं स्वेदो वै समजायत ।
 व्यायामेन च तेनास्य जज्ञे शिरसि वेदना ॥ २ ॥
 सो ऽभिगम्य प्रियां भार्यामुवाच श्रमपीडितः ।
 व्यायामेन ममानेन जाता शिरसि वेदना ॥ ३ ॥
 अङ्गानि चैव सावित्रि हृदयं दूयतीव च ।
 अस्वस्थमिव चात्मानं लक्षये मितभाषिणि ॥ ४ ॥
 शूलैरिव शिरो विद्धमिदं संलक्षयाम्यहम् ।
 तत्स्वप्नुमिच्छे कल्याणि न स्थातुं शक्तिरस्ति मे ॥ ५ ॥
 समासाद्याथ सावित्री भर्तारमुपगूह्य च ।
 उत्सङ्गे ऽस्य शिरः कृत्वा निषसाद महीतले ॥ ६ ॥
 ततः सा नारदवचो विमृशन्ती तपस्विनी ।
 तं मुहूर्तं क्षणं वेलां दिवसं च युयोज ह ॥ ७ ॥
 मुहूर्तादिव चापश्यत्पुरुषं पीतवाससम् ।
 बद्धमौलिं वपुष्मन्तमादित्यसमतेजसम् ॥ ८ ॥
 श्यामावदातं रक्ताक्षं पाशहस्तं भयावहम् ।
 स्थितं सत्यवतः पार्श्वे निरीक्षन्तं तमेव च ॥ ९ ॥
 तं दृष्ट्वा सहस्रोत्थाय भर्तुर्न्यस्य शनैः शिरः ।
 कृताञ्जलिरुवाचार्ता हृदयेन प्रवेपता ॥ १० ॥

दैवतं त्वाभिजानामि वपुरेतद्धयमानुषम् ।
कामया ब्रूहि मे देव कस्त्वं किं च चिकीर्षसि ॥ ११ ॥
यम उवाच ।

पतिव्रतासि सावित्रि तथैव च तपोन्विता ।
अतस्त्वामभिभाषामि विद्धि मां त्वं शुभे यमम् ॥ १२ ॥
अयं ते सत्यवान्भर्ता क्षीणायुः पार्थिवात्मजः ।
नेष्याम्येनमहं बद्धा विद्धयेतन्मे चिकीर्षितम् ॥ १३ ॥
मार्कण्डेय उवाच ।

इत्युक्त्वा पितुराजस्तां भगवान्स्वं चिकीर्षितम् ।
यथावत्सर्वमाख्यातुं तत्प्रियार्थं प्रचक्रमे ॥ १४ ॥
अयं हि धर्मसंयुक्तो रूपवान्गुणसागरः ।
नाहो मत्पुरुषैर्नेतुमतो ऽस्मि स्वयमागतः ॥ १५ ॥
ततः सत्यवतः कायात्पाशबद्धं वशं गतम् ।
अङ्गुष्ठमात्रं पुरुषं निश्चकर्ष यमो बलात् ॥ १६ ॥
ततः समुद्धृतप्राणं गतश्वासं हतप्रभम् ।
निर्विचेष्टं शरीरं तद्वभूवाप्रियदर्शनम् ॥ १७ ॥
यमस्तु तं तथा बद्धा प्रयातो दक्षिणामुखः ।
सावित्री चापि दुःखार्ता यममेवान्वगच्छत ।
नियमव्रतसंसिद्धा महाभागा पतिव्रता ॥ १८ ॥
यम उवाच ।

निवर्त गच्छ सावित्रि कुरुष्वास्यौध्वदीहिकम् ।
कृतं भर्तुस्त्वयानृण्यं यावद्गम्यं गतं त्वया ॥ १९ ॥
सावित्र्युवाच ।

यत्र मे नीयते भर्ता स्वयं वा यत्र गच्छति ।

मयापि तत्र गन्तव्यमेष धर्मः सनातनः ॥ २० ॥
 तपसा गुरुवृत्त्या च भर्तुः स्नेहा तेन च ।
 तव चैव प्रसादेन न मे प्रतिहता गतिः ॥ २१ ॥
 प्राहुः सप्तपदं मित्रं बुधास्तत्त्वार्थदर्शिनः ।
 मित्रतां च पुरस्कृत्य किञ्चिद्वक्ष्यामि तच्छृणु ॥ २२ ॥
 नानात्मवन्तस्तु वने चरन्ति धर्मं च वासं च परिश्रमं च ।
 विज्ञानतो धर्ममुदाहरन्ति तस्मात्सन्तो धर्ममाहुः प्रधानम् ॥ २३ ॥
 एकस्य धर्मेण सतां मतेन सर्वे स्म तं मार्गमनुप्रपन्नाः ।
 मा वै द्वितीयं मा तृतीयं च वाञ्छे तस्मात्सन्तो धर्ममाहुः प्रधानम् ॥ २४ ॥

यम उवाच ।

निवर्त तुष्टो ऽस्मि तवानया गिरा स्वराक्षरव्यञ्जनहेतुयुक्तया ।
 वरं वृणीष्वेह विनास्य जीवितं ददानि ते सर्वमनिन्दिते वरम् ॥ २५ ॥

सावित्र्युवाच ।

च्युतः स्वराज्याद्वनवासमाश्रितो विनष्टचक्षुः श्वशुरो ममाश्रमे ।
 स लब्धचक्षुर्वाबलन्भवेन्नृपस्तव प्रसादाज्ज्वलनार्कसंनिभः ॥ २६ ॥

यम उवाच ।

ददानि ते सर्वमनिन्दिते वरं यथा त्वयोक्तं भविता च तत्तथा ।
 तवाध्वना ग्लानिमिवोपलक्षये निवर्त गच्छस्व न ते श्रमो भवेत् ॥ २७ ॥

सावित्र्युवाच ।

कुतः श्रमो भर्तृसमीपतो हि मे यतो हि भर्ता मम सा गतिर्ध्रुवा ।
 यतः पतिं नेष्यसि तत्र मे गतिः सुरेश भूयश्च वचो निबोध मे ॥ २८ ॥
 सतां सकृत्संगतमीप्सितं परं ततः परं मित्रमिति प्रचक्षते ।
 न चाफलं सत्पुरुषेण संगतं ततः सतां संनिवसेत्समागमे ॥ २९ ॥

यम उवाच ।

मनो ऽनुकूलं बुधबुद्धिवर्धनं त्वयाहमुक्तो वचनं हिताश्रयम् ।
विना पुनः सत्यवतो ऽस्य जीवितं वरं द्वितीयं वरयस्व भामिनि ॥ ३० ॥

सावित्र्युवाच ।

हृतं पुरा मे श्वशुरस्य धीमतः स्वमेव राज्यं स लभेत पार्थिवः ।
जह्यात्स्वधर्मं न च मे गुरुर्यथा द्वितीयमेतं वरयामि ते वरम् ॥ ३१ ॥

यम उवाच ।

स्वमेव राज्यं प्रतिपत्स्यते ऽचिरान्न च स्वधर्मात्परिहास्यते नृपः ।
कृतेन कामेन मया नृपात्मजे निवर्तं गच्छस्व न ते श्रमो भवेत् ॥ ३२ ॥

सावित्र्युवाच ।

प्रजास्त्वयेमा नियमेन संयता नियम्य चैता नयसे न कामया ।
अतो यमत्वं तव देव विश्रुतं निबोध चेमां गिरमीरितां मया ॥ ३३ ॥
अद्रोहः सर्वभूतेषु कर्मणा मनसा गिरा ।
अनुग्रहश्च दानं च सतां धर्मः सनातनः ॥ ३४ ॥
एवंप्रायश्च लोको ऽयं मनुष्याः शक्तिपेशलाः ।
सन्तस्त्वेवाप्यमित्रेषु दयां प्राप्तेषु कुर्वते ॥ ३५ ॥

यम उवाच ।

पिपासितस्येव यथा भवेत्पयस्तथा त्वया वाक्यमिदं समीरितम् ।
विना पुनः सत्यवतो ऽस्य जीवितं वरं वृणीष्वेह शुभे यदिच्छसि ॥ ३६ ॥

सावित्र्युवाच ।

ममानपत्यः पृथिवीपतिः पिता भवेत्पितुः पुत्रशतं ममौरसम् ।
कुलस्य संतानकरं च यद्भवेत्तृतीयमेतं वरयामि ते वरम् ॥ ३७ ॥

यम उवाच ।

कुलस्य संतानकरं सुवर्चसं शतं सुतानां पितुरस्तु ते शुभे ।

कृतेन कामेन नराधिपात्मजे निवर्त दूरं हि पथस्त्वमागता ॥ ३८ ॥

सावित्र्युवाच ।

न दूरमेतन्मम भर्तृसंनिधौ मनो हि मे दूरतरं प्रधावति ।

तथा ब्रजन्नेव गिरं समुद्यतां मयोच्यमानां शृणु भूय एव च ॥ ३९ ॥

विवस्वतस्त्वं तनयः प्रतापवांस्ततो हि वैवस्वत उच्यसे बुधैः ।

शमेन धर्मेण च रञ्जिताः प्रजास्ततस्तवेहेश्वर धर्मराजता ॥ ४० ॥

आत्मन्यपि न विश्वासस्तावान्भवति सत्सु यः ।

तस्मात्सत्सु विशेषेण सर्वः प्रणयमिच्छति ॥ ४१ ॥

सौहृदात्सर्वभूतानां विश्वासो नाम जायते ।

तस्मात्सत्सु विशेषेण विश्वासं कुरुते जनः ॥ ४२ ॥

यम उवाच ।

उदाहृतं ते वचनं यदङ्गने शुभे न तादृत्तवदृते मया श्रुतम् ।

अनेन तुष्टो ऽस्मि विनास्य जीवितं वरं चतुर्थं वरयस्व गच्छ च ॥ ४३ ॥

सावित्र्युवाच ।

ममात्मजं सत्यवतस्तथौरसं भवेदुभाभ्यामिह यत्कुलोद्वहम् ।

शतं सुतानां बलवीर्यशालिनामिदं चतुर्थं वरयामि ते वरम् ॥ ४४ ॥

यम उवाच ।

शतं सुतानां बलवीर्यशालिनां भविष्यति प्रीतिकरं तवाबले ।

परिश्रमस्ते न भवेन्नृपात्मजे निवर्त दूरं हि पथस्त्वमागता ॥ ४५ ॥

सावित्र्युवाच ।

सतां सदा शाश्वती धर्मवृत्तिः सन्तो न सीदन्ति न च व्यथन्ति ।

सतां सद्भिर्नाफलः संगमो ऽस्ति सञ्चो भयं नानुवर्तन्ति सन्तः ॥ ४६ ॥

सन्तो हि सत्येन नयन्ति सूर्यं सन्तो भूमिं तपसा धारयन्ति ।

सन्तो गतिर्भूतभव्यस्य राजन्सतां मध्ये नावसीदन्ति सन्तः ॥ ४७ ॥

आर्यजुष्टमिदं वृत्तमिति विज्ञाय शाश्वतम् ।

सन्तः परार्थं कुर्वाणा नावेक्षन्ते प्रतिक्रियाम् ॥ ४८ ॥

न च प्रसादः सत्पुरुषेषु मोघो न चाप्यर्थो नश्यति नापि मानः ।

यस्मादेतन्नियतं सत्सु नित्यं तस्मात्सन्तो रक्षितारो भवन्ति ॥ ४९ ॥

यम उवाच ।

यथा यथा भाषसि धर्मसंहितं मनो ऽनुकूलं सुपदं महार्थवत् ।

तथा तथा मे त्वयि भक्तिरुत्तमा वरं वृणीष्व्वाप्रतिमं यतव्रत ॥ ५० ॥

सावित्र्युवाच ।

न ते ऽपवर्गः सुकृताद्विनाकृतस्तथा यथान्येषु वरेषु मानद ।

वरं वृणे जीवतु सत्यवानयं यथा मृता ह्येवमहं विना पतिम् ॥ ५१ ॥

न कामये भर्तृविनाकृता सुखं न कामये भर्तृविनाकृता दिवम् ।

न कामये भर्तृविनाकृता श्रियं न भर्तृहीना व्यवसामि जीवितुम् ॥ ५२ ॥

वरातिसर्गः शतपुत्रता मम त्वयैव दत्तो ह्रियते च मे पतिः ।

वरं वृणे जीवतु सत्यवानयं तवैव सत्यं वचनं भविष्यति ॥ ५३ ॥

मार्कण्डेय उवाच ।

तथेत्युक्त्वा तु तान्पाशान्मुक्त्वा वैवस्वतो यमः ।

धर्मराजः प्रहृष्टात्मा सावित्रीमिदमब्रवीत् ॥ ५४ ॥

एष भद्रे मया मुक्तो भर्ता ते कुलनन्दिनि ।

अरोगस्तव नेयश्च सिद्धार्थश्च भविष्यति ॥ ५५ ॥

चतुर्वर्षशतं चायुस्त्वया सार्धमवाप्स्यति ।

इष्ट्वा यज्ञैश्च धर्मेण ख्यातिं लोके गमिष्यति ॥ ५६ ॥

त्वयि पुत्रशतं चैव सत्यवाञ्छनयिष्यति ।

ते चापि सर्वे राजानः क्षत्रियाः पुत्रपौत्रिणः ।

ख्यातास्त्वन्नामधेयाश्च भविष्यन्तीह शाश्वताः ॥ ५७ ॥

पितुश्च ते पुत्रशतं भविता तव मातरि ।
 मालव्यां मालवा नाम शाश्वताः पुत्रपौत्रिणः ।
 भ्रातरस्ते भविष्यन्ति क्षत्रियास्त्रिदशोपमाः ॥ ५८ ॥
 एवं तस्यै वरं दत्त्वा धर्मराजः प्रतापवान् ।
 निवर्तयित्वा सावित्रीं स्वमेव भवनं ययौ ॥ ५९ ॥
 सावित्र्यपि यमे याते भर्तारं प्रतिलभ्य च ।
 जगाम तत्र यत्रास्या भर्तुः शावं कलेवरम् ॥ ६० ॥
 सा भूमौ प्रेक्ष्य भर्तारमुपसृत्योपगूह्य च ।
 उत्सङ्गे शिर आरोप्य भूमावुपविवेश ह ॥ ६१ ॥
 संज्ञां च सत्यवांल्लब्ध्वा सावित्रीमभ्यभाषत ।
 प्रोष्यागत इव प्रेम्णा पुनः पुनरुदीक्ष्य वै ॥ ६२ ॥
 सत्यवानुवाच ।
 सुचिरं बत सुप्तो ऽस्मि किमर्थं नावबोधितः ।
 क्व चासौ पुरुषः श्यामो यो ऽसौ मां संचकर्ष ह ॥ ६३ ॥
 सावित्र्युवाच ।
 सुचिरं बत सुप्तो ऽसि ममाङ्गे पुरुषर्षभ ।
 गतः स भगवान्देवः प्रजासंयमनो यमः ॥ ६४ ॥
 विश्रान्तो ऽसि महाभाग विनिद्रश्च नृपात्मज ।
 यदि शक्यं समुत्तिष्ठ विगाढां पश्य शर्वरीम् ॥ ६५ ॥
 मार्कण्डेय उवाच ।
 उपलभ्य ततः संज्ञां सुखसुप्त इवोत्थितः ।
 दिशः सर्वा वनान्तांश्च निरीक्ष्योवाच सत्यवान् ॥ ६६ ॥
 फलाहारो ऽस्मि निष्क्रान्तस्त्वया सह सुमध्यमे ।
 ततः पाटयतः काष्ठं शिरसो मे रुजाभवत् ॥ ६७ ॥

शिरो ऽभितापसंतप्तः स्थातुं चिरमशक्नुवन् ।
 तवोत्सङ्गे प्रसुप्तो ऽहमिति सर्वं स्मरे शुभे ॥ ६८ ॥
 त्वयोपगूढस्य च मे निद्रयापहतं मनः ।
 ततो ऽपश्यं तमो घोरं पुरुषं च महौजसम् ॥ ६९ ॥
 तद्यदि त्वं विजानासि किं तद्ब्रूहि सुमध्यमे ।
 स्वप्नो मे यदि वा दृष्टो यदि वा सत्यमेव तत् ॥ ७० ॥
 तमुवाचाथ सावित्री रजनी व्यवगाहते ।
 श्वस्ते सर्वं यथावृत्तमाख्यास्यामि नृपात्मज ॥ ७१ ॥
 उत्तिष्ठोत्तिष्ठ भद्रं ते पितरौ पश्य सुव्रत ।
 विगाढा रजनी चेयं निवृत्तश्च दिवाकरः ॥ ७२ ॥
 नक्तंचराश्चरन्त्येते हृष्टाः क्रूराभिभाषिणः ।
 श्रूयन्ते पर्णशब्दाश्च मृगाणां चरतां वने ॥ ७३ ॥
 एताः शिवा घोरनादा दिशं दक्षिणपश्चिमाम् ।
 आस्थाय विरुवन्त्युग्राः कम्पयन्त्यो मनो मम ॥ ७४ ॥

सत्यवानुवाच ।

वनं प्रतिभयाकारं घनेन तमसा वृतम् ।
 न विज्ञास्यसि पन्थानं गन्तुं चैव न शक्यसि ॥ ७५ ॥

सावित्र्युवाच ।

अस्मिन्नद्य वने दग्धे शुष्कवृक्षः स्थितो ज्वलन् ।
 वायुना धम्यमानो ऽग्निर्दृश्यते ऽत्र क्वचित्क्वचित् ॥ ७६ ॥
 ततो ऽग्निमानयित्वेह ज्वालयिष्यामि सर्वतः ।
 काष्ठानीमानि सन्तीह जहि संतापमात्मनः ॥ ७७ ॥
 यदि नोत्सहसे गन्तुं सरुजं त्वाभिलक्षये ।
 न च ज्ञास्यसि पन्थानं तमसा संवृते वने ॥ ७८ ॥

श्वः प्रभाते वने दृश्ये यास्यावो ऽनुमते तव ।
 वसावेह क्षपामेतां रुचितं यदि ते ऽनघ ॥ ७९ ॥
 सत्यवानुवाच ।
 शिरोरुजा निवृत्ता मे स्वस्थान्यङ्गानि लक्षये ।
 मातापितृयामिच्छामि संगमं त्वत्प्रसादजम् ॥ ८० ॥
 न कदाचिद्विकाले हि गतपूर्वो मयाश्रमः ।
 अनागतायां संध्यायां माता मे प्ररुणद्धि माम् ॥ ८१ ॥
 दिवापि मयि निष्क्रान्ते संतप्येते गुरू मम ।
 विचिनोति च मां तातः सहैवाश्रमवासिभिः ॥ ८२ ॥
 मात्रा पित्रा च सुभृशं दुःखिताभ्यामहं पुरा ।
 उपालब्धः सुबहुशश्चिरेणागच्छसीति ह ॥ ८३ ॥
 का त्ववस्था तयोरद्य मदर्थमिति चिन्तये ।
 तयोरदृश्ये मयि च महदुःखं भविष्यति ॥ ८४ ॥
 पुरा मामूचतुश्चैव रात्रावस्त्रायमाणकौ ।
 भृशं सुदुःखितौ वृद्धौ बहुशः प्रीतिसंयुतौ ॥ ८५ ॥
 त्वया हीनौ न जीवाव मुहूर्तमपि पुत्रक ।
 यावद्धरिष्यसे पुत्र तावन्नौ जीवितं ध्रुवम् ॥ ८६ ॥
 वृद्धयोरन्धयोर्यष्टिस्त्वयि वंशः प्रतिष्ठितः ।
 त्वयि पिण्डश्च कीर्तिश्च संतानं चावयोरिति ॥ ८७ ॥
 माता वृद्धा पिता वृद्धस्तयोर्यष्टिरहं किल ।
 तौ रात्रौ मामपश्यन्तौ कामवस्थां गमिष्यतः ॥ ८८ ॥
 निद्रायाश्चाभ्यसूयामि यस्या हेतोः पिता मम ।
 माता च संशयं प्राप्ता मत्कृते ऽनपकारिणी ॥ ८९ ॥
 अहं च संशयं प्राप्तः कृच्छ्रामापदमास्थितः ।

मातापितृयां हि विना नाहं जीवितुमुत्सहे ॥ ९० ॥
 व्यक्तमाकुलया बुद्ध्या प्रज्ञाचक्षुः पिता मम ।
 एकैकमस्यां वेलयां पृच्छत्याश्रमवासिनम् ॥ ९१ ॥
 नात्मानमनुशोचामि यथाहं पितरं शुभे ।
 भर्तारं चाप्यनुगतां मातरं परिदुर्बलाम् ॥ ९२ ॥
 मत्कृतेन हि तावद्य संतापं परमेष्ठ्यतः ।
 जीवन्तावनुजीवामि भर्तव्यौ तौ मयेति ह ।
 तयोः प्रियं मे कर्तव्यमिति जीवामि चाप्यहम् ॥ ९३ ॥
 मार्कण्डेय उवाच ।

एवमुक्त्वा स धर्मात्मा गुरुवर्ती गुरुप्रियः ।
 उच्छ्रित्य बाहू दुःखार्तः सस्वरं प्ररुरोद ह ॥ ९४ ॥
 ततो ऽब्रवीत्तथा दृष्ट्वा भर्तारं शोककर्षितम् ।
 प्रमृज्याश्रूणि नेत्राभ्यां सावित्री धर्मचारिणी ॥ ९५ ॥
 यदि मे ऽस्ति तपस्तप्तं यदि दत्तं हुतं यदि ।
 श्वश्रूश्वशुरभर्तृणां मम पुण्यास्तु शर्वरी ॥ ९६ ॥
 न स्मराम्युक्तपूर्वा वै स्वैरेष्वप्यनृतां गिरम् ।
 तेन सत्येन तावद्य ध्रियेतां श्वशुरौ मम ॥ ९७ ॥

सत्यवानुवाच ।
 कामये दर्शनं पित्रोर्याहि सावित्रि माचिरम् ।
 पुरा मातुः पितुर्वापि यदि पश्यामि विप्रियम् ।
 न जीविष्ये वरारोहे सत्येनात्मानमालभे ॥ ९८ ॥
 यदि धर्मे च ते बुद्धिर्मा चेज्जीवन्तमिच्छसि ।
 मम प्रियं वा कर्तव्यं गच्छस्वाश्रममन्तिकात् ॥ ९९ ॥

मार्कण्डेय उवाच ।

सावित्री तत उत्थाय केशान्संयम्य भामिनी ।
पतिमुत्थापयामास बाहुभ्यां परिगृह्य वै ॥ १०० ॥
उत्थाय सत्यवांश्चापि प्रमृज्याङ्गानि पाणिना ।
दिशः सर्वाः समालोक्य कठिने दृष्टिमादधे ॥ १०१ ॥
तमुवाचाथ सावित्री श्वः फलानीह नेष्यसि ।
योगक्षेमार्थमेतत्ते नेष्यामि परशुं त्वहम् ॥ १०२ ॥
कृत्वा कठिनभारं सा वृक्षशाखावलम्बिनम् ।
गृहीत्वा परशुं भर्तुः सकाशं पुनरागमत् ॥ १०३ ॥
वामे स्कन्धे तु वामोरूर्ध्वर्तुर्बाहुं निवेश्य सा ।
दक्षिणेन परिष्वज्य जगाम मृदुगामिनी ॥ १०४ ॥

सत्यवानुवाच ।

अभ्यासगमनाद्भीरु पन्थानो विदिता मम ।
वृक्षान्तरालोक्तया ज्योत्स्नया चापि लक्षये ॥ १०५ ॥
आगतौ स्वः पथा येन फलान्यवचितानि च ।
यथागतं शुभे गच्छ पन्थानं मा विचारय ॥ १०६ ॥
पलाशषण्डे चैतस्मिन्पन्था व्यावर्तते द्विधा ।
तस्योत्तरेण यः पन्थास्तेन गच्छ त्वरस्व च ।
स्वस्थो ऽस्मि बलवानस्मि दिदृक्षुः पितराबुभौ ॥ १०७ ॥

मार्कण्डेय उवाच ।

ब्रुवन्नेवं त्वरायुक्तः स प्रायादाश्रमं प्रति ॥ १०८ ॥

इति श्रीमहाभारते आरण्यकपर्वणि एकाशीत्यधिकद्विशततमो
ऽध्यायः ॥ २८१ ॥

मार्कण्डेय उवाच ।

एतस्मिन्नेव काले तु द्युमत्सेनो महावने ।
 लब्धचक्षुः प्रसन्नात्मा दृष्ट्या सर्वं ददर्श ह ॥ १ ॥
 स सर्वानाश्रमान्गत्वा शैब्यया सह भार्यया ।
 पुत्रहेतोः परामार्तिं जगाम मनुजर्षभ ॥ २ ॥
 तावाश्रमान्नदीश्चैव वनानि च सरांसि च ।
 तांस्तान्देशान्विचिन्वन्तौ दम्पती परिजग्मतुः ॥ ३ ॥
 श्रुत्वा शब्दं तु यत्किञ्चिदुन्मुखौ सुतशङ्कया ।
 सावित्रीसहितो ऽभ्येति सत्यवानित्यधावताम् ॥ ४ ॥
 भिन्नैश्च परुषैः पादैः सव्रणैः शोणितोक्षितैः ।
 कुशकण्टकविद्धाङ्गावुन्मत्ताविव धावतः ॥ ५ ॥
 ततो ऽभिसृत्य तैर्विप्रैः सर्वैराश्रमवासिभिः ।
 परिवार्य समाश्वास्य समानीतौ स्वमाश्रमम् ॥ ६ ॥
 तत्र भार्यासहायः स वृतो वृद्धैस्तपोधनैः ।
 आश्वासितो विचित्रार्थैः पूर्वरज्ञां कथाश्रयैः ॥ ७ ॥
 ततस्तौ पुनराश्वस्तौ वृद्धौ पुत्रदिदृक्षया ।
 बाल्ये वृत्तानि पुत्रस्य स्मरन्तौ भृशदुःखितौ ॥ ८ ॥
 पुनरुत्तवा च करुणां वाचं तौ शोककर्षितौ ।
 हा पुत्र हा साध्वि वधूः क्वासि क्वासीत्यरोदताम् ॥ ९ ॥
 सुवर्चा उवाच ।

यथास्य भार्या सावित्री तपसा च दमेन च ।

आचारेण च संयुक्ता तथा जीवति सत्यवान् ॥ १० ॥

गौतम उवाच ।

वेदाः साङ्गा मयाधीतास्तपो मे संचितं महत् ।

कौमारं ब्रह्मचर्यं मे गुरवो ऽग्निश्च तोषिताः ॥ ११ ॥

समाहितेन चीर्णानि सर्वाण्येव व्रतानि मे ।

वायुभक्षोपवासश्च कुशलानि च यानि मे ॥ १२ ॥

अनेन तपसा वेद्मि सर्वं परिचिकीर्षितम् ।

सत्यमेतन्निबोध त्वं ध्रियते सत्यवानिति ॥ १३ ॥

शिष्य उवाच ।

उपाध्यायस्य मे वक्राद्यथा वाक्यं विनिःसृतम् ।

नैतज्जातु भवेन्मिथ्या तथा जीवति सत्यवान् ॥ १४ ॥

ऋषय ऊचुः ।

यथास्य भार्या सावित्री सर्वैरेव सुलक्षणैः ।

अवैधव्यकरैर्युक्ता तथा जीवति सत्यवान् ॥ १५ ॥

भारद्वाज उवाच ।

यथास्य भार्या सावित्री तपसा च दमेन च ।

आचारेण च संयुक्ता तथा जीवति सत्यवान् ॥ १६ ॥

दाल्भ्य उवाच ।

यथा दृष्टिः प्रवृत्ता ते सावित्र्याश्च यथा व्रतम् ।

गताहारमकृत्वा च तथा जीवति सत्यवान् ॥ १७ ॥

माण्डव्य उवाच ।

यथा वदन्ति शान्तायां दिशि वै मृगपक्षिणः ।

पार्थिवी च प्रवृत्तिस्ते तथा जीवति सत्यवान् ॥ १८ ॥

धौम्य उवाच ।

सर्वैर्गुणैरुपेतस्ते यथा पुत्रो जनप्रियः ।
दीर्घायुर्लक्षणोपेतस्तथा जीवति सत्यवान् ॥ १९ ॥

मार्कण्डेय उवाच ।

एवमाश्वासितस्तैस्तु सत्यवाग्भिस्तपस्विभिः ।
तांस्तान्विगणयन्नर्थानवस्थित इवाभवत् ॥ २० ॥
ततो मुहूर्तात्सावित्री भर्त्रा सत्यवता सह ।
आजगामाश्रमं रात्रौ प्रहृष्टा प्रविवेश ह ॥ २१ ॥

ब्राह्मणा ऊचुः ।

पुत्रेण संगतं त्वाद्य चक्षुष्मन्तं निरीक्ष्य च ।
सर्वे वयं वै पृच्छामो वृद्धिं ते पृथिवीपते ॥ २२ ॥
समागमेन पुत्रस्य सावित्र्या दशनिन च ।
चक्षुषश्चात्मनो लाभात्त्रिभिर्दिष्ट्या विवर्धसे ॥ २३ ॥
सर्वैरस्माभिरुक्तं यत्तथा तन्नात्र संशयः ।
भूयो भूयश्च वृद्धिस्ते क्षिप्रमेव भविष्यति ॥ २४ ॥

मार्कण्डेय उवाच ।

ततो ऽग्निं तत्र संज्वाल्य द्विजास्ते सर्व एव हि ।
उपासां चक्रिरे पार्थ द्युमत्सेनं महीपतिम् ॥ २५ ॥
शैब्या च सत्यवांश्चैव सावित्री चैकतः स्थिताः ।
सर्वैस्तैरभ्यनुज्ञाता विशोकाः समुपाविशन् ॥ २६ ॥
ततो राज्ञा सहासीनाः सर्वे ते वनवासिनः ।
जातकौतूहलाः पार्थ पप्रच्छुर्नृपतेः सुतम् ॥ २७ ॥
प्रागेव नागतं कस्मात्सभार्येण त्वया विभो ।
विरात्रे चागतं कस्मात्को ऽनुबन्धश्च ते ऽभवत् ॥ २८ ॥

संतापितः पिता माता वयं चैव नृपात्मज ।
नाकस्मादिति जानीमस्तत्सर्वं वक्तुमर्हसि ॥ २९ ॥

सत्यवानुवाच ।

पित्राहमभ्यनुज्ञातः सावित्रीसहितो गतः ।
अथ मे ऽभूच्छिरोदुःखं वने काष्ठानि भिन्दतः ॥ ३० ॥
सुप्तश्चाहं वेदनया चिरमित्युपलक्षये ।
तावत्कालं च न मया सुप्तपूर्वं कदा चन ॥ ३१ ॥
सर्वेषामेव भवतां संतापो मा भवेदिति ।
अतो विरात्रागमनं नान्यदस्तीह कारणम् ॥ ३२ ॥

गौतम उवाच ।

अकस्माच्चक्षुषः प्राप्त्यर्द्युमत्सेनस्य ते पितुः ।
नास्य त्वं कारणं वेत्थ सावित्री वक्तुमर्हति ॥ ३३ ॥
श्रोतुमिच्छामि सावित्रि त्वं हि वेत्थ परावरम् ।
त्वां हि जानामि सावित्रि सावित्रीमिव तेजसा ॥ ३४ ॥
त्वमत्र हेतुं जानीषे तस्मात्सत्यं निरुच्यताम् ।
रहस्यं यदि ते नास्ति किञ्चिदत्र वदस्व नः ॥ ३५ ॥

सावित्र्युवाच ।

एवमेतद्यथा वेत्थ संकल्पो नान्यथा हि वः ।
न च किञ्चिद्रहस्यं मे श्रूयतां तथ्यमत्र यत् ॥ ३६ ॥
मृत्युर्मे भर्तुराख्यातो नारदेन महात्मना ।
स चाद्य दिवसः प्राप्तस्ततो नैनं जहाम्यहम् ॥ ३७ ॥
सुप्तं चैनं यमः साक्षादुपागच्छत्सकिंकरः ।
स एनमनयद्वद्धा दिशं पितृनिषेविताम् ॥ ३८ ॥
अस्तौषं तमहं देवं सत्येन वचसा विभुम् ।

पञ्च वै तेन मे दत्ता वराः शृणुत तान्मम ॥ ३९ ॥
चक्षुषी च स्वराज्यं च द्वौ वरौ श्वशुरस्य मे ।
लब्धं पितुः पुत्रशतं पुत्राणामात्मनः शतम् ॥ ४० ॥
चतुर्वर्षशतायुर्मे भर्ता लब्धश्च सत्यवान् ।
भर्तुर्हि जीवितार्थं तु मया चीर्णं स्थिरं व्रतम् ॥ ४१ ॥
एतत्सत्यं मयाख्यातं कारणं विस्तरेण वः ।
यथा वृत्तं सुखोदकमिदं दुःखं महन्मम ॥ ४२ ॥

ऋषय ऊचुः ।

निमज्जमानं व्यसनैरभिद्रुतं कुलं नरेन्द्रस्य तमोमये हृदे ।
त्वया सुशीले धृतधर्मपुण्यया समुद्धृतं साध्वि पुनः कुलीनया ॥ ४३ ॥
मार्कण्डेय उवाच ।

तथा प्रशस्य ह्यभिपूज्य चैव ते वरस्त्रियं तामृषयः समागताः ।
नरेन्द्रमामन्त्र्य सपुत्रमञ्जसा शिवेन जग्मुर्मुदिताः स्वमालयम् ॥ ४४ ॥

इति श्रीमहाभारते आरण्यकपर्वणि द्वाशीत्यधिकद्विशततमो
ऽध्यायः ॥ २८२ ॥

२८३

मार्कण्डेय उवाच ।

तस्यां रात्र्यां व्यतीतायामुदिते सूर्यमण्डले ।
कृतपूर्वाह्निकाः सर्वे समेयुस्ते तपोधनाः ॥ १ ॥
तदेव सर्वं सावित्र्या महाभाग्यं महर्षयः ।

द्युमत्सेनाय नातृप्यन्कथयन्तः पुनः पुनः ॥ २ ॥
 ततः प्रकृतयः सर्वाः शाल्वेयो ऽभ्यागता नृप ।
 आचख्युर्निहतं चैव स्वेनामात्येन तं नृपम् ॥ ३ ॥
 तं मन्त्रिणा हतं श्रुत्वा ससहायं सबान्धवम् ।
 न्यवेदन्यथातत्त्वं विद्रुतं च द्विषद्वलम् ॥ ४ ॥
 ऐकमत्यं च सर्वस्य जनस्याथ नृपं प्रति ।
 सचक्षुर्वाप्यचक्षुर्वा स नो राजा भवत्विति ॥ ५ ॥
 अनेन निश्चयेनेह वयं प्रस्थापिता नृप ।
 प्राप्तानीमानि यानानि चतुरङ्गं च ते बलम् ॥ ६ ॥
 प्रयाहि राजन्भद्रं ते घुष्टस्ते नगरे जयः ।
 अध्यास्स्व चिररात्राय पितृपैतामहं पदम् ॥ ७ ॥
 चक्षुष्मन्तं च तं दृष्ट्वा राजानं वपुषान्वितम् ।
 मूर्धभिः पतिताः सर्वे विस्मयोत्फुल्ललोचनाः ॥ ८ ॥
 ततो ऽभिवाद्य तान्वृद्धान्द्विजानाश्रमवासिनः ।
 तैश्चाभिपूजितः सर्वैः प्रययौ नगरं प्रति ॥ ९ ॥
 शैब्या च सह सावित्र्या स्वास्तीर्णेन सुवर्चसा ।
 नरयुक्तेन यानेन प्रययौ सेनया वृता ॥ १० ॥
 ततो ऽभिषिषिचुः प्रीत्या द्युमत्सेनं पुरोहिताः ।
 पुत्रं चास्य महात्मानं यौवराज्ये ऽभ्यषेचयन् ॥ ११ ॥
 ततः कालेन महता सावित्र्याः कीर्तिवर्धनम् ।
 तद्वै पुत्रशतं जज्ञे शूराणामनिवर्तिनाम् ॥ १२ ॥
 भ्रातृणां सोदराणां च तथैवास्याभवच्छतम् ।
 मद्राधिपस्याश्वपतेर्मालव्यां सुमहाबलम् ॥ १३ ॥
 एवमात्मा पिता माता श्वश्रूः श्वशुर एव च ।

भर्तुः कुलं च सावित्र्या सर्वं कृच्छ्रात्समुद्धृतम् ॥ १४ ॥

तथैवैषापि कल्याणी द्रौपदी शीलसंमता ।

तारयिष्यति वः सर्वान्सावित्रीव कुलाङ्गना ॥ १५ ॥

वैशंपायन उवाच ।

एवं स पाण्डवस्तेन अनुनीतो महात्मना ।

विशोको विज्वरो राजन्काम्यके न्यवसत्तदा ॥ १६ ॥

यश्चेदं शृणुयाद्भक्त्या सावित्र्याख्यानमुत्तमन् ।

स सुखी सर्वसिद्धार्थो न दुःखं प्राप्नुयान्नरः ॥ १७ ॥

इति श्रीमहाभारते आरण्यकपर्वाणि त्र्यशीत्यधिकद्विशततमो

ऽध्यायः ॥ २८३ ॥

Summary

The book «Skazanie o Savitri». Arhaicheskij mif v drevnej i srednevekovoj tradicii (The Story of Savitri. Archaic Myth in Ancient and Medieval Tradition) is devoted to the *Story of Savitri*, which is found in the III book (*Aranyakaparva*) of the *Mahabharata* (Mbh III.277–283). This is one of the most famous and poetic legends of ancient India, dedicated to woman's devotion to her husband. The book shows how the archaic myth of the heroine's journey to the world of the dead to save her husband from death is transformed in the Indian tradition and what changes it undergoes in the *Mahabharata* and the medieval version of the story, which we find in the *Matsya-purana* (MP 208–214). The most important part of the monograph is the translation of both versions of the *Story of Savitri*, provided with a detailed commentary.

Научное издание

ТЮЛИНА Елена Валерьевна

«СКАЗАНИЕ О САВИТРИ»

**Архаический миф
в древней и средневековой традиции**

*Утверждено к печати
Институтом востоковедения РАН*

Редактор М.С. Баландина
Верстка И.В. Федулов

Подписано 11.02.2019
Формат 60х90/16. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 10,5. Уч.-изд. л. 10
Тираж 500 экз. Зак. № 378.

Федеральное государственное
бюджетное учреждение науки
Институт востоковедения РАН
107031 Москва, ул. Рождественка, 12
Научно-издательский отдел
Зав. отделом И.В. Федулов
E-mail: izd@ivran.ru

Отпечатано в ПАО «Т8 Издательские Технологии»
г. Москва, Волгоградский проспект, дом 42, корп. 5